

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт российской истории Российской академии наук**

На правах рукописи

Воронова Екатерина Андреевна

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОТЦАХ И ОТЦОВСТВЕ
В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ.**

1950–1960-е гг.

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Зубкова Елена Юрьевна

Москва 2022

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Отцовство в советском семейно–брачном законодательстве	26
1.1. Нормативное регулирование отцовства в постреволюционный период. 1917 – 1920–е годы	27
1.2. Статус отца в контексте «консервативного поворота» в государственной семейной политике. 1930-е–середина 1940-х годов	37
1.3. Трансформация системы нормативных представлений об отцовстве в процессе разработки нового семейно–брачного кодекса. Конец 1940–х – 1960–е годы	43
Глава 2. Отцовство в общественном дискурсе 1950–1960–х годов (по материалам СМИ и письмам граждан)	64
2.1. «Безотцовщина» как социальная проблема.....	68
2.2. Отец как воспитатель: модели и стратегии поведения.....	94
2.3. Вопросы алиментных обязательств в письмах граждан.....	118
2.4. Репрезентация норм и девиаций отцовства.....	138
Глава 3. Отцовские практики и личный опыт	162
3.1. Отсутствующее отцовство.....	163
3.2. Ситуативное отцовство.....	176
3.3. Индивидуальные родительские стратегии мужчин.....	195
Заключение	219
Список источников и литературы	224

Введение

Актуальность исследования

Семья – один из самых древних и существующих до сих пор институтов общества. Это своеобразное тестовое поле, позволяющее исследовать особенности гендерного порядка и социальной политики, повседневные практики, культурные традиции и политические эксперименты в сфере частной жизни. Наряду с развитием идей о социальном и историческом конструировании гендерных норм в отношении женщин и материнства, актуальной проблемой является формирование репрезентации мужской идентичности, частью которой является отцовство.

Отцовство в контексте развития «советского проекта» – тема особая, позволяющая открыть новые перспективы в изучении советского социума, распределения гендерных ролей, конфигурации отношений между мужчинами и женщинами, родителями и детьми, соответствия советских реалий мировым трендам. Советский гендерный порядок отражал сложную и во многом противоречивую систему социальных отношений, политических и социальных институтов, мировоззренческих и культурных ценностей. Официально построенный на провозглашенных большевиками принципах равенства, на самом деле он представлял собой иерархию распределения гендерных ролей, закрепляя за мужчинами и женщинами разные сферы ответственности и представительства. Мужчины занимали лидирующие позиции в публичной сфере, органах власти и управления, на производстве, тогда как в семье в процессе перехода от традиционного общества к обществу модерна родительские функции постепенно переводились в зону преимущественной ответственности женщины–матери.

В советской модели семьи делался акцент на экономическом долге мужчины перед ребенком, что в глазах современников нередко формировало представления об отцовстве как тяжком, но обязательном бремени. «Отчужденное отцовство» заключалось в его депривации: отцы не могли

присутствовать при родах, навещать в роддоме жену и новорожденного, лишь мать имела право брать отпуск по уходу за ребенком. В дальнейшем отцы воспринимались как «второстепенные» родители: они или вовсе исключались из воспитательной рутины и повседневной заботы о детях, или участвовали в ней ситуативно.

Представления о том, каким должен быть «советский отец», менялись с течением времени. Если в 1930-е гг. в общественном сознании превалировал образ отца как мужчины – «защитника», мужчины – «строителя», то в 1970-е гг. социологи уже говорили о ностальгии по «истинной мужественности» и «кризисе маскулинности» в советском обществе. Семейная политика и пропаганда отцовства «по-советски» не привела к осознанию мужского родительства как самостоятельной ценности и эмоциональной потребности для взрослых мужчин. Современное мужское родительство в России отчасти унаследовало неразрешенные проблемы советской семейной сферы, и, несмотря на права, которые получили отцы (возможность присутствовать при родах, отпуск по уходу, совместная опека ребенка после развода и т.д.), традиция отчуждения отцовства сохраняется. Экономические обязательства и моральный долг перед обществом до сих пор являются доминирующими атрибутами отцовства даже на уровне языка (так, государственное пособие на детей, потерявших одного из родителей, называется «по потере кормильца»). Для понимания современных проблем и особенностей мужского родительства опыт его переосмысления в 1950–1960-е гг. имеет особое значение: этот период был одним из ключевых в процессе трансформации законодательной нормы и общественных представлений об отцовстве, его месте в жизни мужчины, семьи и общества. Тогда на волне «оттепели» одновременно с критикой прежних норм и практик осуществления мужчинами своих родительских функций была подготовлена почва для нормативных и социальных изменений в семейной сфере, которые нашли свое окончательное оформление в республиканских семейно-брачных кодексах, в том числе в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г.

Проблемы, связанные с отцовством, необходимо рассматривать в контексте демографических перемен, главные из которых были обусловлены

последствиями Второй мировой войны. Огромные военные потери привели к существенному сокращению численности мужского населения страны, снижению рождаемости и культивированию «безотцовщины». Государственная политика, направленная на восполнение демографических лакун, обернулась дискриминацией по отношению к детям, рожденным вне брака, и их матерям, одновременно «освободив» мужчин, не обремененных узами брака, от исполнения родительских обязанностей. В послевоенном СССР «демографическое эхо» войны и диспропорция полов начали постепенно сглаживаться к середине 1950–х гг., но этот процесс коснулся лишь возрастных групп до 30 лет¹.

После войны в Советском Союзе, как и в других странах, намечается тенденция к демократизации частной жизни и продолжается модернизация семьи, однако развитие этих процессов носило противоречивый характер и не было свободно от влияния консервативных представлений, которые призывали восстановить и закрепить довоенные гендерные и семейные нормы². Под влиянием этих тенденций мужское родительство во второй половине XX в. во всем мире претерпевает существенные изменения. Другим фактором, определившим облик советской семьи и отцовства в 1950–1960–е гг., стала урбанизация, сокращение размера семьи и ее нуклеаризация³.

Смерть Сталина как «отца народов» – символическая веха, обозначившая не только начало вытеснения из сознания современников главного патерналистского образа–символа, но и повлекшая за собой вслед за политическими переменами корректировку роли отцовства. Новое руководство страны в качестве отправной точки своей деятельности провозгласило курс на восстановление «социалистической законности», в рамках которого началась работа по модернизации действовавшего законодательства – административного, уголовного, семейного. Этот процесс выводится на публичный уровень,

¹ Население России в XX веке: Ист. очерки: в 3 т. М., 2000– . Т. 1: 1900–1939 гг. М., 2000. С. 206–216.

² *Nakachi M.* Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language // *East European Politics and Societies*. 2006. № 1. Vol. 20. P. 45–46.

³ Население России в XX веке... С. 206–216.

становится предметом общественного обсуждения – еще одно новшество «оттепели».

Недовольство действующим в 1950–1960–х гг. брачно–семейным законодательством породило многочисленные «низовые» инициативы, направленные на устранение его недостатков. Профессиональные педагоги, ученые, врачи, юристы, публицисты и другие эксперты доказывали важность отцовского присутствия и влияния на детей⁴. Этот процесс нашел отражение в законодательной норме и реальных семейных практиках. Однако прежде всего он заявил о себе на уровне дискурса – общественного и нормативного, взаимосвязь которых отражает важность и противоречивость социальных процессов периода «оттепели», а также позволяет исследователям понять особенности мировоззрения людей той эпохи, их систему ценностей и ментальные установки.

Степень изученности проблемы

Феномен советского отцовства попадал в сферу интереса историков при обращении к более общим или специальным темам – таким как гендерная история России и СССР, история семьи и брака СССР, история детства. В историографии можно выделить исследования, посвященные родительству и детству в рамках реализации семейной политики советского государства. В работах историков Н.Л. Пушкаревой⁵, Н.Б. Лебиной⁶, Н.А. Мицюк⁷ анализируются различные стороны

⁴ *Randall A. Soviet and Russian Masculinities: Rethinking Soviet Fatherhood after Stalin and Renewing Virility in the Russian Nation under Putin // The Journal of Modern History. 2020. № 92. P. 861.*

⁵ *Пушкарева Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // НЛЮ. 2012. № 5. С. 8–23; Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Мицюк Н.А. Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М., 2021; Казьмина О.Е. Пушкарева Н.Л. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы: модели для сборки. Сборник статей: Кн.1. /Сост. и ред. С.М. Ушакин. М., 2004. С. 185–219.*

⁶ *Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950 – 1960–е годы. СПб., 2015; Лебина Н.Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М., 2017.*

⁷ *Мицюк Н.А. Проблема материнства в современных зарубежных исторических исследованиях // Вестник Тверского государственного университета. 2015. № 2. С. 124–134.*

семейных отношений и родительских практик, установленных положениями указа 1944 г. В исследованиях Н.А. Араловец⁸ в центре внимания находится городская советская семья, сельской семье посвящены работы Л.Н. Денисовой⁹, О.М. Вербицкой¹⁰, Л. Олсон и С. Адоньевой¹¹. Проблема «безотцовщины» и попытки государственного регулирования положения детей, оставшихся без родителей, рассматривалась в контексте истории советского детства М.Р. Зезиной¹², Т.М. Смирновой¹³, М.В. Ромашовой¹⁴, К.Келли¹⁵.

В историографии советского мужского родительства можно выделить три основные тенденции: 1) относительно подробное изучение «смежных» с отцовством тем, таких как советская маскулинность и советская семья; 2) применение различных междисциплинарных методик в исследованиях (социологических, культурологических, методов устной истории); 3) движение от общих проблем советской гендерной истории в 1990–2000-е гг. к изучению в 2010-х гг. отдельных сегментов семейной политики, «женской», «детской» истории, родительских практик и т.д.

В 1968 г. в «Литературной газете» выходит статья советского демографа Бориса Урланиса «Берегите мужчин!»¹⁶. Как следует из названия, автор выражает обеспокоенность здоровьем и небольшой продолжительностью жизни советских мужчин. К обсуждению этой резонансной статьи под-

⁸ *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М. 2003; *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009.

⁹ *Денисова Л. Н.* Судьба русской крестьянки в XX веке : брак, семья, быт. М., 2007.

¹⁰ *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992.

¹¹ *Олсон Л., Адоньева С.* Миры русской деревенской женщины: традиция, трансгрессия, компромисс. М., 2016.

¹² *Зезина М.Р.* Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С.127–136.

¹³ *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М., 2015.

¹⁴ *Ромашова М.В.* Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. 2013. № 2. С. 108–116.

¹⁵ *Kelly C.* Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. London, 2007.

¹⁶ *Урланис Б.* Берегите мужчин! // Литературная газета. 1968. № 30. С.2.

ключились многие советские граждане – как мужчины, так и женщины: читатели или поддерживали автора, или спорили с ним. Данная статья стала важной вехой не только для современников, но и для исследователей советского гендерного порядка и советской маскулинности.

По мнению ряда исследователей, на рубеже 1960–1970-х гг. (время выхода статьи Урланиса) в советском обществе происходило переосмысление традиционной, патриархальной модели поведения мужчин как устаревшей и теряющей свою гегемонию. Это явление получило название «кризис маскулинности» по аналогии с такими же процессами в послевоенном западном мире. Исследователи, обращавшиеся к проблеме советской маскулинности, не могли обойти стороной вопрос об отцовстве: советские мужчины, достигшие репродуктивной и социальной зрелости, по факту должны были быть отцами. Эта проблема обсуждалась на междисциплинарном уровне: социологи, демографы и психологи, изучавшие феномен отцовства на протяжении XX века, так или иначе затрагивали тему «кризиса маскулинности».

Отцовство стало объектом внимания со стороны гендерных исследователей во второй половине 1970-х гг., как реакция на критику традиционных представлений о семье и родительских ролях¹⁷. Этот процесс совпал по времени со становлением изучения маскулинности как отдельной дисциплины, фундаментальной работой стала книга Р.В. Коннелл «Маскулинности»¹⁸, в которой автор, опираясь на концепции Бурдье, Гидденса и Грамши, выстраивает теорию социально–структурного пола, в котором мышление и действия субъекта детерминируются влиянием его личного опыта и социальных структур. Согласно концепции Коннелл, гегемонная маскулинность не монолитна, она конструируется, отталкиваясь от существующих моделей и стратегий женского и мужского поведения.

¹⁷ Клецина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29–41.

¹⁸ Connell R.W. Masculinities. London, 1995.

Таким образом возникают множественные модели маскулинностей, которые воспроизводятся в обществе и поддерживаются институционально.

Исследование Р.В. Коннелл стало методологическим фундаментом для последующих работ, посвященных теме «мужского», включая исследования советской маскулинности. В конце 1990–х гг. и начале 2000–х гг. наблюдается растущий интерес к советской гендерной проблематике, истории советской семьи и советского родительства, который находит свое воплощение в тематических конференциях, по итогам которых выходят сборники статей, объединенных общей методологией¹⁹. Не претендуя на статус фундаментальных исследований, эти сборники строились на принципе междисциплинарности и представляли собой набор интересных кейсов, отражающих советскую и постсоветскую гендерную тематику на базе различных типов источников.

Первым из их числа стал сборник 2000 г. под редакцией Сары Эшвин, «Гендер, государство и общество в советской и постсоветской России»²⁰, в центре которого было изучение влияния советского государства на гендерный порядок. Сборник включал в себя три статьи, посвященные проблеме маскулинности. Сергей Кухтерин в статье «Отцы и патриархи в коммунистической и посткоммунистической России»²¹ проводит сравнение нормативного дискурса советского отцовства и реальных родительских практик. Данные автора основываются на 35 интервью с мужчинами и женщинами трех поколений пяти московских семей, а также 14 индивидуальных интервью с мужчинами. Его целью было установить, как советские отцы воспринимали свое родительство и какое место дети занимали в их жизни. Анализ интервью с мужчинами–отцами, их домочадцами привел автора к выводам, в целом созвучным тезисам, заявленным Эшвин во вступительной статье к сборнику:

¹⁹ Gender, State and Society in Soviet and Post–Soviet Russia / Ed. by S. Ashwin. London, 2000; Gal S., Kligman G. The Politics of Gender after Socialism: A Comparative–Historical Essay. Princeton: NJ., 2000; Gender in Russian history and culture / Ed. by L. Edmondson. New York, 2001; Gender and National Identity in Twentieth–Century Russian Culture. De Kalb, 2006.

²⁰ Gender, State and Society in Soviet and Post–Soviet Russia...

²¹ Kukhterin S. Fathers and Patriarchs in Communist and Post–Communist Russia // Gender, State, and Society,.. P. 71–89.

маскулинность советских мужчин формировалась и культивировалась в публичной сфере, однако в семье у отца было мало шансов реализовать себя.

В 2002 г. выходят два ключевых сборника по российским и советским маскулинностям: один – под редакцией Барбары Клементс²², построенный по хронологическому принципу, и тематический сборник Сергея Ушакина²³, носящий междисциплинарный характер. Клементс рассматривает российские и советские маскулинности, их эволюцию и преемственность в контексте основных исторических тенденций развития европейских моделей маскулинности. Целью сборника являлся сравнительный анализ и экстраполяция западных историографических тенденций на российско–советскую «почву». Советская маскулинность рассматривается в трех статьях сборника, однако, отцовству как форме мужского родительства уделяется не так много внимания исследователей.

Сборник под редакцией Сергея Ушакина был разделен на шесть секций, в каждой из которых рассматривается один из аспектов российских и советских «мужественностей»: телесный, военный, профессиональный, национальный, исторический и современный. Коллектив авторов стремился переосмыслить содержание концепции «мужского» и рассмотреть различные конфигурации маскулинности – как существовавшие, так и существующие, в рамках методологии Р.В. Коннелл (плюралистическая мужественность, относительная мужественность и показательная мужественность). В предисловии Ушакин отмечает, что сборник не претендует на изображение полноценной картины российских маскулинностей, но лишь задает определенный контекст восприятия по «осколочному принципу», то есть рассматривая кейсы, связанные с разными аспектами российской и советской маскулинности²⁴.

²² Russian masculinities in history and culture / Ed. by Barbara Evans Clements. New York, 2002.

²³ «О муже(N)ственности». Сб. статей / под ред. С. Ушакина. М., 2002.

²⁴ Там же. С. 32

Социологи И.С. Кон, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина, чьи статьи были размещены в сборнике Сергея Ушакина, впоследствии продолжили свои исследования в области изучения отечественных маскулинностей и отцовства. С середины 2000–х гг. тема отцовства как важной части бытия мужчины развивается в работах И.С. Кона «Мужчины в меняющемся обществе»²⁵, «Мальчик–отец мужчины»²⁶, «Гендер и маскулинность, сыновья и отцы»²⁷. Эти труды, на сегодняшний день ставшие классикой отечественной гендерологии, посвящены проблемам становления личности мужчины и его социализации с раннего детства, взрослению, а также вопросам гендерной педагогики. Кон рассматривал российское отцовство на трех дискурсивных уровнях: как общественный институт, как различные группы мужчин–родителей, а также как межличностные отношения отцов и детей.

Исследованиями отцовства в контексте изучения российской гендерной проблематики занимались Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина²⁸, Ж.В. Чернова²⁹. В своих работах, затрагивающих как современность, так и советский период, авторы рассматривают социологические модели отцовства, их бытование и трансформацию. Так, Здравомыслова, Темкина и Чернова, используя методологическую концепцию Коннелл, демографические и социологические данные, фиксируют кризис

²⁵ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009.

²⁶ Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. М., 2009.

²⁷ Кон И.С. Гендер и маскулинность, сыновья и отцы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 1. С. 48–64.

²⁸ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(Н)ственности. М., 2002. С. 432–451; Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие / Е. А. Здравомыслова, А.А. Темкина. СПб., 2015. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2007. С. 96 – 137. Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4 – 15.

²⁹ Чернова Ж.В. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2007. С. 138 – 168; Чернова Ж.В. Отцовство и модели семейной политики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 4 (24). С. 81–86; Чернова Ж.В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 1. С. 103 – 122.

маскулинности в поздне-советском дискурсе, который отразился и на отцовских практиках, и на образе отцовства. Советские отцы дискурсивно характеризовались ими как «добытчики», которые в воспитании детей играют роль «привратников», то есть отчужденного родителя, который ситуативно заботится о ребенке лишь с санкции матери.

В дальнейшем изучение советского отцовства развивалось в рамках двух направлений: представление советской маскулинности в художественной, в том числе визуальной, культуре³⁰ и история частной жизни советского мужчины в послевоенный период и годы «оттепели»³¹. Первое направление, не претендуя на освещение существовавших мужских практик (поведенческих, сексуальных, родительских), на материалах кино, изобразительного искусства и литературы подтверждает существовавший кризис маскулинности в сознании современников. Представители второго направления, привлекая нормативные источники и источники личного происхождения, избегают формулы «кризис маскулинности» из-за ее «семантического коллапса»³² и стремятся показать многообразие существовавших форм жизни советских мужчин как в семье, так и вне ее. Более того, ранее неоднократно высказывавшаяся идея о том, что советское отцовство оставалось неизменно отчужденным – как в 1930–х, 1940–х, так и в 1950–х и

³⁰ *Kaganovsky L.* How the Soviet Man was Unmade: Cultural Fantasy and Male Subjectivity Under Stalin. Pittsburgh, 2008; *Dumančić M.* Men Out of Focus: The Soviet Masculinity Crisis in the Long Sixties. Toronto, 2021; *McCallum C.E.* The Fate of the New Man: Representing and Reconstructing Masculinity in Soviet Visual Culture, 1945–1965. Cornell University Press, 2018.

³¹ *Field D.* Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia. New York, 2007. *Cohn E.* Sex and the Married Communist: Marital Infidelity, Family Troubles, and Communist Party Discipline in the Post-War USSR, 1945–1964 // *Russian Review*. 2009. № 3. P. 429 – 450. *Bucher G.* Stalinist Families: Motherhood, Fatherhood, and Building the New Soviet Person // *The Making of Russian History: Society, Culture, and the Politics of Modern Russia*. /Eds. *J. Steinberg, R. Wade*. Bloomington, IN. 2009. P. 129–152; *Звонарева А.Е.* Образ отца в позднесоветской журнальной периодике (вторая половина 50-х – 80-е годы XX века) // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 1. С. 65—73; *Fraser E.L.* Military Masculinity and Postwar Recovery in the Soviet Union. Toronto, 2019.; *Randall A.* Soviet and Russian Masculinities: Rethinking Soviet Fatherhood after Stalin and Renewing Virility in the Russian Nation under Putin // *The Journal of Modern History*. 2020. № 92. P. 859–898.

³² *Fraser E. L.* Military Masculinity and Postwar Recovery...

1960–х гг. – подвергается серьезному пересмотру³³. Последние исследования Эрики Фрейзер, Марко Думанчича и Эми Рэндалл показывают, что советская маскулинность (как и советское отцовство) 1950–1960–х гг. радикально изменилась по сравнению со «сталинской маскулинностью»³⁴ и предполагает совсем другие модели мужественности, что, соответственно, требует отдельного изучения. И хотя в названии книги Думанчича присутствует понятие «кризис», сам автор отмечает, что речь идет скорее о трансформации моделей мужественности в общественном сознании 1950–1960–х гг., которая повлияла на становление «депрессивной» маскулинности 1970–1980 гг.³⁵

Таким образом, советское отцовство как социальное явление находится на пересечении смежных исследовательских тем советской истории: брачно–семейного законодательства, моделей маскулинности, гендерного порядка. В немногочисленных исследованиях, посвященных советскому отцовству, основное внимание уделяется социальным установкам и иерархиям, а также культурным моделям и образам мужчин в искусстве. Семейная же жизнь мужчины, его место и роль в семье (муж, отец, сын) – проблемы, которые в исторических исследованиях затрагиваются лишь мимоходом, несмотря на их большой потенциал для социальной истории.

Новизна диссертации заключается в следующем: 1) в фокусе исследования находится проблема репрезентации отцов и отцовства, которая до этого не становилась предметом специального изучения; 2) представления об отцах и отцовстве рассматриваются в разных форматах общественного сознания – от правового до обыденного; 3) проведен сравнительный анализ нормативного и общественного дискурса отцовства; 4) для решения задач исследования был привлечен значительный комплекс новых источников (архивных документов и глубинных интервью); их компаративный анализ в совокупности с опубликованными материалами позволил представить многоаспектную картину репрезентаций «советского отцовства» как

³³ *Randall A. Soviet and Russian Masculinities...*

³⁴ *Bucher G. Stalinist Families...*

³⁵ *Dumančić M. Men Out of Focus...*

своеобразной формы отражения социальных и ментальных трансформаций 1950-1960-х гг.

Объектом исследования являются нормативные и общественные представления о фигуре отца и отцовских практиках. **Предмет** исследования – отражение этих представлений в нормативном и общественном дискурсе, взаимное влияние нормативных предписаний на восприятие образа отца и моделей отцовского поведения у современников, с одной стороны, и общественного мнения на процесс нормотворчества – с другой.

Данное исследование фокусируется, таким образом, не на реконструкции *реальных* родительных практик отцов в СССР, а на их актуальной и ретроспективной *репрезентации*. Процессы формирования, трансляции и усвоения гендерных моделей, в том числе моделей отцовства, безусловно, находятся под влиянием культурной, национальной традиции. Эта традиция не могла не отразиться на восприятии отцовства и отцовских практик представителями различных народов, жителями города и села. Вместе с тем образ «советского отца» – как он конструировался и репрезентировался в нормативном и общественном дискурсе 1950–1960-х гг. – носил в большей степени «универсальный» характер, поскольку главными побудительными стимулами общественного внимания служили критика существующего семейно-брачного законодательства и необходимость создания новых норм, регулирующих поведение отцов, «универсальных» по своему назначению.

Целью исследования является реконструкция процесса формирования и трансформации представлений о роли отцов и отцовства в 1950-х – 1960-х годах.

В связи с этим, можно выделить несколько **задач**:

1. Рассмотреть эволюцию нормативных представлений об «отце» и «отцовстве» в советском действующем законодательстве и проектах 1917–1950-х гг.
2. Изучить материалы обсуждения нового Кодекса о браке и семье в 1950–1960-е гг.

3. Исследовать трансформацию представлений о «безотцовщине» 1950–1960–х гг.
4. Рассмотреть воспитательные стратегии отцов в общественном дискурсе.
5. Проанализировать нормы и девиации отцовства в восприятии современников, отношение к вопросам алиментных обязательств отцов перед детьми.
6. Рассмотреть модели отцовского поведения и жизни мужчин в семье на материале дневников современников.
7. При помощи методов «глубинного интервью» получить сведения о родительских практиках мужчин, которые в 1950–1960–е г. имели опыт отцовства.

Хронологические рамки исследования определяются двумя ключевыми позициями: началом публичного общественного обсуждения проблемы отцовства в середине 1950–х гг. и нормативным закреплением его результатов – принятием нового Кодекса о браке и семье РСФСР в 1969 г. Вместе с тем для реконструкции процесса трансформации представлений об отцах и отцовстве в сфере нормотворчества, а также для понимания исторического контекста и побудительных мотивов дискуссий периода «оттепели» необходим исторический экскурс в более ранний период.

Территориальные рамки исследования ограничиваются территорией РСФСР, поскольку в фокусе внимания находится анализ представлений об отцах и отцовстве, репрезентируемых в контексте разработки нового семейно–брачного кодекса Российской Федерации.

Теоретико–методологические основы исследования строятся на синтезе междисциплинарных подходов гендерной истории, для которой гендерный статус служит одним из конструирующих элементов³⁶. При изучении распределения ролей в советской семье использовались теории создания социальной реальности Питера Бергера и Томаса Лукмана³⁷, в том

³⁶ *Scott J.W.* Gender and the politics of history. New York, 1999.

³⁷ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М., 1995.

числе их подход к представлениям о моделях «феминности» и «маскулинности» и процессе их социального конструирования и воспроизводства. Анализ отцовских практик осуществлялся в рамках теории социального капитала Пьера Бурдьё³⁸ и концепции дуальных структур Энтони Гидденса³⁹. Это позволило рассматривать действия субъекта как матрицу, формирующуюся под влиянием внешних социальных структур и личного опыта.

В основу исследования были положены принципы историзма и объективности. Принцип историзма позволил рассмотреть в динамике формирование и трансформацию представлений об отцовстве в послевоенный период до 1970–х гг., включая нормативные и общественные изменения за три десятилетия. Принцип объективности реализуется посредством сравнительного анализа различных видов исторических источников – от нормативных до материалов периодической печати и интервью. В диссертации нашли применение также историко–генетический и историко–сравнительный методы. Историко–генетический метод позволил выделить этапы в производстве законодательских инициатив в отношении отцовства. Историко–сравнительный метод был использован при сочетании методов контент–анализа текстов на микроуровне и компартивистского анализа дискурсов на макроуровне. С целью изучения представлений об отцовстве были выделены основные языковые единицы – "отец", "отцовство" и их производные.

Методы обработки и интерпретации данных: при анализе категории отцовства в средствах массовой информации применялся метод критического дискурс–анализа Нормана Фэркло⁴⁰, в которой дискурс рассматривается одновременно и как конструирующий, и как конструируемый. Помимо дискурса, с точки зрения Фэркло и его соавтора, Лилли Чоулиараки⁴¹, в

³⁸ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С. 87–96.

³⁹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М., 2003.

⁴⁰ Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge, 1992.

⁴¹ Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in Late Modernity – Rethinking Critical Discourse Analysis. Edinburgh, 1999.

социальных практиках также присутствует ряд других механизмов, объясняемых логикой ситуации. Следовательно, процессы артикуляции представлений об отцовстве объясняются не только дискурсивной логикой, но и другими явлениями социальной жизни, не встраивающимися в господствующие структуры, однако, обладающими «порождающим влиянием» на события⁴².

Специальные методы сбора информации: в беседах с респондентами об их отцовском опыте был использован метод глубинного полуструктурированного интервью, разработанный Полом Томпсоном, одним из основоположников и идеологов направления «устной истории»⁴³. На первом этапе интервьюирования респондентам предлагалось поделиться рассказом о своем отцовстве в хронологической последовательности, на втором этапе интервьюером задавались уточняющие вопросы, призванные упорядочить хронологию рассказа и обратить внимание информантов на ключевые моменты их отцовского опыта.

Для интерпретации данных интервью использовалась методика качественного анализа⁴⁴: проводилась категоризация высказываний респондентов с выделением основных смысловых понятий («ожидание пополнения в семье», «уход за младенцем», «распределение семейных обязанностей», «участие в воспитании детей других родственников» и т.д.) Вербальные категории, использовавшиеся респондентами, были рассмотрены в рамках существующих аналитических моделей («отчужденное отцовство», «ситуативное отцовство», «вовлеченное отцовство»). В процессе анализа полученных данных свидетельства респондентов были сопоставлены друг с другом с целью фиксирования взаимосвязей, важных как для понимания индивидуального отцовского опыта информантов, так и для выявления общих тенденций реализации отцовских практик, характерных для периода 1950-1960-х гг.

⁴² Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. /Пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков, 2008. С. 123.

⁴³ Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003.

⁴⁴ Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб., 2009.

Источниковая база исследования

В результате работы над диссертацией был определен комплекс источников, который можно разделить на несколько основных групп.

1. *Нормативные документы*: Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г., Указ от 8 июля 1944 г., Кодекс о браке и семье 1969 г., а также проекты брачно–семейного кодекса 1950–х гг., которые находятся в фонде Комиссии законодательных предположений Верховного Совета СССР⁴⁵ и в фонде Управления Делами Совета министров СССР⁴⁶ (ГА РФ), и частично дублируются в фонде Политбюро Президиума ЦК КПСС⁴⁷. В фонде Юридического отдела Верховного Совета РСФСР⁴⁸ сохранились стенограммы обсуждения нового брачно–семейного законодательства, а также различные мнения, высказанные при подготовке Кодекса депутатами местных органов власти и депутатами съездов Верховного Совета. Обращение к нормативным документам позволяет установить, в какой степени законодательная норма отражалась в общественных представлениях об отцовстве – с одной стороны, и как общественные настроения влияли на процесс нормотворчества – с другой.

2. *Материалы периодической печати, публицистика*. Наиболее репрезентативным для решения задач данного исследования являются такие издания, как «Литературная газета», журнал «Работница», газеты «Известия» и «Правда», журнал «Социалистическая законность».

3. *Письма граждан*. В фондах ГАРФ – Юридической комиссии при Совете министров СССР⁴⁹, Комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР⁵⁰ (1956–1965 гг.) и Совета Национальностей Верховного Совета СССР⁵¹ (1965–1968 гг.) – сохранился

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 267.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 90. Д. 975.

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 385. Оп. 26.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45.

⁵¹ Там же. Оп. 45а.

большой комплекс писем, объединенных тематикой обсуждения нового брачно–семейного кодекса. В РГАЛИ в фонде 634 (редакция «Литературной газеты») сохранились сводки писем и письма читателей, посвященные проблемам семейного законодательства.

Письма, отложившиеся в архивных фондах, – важный источник для анализа представлений граждан СССР об отцовстве. Среди их авторов – представители различных социальных групп, возрастов, уровней образования. На позицию женщин и мужчин в отношении отцов и отцовства влияли нормативный и социальный контекст, гендерные модели поведения, а также жизненный опыт. Письма отличаются по стилю, языку, глубине аргументации, но их объединяет искренняя заинтересованность в обсуждении проблем в семейной сфере.

Коллекция писем граждан из фондов Юридической комиссии при Совете министров СССР, Комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР и Совета Национальностей Верховного Совета СССР представляет собой разрозненное множество писем, написанных разным адресатам и преследующих разные цели. Из общего количества писем, отложившихся в Комиссии за период 1950–1960-х гг., было просмотрено 3 тыс. Соотношение писем женщин и мужчин примерно равное, с небольшим преобладанием мужских. Однако важно учитывать, что зачастую письма были анонимными, а их авторы избегали каких–либо гендерных маркеров. Так, в фонде Комиссии законодательных предположений Совета Союза, в 1–й томе за 1959 г. всего 84 письма, из них женских – 36, мужских – 45, 3 – автор не идентифицируется.

Сообщения от граждан, в которых присутствовали их мнения и предложения по законодательству, откладывались из года в год на протяжении 1950-х и 1960-х гг., по ним делались сводки для заседаний по обсуждению нового семейно–брачного кодекса.

Статьи, посвященные актуальным проблемам семейной сферы, воспитания детей и подростков, моральным качествам советских мужчин–отцов, а также сообщения о подготовке Кодекса о браке и семье вызывали

определенный резонанс у граждан. Они активно включились в процесс обсуждения, о чем свидетельствуют письма, адресованные редакциям периодических изданий, ЦК КПСС, Совету министров СССР, Президиуму Верховного Совета СССР. Эти письма становились предметом обсуждения в комиссиях, а выдержки из них включались в доклады на сессиях Верховного Совета РСФСР и Совета Национальностей СССР. Письма граждан, которые впоследствии аккумулировались в Комиссии законодательных предположений при Верховном Совете СССР, являются источником, транслирующим представления жителей СССР об отцовстве. Сложно судить об общем количестве писем за период 1953 – 1968 гг., поскольку часть из них осталась в редакциях и отделах писем «Литературной газеты», «Работницы», «Правды», «Известий» и многих других изданий. Как правило, язык и форма обращения зависели от целеполагания письма, от жанра этого обращения⁵². Авторы выстраивали письменное повествование о себе, с одной стороны, в свободной форме, в виде просьбы или совета⁵³, однако в то же время существовали неперенные черты жанра «письма во власть», включая декларацию лояльности властям, идеологические штампы⁵⁴. Порой эти речевые регистры принадлежат разным людям, но иногда встречаются в рамках одной авторской речи, особенно если это «наивная речь»⁵⁵. Следовательно, нарратив письма складывался из самопозиционирования и проговаривания идентичности автора (в качестве «отца», «матери–одиночки» и

⁵² *Alexopoulos G.* The ritual lament: A narrative of appeal in the 1920s and 1930s // *Russian History*. № 24(1/2). 1997. P. 117–129.

⁵³ *Fitzpatrick Sh.* Supplicants and Citizens: Public Letter–Writing in Soviet Russia in the 1930s // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. № 1. С. 78–105.

⁵⁴ *Кимерлинг А.С.* «Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии»: письма во власть в послевоенные годы. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2013. № 2. С. 5–15; *Лейбович О.Л.* Исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях 1936–1938 годов // *Вестник пермского университета. Серия «История»*. 2015. № 3(30). С. 160–168; *Alexopoulos G.* Victim Talk: Defense Testimony and Denunciation Under Stalin // *Law & Social Inquiry*. № 24. 1999. P. 639.

⁵⁵ *Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* "Я так хочу назвать кино". "Наивное письмо": опыт лингво–социологического чтения. М., 1996. С. 17–19.

т.д.), демонстрируется лояльность к существующей системе, ее легитимация, одновременно создается образ участия простых граждан в государственных делах.

Письменные обращения к власти могли выстраиваться как отношения «патрона–клиента»⁵⁶, однако степень пиетета перед невидимым собеседником была различной. Ряд писем написаны в подчеркнуто–деловом стиле, словно проситель зашел в кабинет «начальника» и излагает перед ним свою просьбу или свои соображения: «Ворошилову...Во–первых очень прошу извинить за беспокойство»⁵⁷; "Климентий Ефремович!!! Извените (*здесь и далее сохраняется авторская орфография и пунктуация – Е.В.*) меня у Вас очень много дел и мне приходится Вас отрывать моим письмом»⁵⁸; «Москва–Кремль! Лично Клименту Ефремовичу Ворошилову. Прошу внести в президиум рассмотрения вопросы об уплате исходя из следующих обстоятельств: во–первых...»⁵⁹.

Письма довольно разнообразны по своему формату и жанру, более того, сами авторы зачастую непоследовательны в изложении. Письмо Ворошилову, под заголовком «Заявление» начинается так: «Обращаемся к Вам Климентий Ефремович с великой *просьбой* и просим вашего вмешательства в дело упорядочения воспитания детей рожденных от незарегистрированных браков»⁶⁰. Другой случай – письма–исповеди, в которых автор рассказывает свою биографию, лишь к концу письма добираясь до его сути: «Я простая русская женщина, выросшая в простой русской семье, где мать была «рабой» отца. Мне еще ребенком тяжело было наблюдать как отец угнетал мать. А от его издевательств я стала хулиганкой. Мне страшно оставить детей без отца, хотя бы и ничего им не дающего кроме денег и неврастении. Таких детей очень и очень много. Мужчины сейчас горды, что их мало «мы мол в цене».

⁵⁶ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 231. Л.107.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 232. Л. 74

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 231. Л. 70.

⁶⁰ Там же. Л. 46–47.

Ведь мы калечим детей, после очередной ругани плохо работаем на производстве. Я очень прошу Вас, Климент Ефремович, как старшего товарища, от которого зависит создать нормальные условия для развития детей, поднимите вопрос о моральном устое семьи»⁶¹.

У авторов писем были свои истории из жизни, к которым они апеллировали в своих текстах, и этот опыт далеко не всегда совпадал с теми представлениями о семейной жизни и отцовстве, которые транслировались в периодической печати или во властном дискурсе. Безусловно, они были в курсе современных тенденций и мнений, однако в письмах граждан сложно найти единую идеологическую линию. Полные противоречий и, временами, наивные и нелогичные, тексты, написанные советскими гражданами, позволяют увидеть более разноплановую картину представлений об отцовстве в советском обществе. Более того, в письмах можно найти и довольно острый гендерный конфликт 1950–1960-х гг., и недовольство своей личной жизнью как у женщин, так и у мужчин.

4. *Дневники и мемуары современников.* Для изучения личного опыта советских граждан использованы дневники и мемуары современников на портале проекта «Прожито». Особое внимание представляют не публиковавшиеся ранее так называемые «дневники воспитания», которые вели как матери, так и отцы. Принцип дневниковой и мемуарной выборки заключается в выявлении темы отцовства в этих источниках – «мужских», «женских» и «детских» дневниках. При помощи методов компаративного анализа данные из «мужских» дневников сравнивались с оценкой отцовства в дневниках матерей, а также в «детских дневниках».

5. *«Глубинное интервью» и материалы опроса мужчин–современников* об их отцовских практиках в 1950 – 1960-е гг. При помощи методов глубинного полуструктурированного интервьюирования (по методике Пола Томпсона) были проведены беседы с двадцатью мужчинами, которые стали отцами в 1950–1960-е гг. Все интервью проводились лично автором, за

⁶¹ Там же. Л. 190.

исключением одного интервью, проведенного Татьяной Петровой. Респондентам предлагалось рассказать о своем опыте отцовства, включая распределение домашних обязанностей, методы воспитания детей, а также о родительской рутине. Особое внимание уделялось рефлексии респондентов: как они оценивают собственное отцовство, был ли этот опыт позитивный, что значило быть отцом в 1960–1970-е гг., и в чем они видят отличие своего отцовства от отцовства современного?

Положения, выносимые на защиту:

1. Обсуждение проблем отцов и статуса отцовства в 1950–1960-е гг. являлось отражением общих перемен в политической и общественной жизни страны этого периода. Атмосфера «оттепели» способствовала перемещению дискурса отцовства в публичную сферу, а разработка нового семейно-брачного кодекса послужила импульсом для подключения к процессу нормотворчества не только экспертов, но и представителей широких групп населения.

2. На протяжении 1950 – 1960-х гг. в нормативной сфере происходит отказ от юридически-обусловленной концепции отцовства и переход к эклектичной «социально-биологической» модели.

3. Общественные представления об отцовстве были шире, чем нормативные, они концентрировались на проблемах не только «юридических», но и фактических отцов детей. Под понятие «фактические отцы» попадали мужчины, которые сожительствовали с женщинами на протяжении времени, и от этого сожительства появились дети. Биологические отцы, чьи отношения с женщинами были тайными или недолгими, а также отчимы, не попадали под определение «отец».

4. Мужское родительство в 1950–1960-х гг. перестает быть только частью супружества и выделяется как отдельная область жизни мужчины. Брачное, сексуальное и прокреативное поведение мужчины начинает диверсифицироваться на нормативном, социальном и ментальном уровне.

5. Для современников отцовство было одновременно и «общим местом» и спектром социальных ролей взрослого мужчины, у которого

имелись дети. Образы отцовства, циркулировавшие в законотворческой среде, на страницах периодической печати, в письмах граждан, были вариативными. В общественном сознании понятие «отцовство» существовало в разных комбинациях: мужчина с детьми в браке, разведенный мужчина с детьми от первого брака, отец детей от незарегистрированного брака и т.д. Эти модели зачастую противопоставлялись друг другу, однако общепринятой «нормы» отцовства не существовало.

6. В отличие от матерей, отцы в 1950–1960-х гг. воспринимались как «второй», «дополнительный» родитель. Тем не менее, письма «снизу», дневники отцов, а также интервью с отцами тех лет свидетельствуют о стремлении установления равноправия отцовства и материнства, в том числе, в судебных разбирательствах. Однако эти запросы как со стороны мужчин, так и со стороны женщин, носили поверхностный характер. Серьезная перестройка института отцовства началась с уравнивания метрик детей (рожденных в браке и вне его), однако в отношении реформирования института родительства и детства законодательство, общество и сами родители были менее гибкими.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для развития перспективных направлений изучения феномена «советского» (советского общества, гендерных отношений, социальной политики), а также в практике преподавания социальной истории России, подготовке учебных курсов и программ. Материалы диссертации могут представлять интерес в качестве информационно–аналитического ресурса для подготовки актуальных прогнозов в сфере регулирования семейно–брачных отношений.

Апробация работы:

Основные положения диссертации отражены в 10 научных публикациях, в том числе в 3 статьях, размещенных в отечественных рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК.

Отдельные положения исследования были представлены на региональных, всероссийских и международных конференциях, среди которых:

1. «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (2018 г., 2019 г., 2020 г., 2021 г.).
1. Международная конференция студентов и аспирантов «Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности» (2017 г., 2019 г.)
2. Конференция РАИЖИ «Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков» (2018 г.).
3. Международная конференция молодых учёных и аспирантов «Жизнь и смерть в литературе, фольклоре, истории» (к 75–летию победы в Великой Отечественной войне, 2020 г.)
4. X международная конференция молодых учёных и аспирантов "Идиллия, буколика, деревня в истории, культуре, литературе. К 100–летию НЭПа в России» (2021 г.)
5. ASSSES Virtual Convention: Gender and Intergenerational Conflict in SovietFamily (1950–1970)» (2020 г., 2021 г.)
6. Graduate Student Conference on the Late Soviet Union Harvard University, онлайн доклад : «Perception and Self–representation of Soviet Fatherhood in the Male Letters to Authorities (1950–1960s)» (2021 г.)

Структура диссертационного исследования. Текст диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1. Отцовство в советском семейно–брачном законодательстве

Отцовство является комплексным явлением в законодательстве, прочно связанным с такими нормативными категориями как брак, родительство и опекуновство. Отцовство может происходить из факта супружества женщины и мужчины, но может существовать и вне брака; мужчина может быть отцом лишь номинально, а может быть вовлеченным в воспитание родителем, и, наконец, отцовство не всегда требует кровного родства с детьми. Следовательно, для изучения отцов и отцовства как юридической категории эти различные сферы и формы бытования мужского родительства необходимо рассматривать в контексте нормативных коллизий советского брачно–семейного законодательства. Идеи, проходящие красной нитью через разные этапы становления законодательства о браке и семье, видоизменяли облик советского отцовства и его нормативное содержание. В данной главе будет рассмотрена эволюция понятия «отцовство» и, если понимать шире, «родительства» в советском законодательстве, начиная с Декретов 1917–1918 гг.⁶² и заканчивая Кодексом о браке и семье РСФСР 1969 г.⁶³ Правовой исторический экскурс позволит определить степень влияния регламентирующих предписаний на представления советских граждан об отцах и отцовстве, их устойчивость и преемственность с предшествующей традицией, восприимчивость общества к нормативным переменам и способность их

⁶² Декрет 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 161–163.

Декрет о расторжении брака от 19.12.1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг.; Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 150–151; Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном и опекуновском праве (КЗАГС) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М., 1942. С. 1045–1074.

⁶³ Закон об утверждении кодекса о браке и семье РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32.

инициировать. Важными точками водораздела на этом хроническом промежутке можно обозначить Кодекс 1926 г.⁶⁴, Декрет 1936 г.⁶⁵, Указ 1944 г.⁶⁶, Кодекс о браке и семье РСФСР (1969 г.) появился спустя полвека после первых декретов советской власти о браке и семье; при создании и обсуждении проектов нормативных актов юристы зачастую опирались на существовавшие в советской юриспруденции законы и кодексы.

1.1. Нормативное регулирование отцовства в постреволюционный период. 1917 – 1920-е гг.

Для патриархального общества характерны традиционные морально-этические нормы, заключающиеся во «всеобщей брачности», нормативности и обязательности деторождения. Отцовство (как и материнство) определялось не личным решением, а отсутствием прокреативного выбора и демографическим обычаем сельского образа жизни. Общинный «мир» и церковное право регламентировали личную жизнь людей и деторождение. Сексуальность человека могла реализоваться только лишь в браке, который, как правило, заключался на всю жизнь и прекращался лишь со смертью одного из супругов. Разводы были слабо распространены⁶⁷, а сожителство и внебрачная рождаемость были редкими и маргинальными явлениями, которые держались в тайне. Так, деревенские незамужние женщины стремились родить ребенка в городе и оставить его в приюте, поскольку семья и сельское общество, как

⁶⁴ Кодекс законов о браке, семье и опеке. М., 1927.

⁶⁵ О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах: постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 27 июня 1936 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. № 34.

⁶⁶ Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. // Ведомости Верховного совета СССР. 1944. № 37.

⁶⁷ Население России в XX веке: Ист. очерки. В 3 т. Т. 1: 1900–1939 гг. М., 2000. С. 62–63.

правило, отворачивалось от женщины, забеременевшей вне церковного брака⁶⁸. Если же ребенок рождался у незамужней женщины, то, в большинстве случаев, его положение в обществе было стигматизировано, они с матерью были изгоями, им давались уничижительные прозвища.

Для традиционного общества отцы являлись обязательной частью любого домохозяйства. «Большак» был главой крестьянского семейства, он руководил хозяйственной деятельностью домохозяйства, ему принадлежали все материальные ресурсы семьи, а также судьбы домочадцев. Мужчины выполняли экономическую функцию «добытчиков» и статусную роль для семьи, на них возлагалась ответственность за свою семью перед «миром», общиной. Как правило, понятие «отец» было не столько про мужское родительство и заботу о детях, сколько про власть и иерархию. В традиционном мировоззрении отсутствовало понятие ответственности родителей перед детьми, однако детей могли привлечь к суду за непочтительность к родителям.⁶⁹ Дети, рожденные в церковном браке, с ранних лет становились помощниками по хозяйству, и им было суждено воспроизвести образ жизни родителей.

Несмотря на то, что демографические обычаи традиционного общества выглядели незыблемыми и устойчивыми, в конце XIX века демографы фиксируют изменения: в Российской империи появляется тенденция к распаду крупных семей и домохозяйств на более мелкие⁷⁰, размер семьи от 1897 к 1913 г. уменьшился на 13%⁷¹. Эти явления частной жизни люде одновременно с отмечаемыми многими современниками тенденциями к секуляризации, повышению уровня образования и самостоятельности населения⁷² говорят о том, что старая патриархальная семья менялась на

⁶⁸ Там же. С. 64.

⁶⁹ Там же. С. 65–66.

⁷⁰ Там же. С. 67.

⁷¹ Там же. С. 72.

⁷² Хильдермайер М. Российский «Долгий XIX век»: «Особый путь» европейской модернизации? // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 100.

фоне перехода общества от традиционного к модерному⁷³. Первая мировая война сильно пошатнула привычный порядок в дореволюционной семье (мужское население деревни в годы войны существенно сократилось, хозяйства переходят под управление женщин), однако затормозила процессы мирной модернизации⁷⁴.

Революционные преобразования, коснувшиеся семьи, были направлены на решение важных государственных задач: вовлечение женщин в производство и создание института гражданского брака (в противовес существовавшему церковному). Проведение бракосочетания переходило от церкви к государству, что, помимо передачи фискальных функций, также означало ослабление авторитета семьи патриархального типа, господствовавшего ранее. Для новой семьи, в перспективе нуклеарной и городской, требовались принципиально другие нормативные акты, и первым таким законом стал Декрет 8 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния»⁷⁵. Теперь не община и не церковное право регулировали брачное поведение – государство предоставило возможность людям самостоятельно определять свою личную жизнь; заключение и расторжение брака было выведено из церковной юрисдикции и передано загсам и местным судам.

Новое законодательство также было ориентировано на эмансипацию женщин, выведение их из частной сферы (семьи) в производство и общественную сферу, а защите детства и материнства предавался государственный статус⁷⁶. Например, в п. 100 в Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г.

⁷³ Ван дер Лоо Х., Райн ван В. Модернизация. Проект и парадокс // *Ab Imperio*. № 1. 2002. С. 61.

⁷⁴ Население России в XX... С. 81.

⁷⁵ Декрет 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.* Управление делами Совнаркома СССР М., 1942. С. 161–163.

⁷⁶ Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб. С. 81–82.

молодая семья получает право решать, чью фамилию брать в качестве общей, какую давать детям⁷⁷. Кроме того, после развода женщина могла вернуть девичью фамилию, и дети могли взять себе фамилию одного из родителей, не только отца. И хотя это кажется несерьезным на фоне коренной ломки прежних норм, все же это существенно повлияло на нормативный концепт нового отцовства. Таким образом, признается равноправие вклада женщины и мужчины в брачные отношения, а также декларируется разрыв с патриархальной традицией, когда фамилия мужчины была по умолчанию семейной фамилией для жены и для детей. Согласно п. 105, брак не создавал общности имущества супругов, что было довольно спорным решением с точки зрения защиты прав жены и матери⁷⁸ (и это было отменено по кодексу 1926 г.), однако, по этому вопросу можно также наблюдать разрыв с патриархальной традицией, когда все имущество домочадцев принадлежало отцу семейства. Дети, рожденные вне брака, были нормативно уравнены в правах с детьми, рожденными в браке, в соответствии с п. 133 «никакого различия между родством внебрачным и брачным не устанавливается»⁷⁹. Более того, мужчины могли быть признаны отцами, не будучи в браке, и несли такую же ответственность за своих детей, как и «законные» отцы.

Другой вопрос заключался в процедуре установления отцовства. Она было довольно экзотичной до 1926 г.: беременная незамужняя женщина за три месяца до родов подавала заявление в ЗАГС, в котором указывалось имя отца ребенка, его место жительства, а также предполагаемое время зачатия. Если женщина не знала, от кого именно ребенок, то могла в качестве отца указать нескольких мужчин, которые затем должны были разделить расходы на содержание ребенка между собой. Мужчина, которому приходило

⁷⁷ Декрет 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.* Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 161–163.

⁷⁸ *Денисова Л.Н.* Политическая спираль семейного законодательства // *Денисова Л.Н.* Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М., 2007. С. 21.

⁷⁹ Декрет 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.* Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 161–163.

извещение, мог в течение двух недель подать иск на женщину, если не был согласен с ее заявлением. В противном случае статус отца присваивался ему по умолчанию.

Стоит обратить внимание на то, что в нормативном поле появляется терминология, связанная с физиологией и биологией. В статьях 143 и 144 имеются формулировки: «по естественному ходу вещей именно он является отцом ребенка», «в момент зачатия». В суде отцовство устанавливается, таким образом, по факту сексуальной близости.

Патриархальный обычай, обязывающий взрослых детей заботиться о своих родителях, был зафиксирован в кодексе 1918 г., а потом и в кодексе 1926 г. («Дети обязаны доставлять содержание своим лишившимся трудоспособности и нуждающимся родителям, если последние не получают содержания от государства по закону о страховании от болезни и старости или о мерах социального обеспечения»). Родители имели право подать в суд на своих взрослых детей и получать от них содержание. В законах не была прописана процедура освобождения от этих выплат, но дети были обязаны обеспечивать родителей пенсионного возраста, даже если они в свое время не слишком заботились о них.

Таким образом, радикальные послереволюционные преобразования в семейной сфере существенно повлияли и на гендерные роли в семье, и на нормативные модели материнства и отцовства. Если раньше деторождение, сексуальность и брак были нормативно закреплены за семьей, то теперь эта связь разрушилась, что изменило паттерны брачного поведения людей и отношение к детям. Институт брака отделяется от института родительства, и хотя материнство и раньше могло существовать вне брака (в стигматизированном и маргинальном виде), то такая мера в отношении отцовства была революционной. С другой стороны, с привлечением женщин на производство и декларацией равноправия мужчины теряли традиционную роль добытчика в семье и «большака», поскольку женщины стали экономически более независимыми, процедура развода стала доступной, а на детей после развода должны были выплачиваться алименты.

В новом Кодексе законов о браке, семье и опеке 1926 г.⁸⁰ были уравнены зарегистрированный и фактический брак, существенно упрощена процедура развода, реформировано алиментное законодательство, восстановлен отмененный ранее институт усыновления⁸¹. С 1926 г. по 1944 г. советское законодательство признавало институт фактического брака – сожительство женщины и мужчины, ведущих совместный быт на протяжении более полугода. Как писал юрист Л.И. Фишман, «изменение правил кодекса ЗАГС в смысле признания незарегистрированного брака наравне с зарегистрированным соответствовало правосознанию трудящихся масс, почему еще до издания нового кодекса судебная практика уравнила незарегистрированный брак с зарегистрированным в своих последствиях»⁸².

Сожительство, наряду с браком, зарегистрированным в органах ЗАГС, подразумевало, что права и обязательства членов семьи вытекают не из факта регистрации брака, а из факта брачных отношений. Соответственно, отцовство, которое раньше было закреплено за браком, теперь могло нормативно реализоваться и вне брака. Прекращение брачных отношений – юридических или фактических – не снимало с отца обязанности заботиться о детях. Законодательство оставляло право выбора за родителями – с кем должен оставаться ребенок после разрыва брачных отношений («Если родители не живут вместе, то от соглашения их зависит, при ком должны проживать несовершеннолетние дети»). При установлении отцовства в суде женщина должна была доказать факт сожительства, а не брака.

Отец должен был выплачивать алименты и после разрыва отношений с матерью⁸³, подразумевалось, что дети остаются с матерью, а отец выплачивает алименты, перестать «быть отцом» можно было только через лишение родительских прав, то есть посредством принципиально другой

⁸⁰ Кодекс законов о браке, семье и опеке. М., 1927.

⁸¹ *Люблинский П.И.* Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет // *Право и жизнь*. Кн. 8. М., 1927. С. 32.

⁸² *Фишман Л.И.* По поводу нового Кодекса законов о браке // *Право и жизнь*. Кн. 3. М., 1927. С. 4.

⁸³ Там же. С. 7–9.

юридической процедуры. В таком случае и дети не должны были по закону содержать родителя в старости.

В отличие от нормативных актов 1918 г. Кодекс законов о браке семье и опеке 1926 г. предполагал другую схему установления отцовства вне брака. Увеличивался срок подачи заявления: вместо трех месяцев до родов, теперь это был весь период беременности и после рождения ребенка. В заявлении не нужно было указывать время зачатия, исчезла практика назначения отцами нескольких лиц сразу. В суде устанавливали одного предполагаемого отца, который и должен был нести расходы по содержанию ребенка.

Вместе с широкими правами установления отцовства вне брака для женщины мужчины получили больше возможностей оспаривать свое отцовства, по сравнению с предыдущим брачным законодательством. Так, они могли оспорить заявление матери в течение месяца, могли обратиться в суд и аннулировать запись об отцовстве в течение года⁸⁴.

Деторождение по-прежнему являлось сферой ответственности женщины, которая могла обратиться в суд за установлением отцовства, но могла и не обращаться. Государство же обязывалось поддерживать советских матерей, предоставляло им ряд льгот и обеспечивало социальную поддержку материнству, выступая посредником и третейским судьей в разрешении спорной ситуации между женщиной и мужчиной.

Советские отцы 1920–х гг. должны были нести ответственность за своих биологических детей – независимо от того, родились они в браке, вне брака или же в браке, который прекратил свое существование. Отцовство в зарегистрированном браке нормативно регламентировалось незначительно, подразумевалось, что мужчины должны обеспечивать семью и помогать женщине в быту и воспитании детей. Судебная практика того времени стремилась нормативно зафиксировать отцовство, если мужчина не смог убедительно доказать свою непричастность к рождению конкретного ребенка. Юристы того времени справедливо отмечали, что «судам придется

⁸⁴ Кодекс законов о браке, семье и опеке. М., 1927.

рассмотреть довольно много исков об освобождении от исполнения вступивших в законную силу решений судов по делам об алиментах⁸⁵». Существовала «презумпция отцовства»: мужчина заочно считался причастным к рождению ребенка, согласно заявлению женщины, до тех пор, пока не докажет обратное. В случае, если отцовство признавалось самим мужчиной или устанавливалось в суде, мужчина был обязан обеспечивать мать и ребенка. С другой стороны, несмотря на довольно простую процедуру признания отцовства, отсутствовали действенные механизмы взыскания алиментов и поиска неплательщиков⁸⁶. Суды были перегружены подобными исками, но на практике мужчины довольно легко уклонялись от алиментного «бремени», меняя работу или место жительства⁸⁷.

В 1927 г. в издательстве «Охрана детства и материнства» выходит брошюра «Против алиментной эпидемии или на алименты надейся, сама не плошай»⁸⁸. Из названия брошюры можно сделать вывод, что ее основными адресатами были женщины («Сама не плошай»). В этом тексте наркома здравоохранения Николая Семашко, помимо популярных разъяснений юридической и социальной природы алиментных выплат, отмечается, что за установлением отцовских алиментов обращаются «безответственные» гражданки, которые были «легкомысленными» в своих связях, и теперь они создают лишнюю работу и волокиту в судах, которые и без того завалены подобными делами. Но, убеждает автор, алименты в существующем виде являются лишь «мерой переходного времени», так как в будущем советском обществе потребность в выплате алиментов через суд должна трансформироваться или в государственное воспитание, или в добровольные осознанные выплаты отцами содержания на своих детей: «Если бы мы были настолько богаты, что могли бы обещать каждому государственное

⁸⁵ *Фшман Л.И.* По поводу нового Кодекса законов о браке // *Право и жизнь.* Кн.3. М., 1927. С. 11.

⁸⁶ *Семашко Н.* Против алиментной эпидемии, или на алименты надейся, а сам не плошай. М., 1927. С. 3.

⁸⁷ *Денисова Л.Н.* Политическая спираль семейного законодательства... С. 19–51.

⁸⁸ *Семашко Н.* Против алиментной эпидемии...

воспитание его ребенку, тогда вопрос стоял бы иначе. ... Алименты, конечно, лучше, чем ничего. Алименты хоть кое-как защищают мать и ребенка. Но это вовсе не идеал»⁸⁹. Во второй половине 1920–х гг., несмотря на демократичное брачно–семейное законодательство, существовало четкое гендерное деление в отношении алиментов (кому нужно их выплачивать, а кому «надеяться, но не плошать»). Помимо этого, алименты рассматривались не как равнозначная форма заботы мужчины о своих детях, а как последний шанс для «легкомысленных» женщин добиться материальной помощи от таких же «безответственных» мужчин.

Концепцию отцовства в советском семейном законодательстве по–прежнему можно обозначить как «биологическую», однако если до 1926 г. отцовство доказывалось через факт физиологической близости, то после 1926 г. – через социальную функцию фактической семьи (сожительство женщины и мужчины, их общий быт). Нормативное отцовство являлось прагматичным (ситуативным) вопросом: по «норме» отец должен быть у каждого ребенка, но если мать не нуждается в материальной помощи от мужчины, то может не устанавливать отцовство, и это тоже выглядит как вариант нормы. Более того, с восстановлением института усыновления к «норме» приравнивались и другие формы родительства, помимо кровного. Так, в 1927 г. автор статьи в журнале «Право и жизнь» сравнивает советское государство не с отцом, а с опекуном: «В лице Советской власти дети трудящегося класса имеют надежного опекуна, твердо и неуклонно ведущего их к светлому будущему социалистического строительства»⁹⁰.

1.2. Статус отца в контексте «консервативного поворота» в государственной семейной политике. 1930–е – середина 1940–х гг.

С середины 1930–х гг. брачно–семейное регулирование существенно меняется, происходит официальный пересмотр и разрыв с идеями 1920–х гг.

⁸⁹ Там же. С. 12–13.

⁹⁰ Люблинский П.И. Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет // Право и жизнь. Кн. 8. М., 1927. С. 36.

Для страны в эпоху «Великого перелома» семья была необходима как мобилизационный инструмент государственного контроля над сексуальным (репродуктивным) поведением людей и средством для решения ряда экономических и социальных задач⁹¹. Соответственно, политика поощрения рождаемости советского государства 1930–х гг. была нацелена на укрепление прежде всего репродуктивной функции семьи, оставив в стороне эксперименты в брачной и сексуальной сфере предшествующего периода.

В 1933 г. появляется «Инструкция о порядке регистрации актов гражданского состояния», в которой срок обращения в ЗАГС для регистрации ребенка сократился до месяца⁹². Процедура записи отцов в метрику теперь регламентировалась следующим образом: «Графа 7 заполняется по получении ответа от отца, или по истечении месячного срока при неполучении ответа. В ней записывается "гражданин такой–то признал себя отцом ребенка", или "гражданин такой–то отцом ребенка себя не признал", или "ответа от гражданина, указанного отцом, не поступило». Ранее, в КЗоБСО процедура записи выглядела менее категорично: «Если заявление делается матерью, то она обязана указать имя и фамилию отца или же заявить о том, что не может или не хочет дать требуемых сведений». Таким образом, новая норма гласила, что имя отца вписывается в метрику – добровольно или по решению суда; в случае, если ответа от предполагаемого отца не поступило, его имя вписывается в свидетельство о рождении по указанию матери, за ней же оставалось право оставить графу об отце незаполненной. В преамбуле к постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт...» указано: «Установление минимума сумм, подлежащих уплате отцом ребенка на его содержание при раздельном жительстве супругов, с одной стороны, и запрещение абортов – с другой, вместе с усилением наказания за злостный неплатеж присужденных судом

⁹¹ *Hoffmann D.* Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity 1917–1941. Cornell, 2003. P. 105–106

⁹² Постановление Президиума ВЦИК от 20 марта 1933 г. «Об утверждении инструкции о порядке регистрации актов рождения» // Собр. Узаконений. 1933. №. 22.

средств на содержание детей и внесением некоторых изменений в законодательство о разводах, в целях борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям⁹³». Теперь алименты признаются атрибутом отцовства: в документе используется понятие «отец», а не нейтральное «родитель». Женщины лишаются права на легальный аборт, что означало контроль государства над деторождением. Процедура разводов усложнилась: теперь необходимо очное присутствие в ЗАГСе супругов, в паспорте ставится отметка о расторжении брака, а пошлина за развод повышается⁹⁴. Впервые появляется расчет выплаты алиментов, который надолго закрепится в законодательстве: «1/4 получаемой заработной платы ответчика, на содержание двух детей 1/3 и на содержание трех и больше – 50 процентов заработной платы ответчика». В этом же документе регламентируется зона ответственности за выплату алиментов для колхозников: «Если мать-колхозница, получающая алименты, работает с ответчиком в одном колхозе, обязать правление колхоза непосредственно при исчислении трудодней записывать соответствующую часть выработанных трудодней отца (в зависимости от наличия детей) на счет матери»⁹⁵.

Процедура судебного установления отцовства и институт фактического брака продолжали действовать и в 1930–е гг., однако с усложнением процедуры развода и контролем репродуктивной функции женщин государство отказывалось от роли «третьего судьи» и становилось непосредственным актором в семейных делах советских граждан. В Постановлении от 27 июня 1936 г. декларируется борьба со «злостными неплательщиками» алиментов: «Повысить уголовное наказание за неплатеж присужденных судом средств на содержание детей – до двух лет тюремного

⁹³ О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательство о разводах: постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 27 июня 1936 г. // Собр. зак. и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. № 34.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

заклучения, с отнесением расходов по розыску уклоняющегося от платежа алиментов лица за его счет». Можно заметить, что по сравнению с 1920 гг. роль отцовского воспитания или отцовского присутствия в семье (как, впрочем, и материнского) возрастает, более того, советскому гражданину вменяется быть хорошим отцом⁹⁶, следовательно, «плохие» отцы должны или «исправляться», или быть наказаны. Отцовство представлялось как функция, важная для социализации ребенка, тогда как материнство считалось жизненно необходимым для самой женщины⁹⁷. Вместе с тем отцовство для мужчин не было частью их личностной репрезентации, и все, что требовалось от них как от мужей и отцов – надежность и пассивность⁹⁸.

Некоторые законодательные новшества 1930–х гг. закладывали фундамент для последующих изменений в брачно–семейном законодательстве: поддержка прокреации, сохранение целостности семьи, негативное отношение к любым другим формам партнерских отношений и вариациям семейной жизни. Современницы были решительными противницами разводов и горячо поддерживали меры, направленные на консервацию семьи – с расчетом, что новое законодательство укрепит брак и привяжет отцов к семье⁹⁹. Однако нередко мужчины оставляли жен и детей без алиментов, уходили жить в другую семью, даже несмотря на наличие не расторгнутого брака.

С началом Великой Отечественной войны семейная жизнь советских граждан стала нестабильной: мужчины были мобилизованы в армию, люди покидали свои дома, уезжали в эвакуацию и т.д. В хаосе военного времени и неизвестности рушились привычные связи, возникали новые сожительства, а иногда и семьи, в которых рождались дети, в то время как зарегистрированные браки не были расторгнуты.

⁹⁶ *Hoffmann D.* Stalinist Values: The Cultural Norms...

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ *Kaganovsky L.* How the Soviet man was unmade: cultural fantasy and male subjectivity under Stalin. Pittsburgh, 2008. P. 76.

⁹⁹ *Денисова Л.Н.* Политическая спираль семейного законодательства...С. 29.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР»¹⁰⁰ был направлен на пополнение бюджета в военное время за счет новых налогоплательщиков, которыми стали две большие группы населения: семейные бездетные и несемейные бездетные граждане. Как было замечено ранее, государство усиливает натиск на категории граждан, которые не участвуют в воспроизводстве населения, в данном случае это «мужчины в возрасте свыше 20 до 50 лет и женщины в возрасте свыше 20 до 45 лет».

О проблеме восстановления населения после войны власти задумались еще в 1943 г. Именно тогда разрабатывались проекты, призванные решить вопросы послевоенной рождаемости, и одним из таких проектов стал проект Указа «о холостяках», инициатором которого был Н.С. Хрущев¹⁰¹. Предполагалось наличие двух типов советских семей – «полных», где было двое родителей и, как минимум, трое детей, и «материнских семей», то есть семей, состоящих из женщины с ребенком, которым будет помогать государство. Мужчины, согласно справке «О мерах для увеличения населения СССР» и проекту Указа "Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства», должны были жить в семье, но в то же время были созданы условия для стимулирования их внесемейного деторождения¹⁰². Речь шла о том, чтобы государство помогало незамужней женщине в воспитании детей, но для поощрения рождаемости мужчины освобождались от существовавших ранее обязательств перед детьми вне зарегистрированного брака. Ответственность матерей перед своими детьми сохранялась.

¹⁰⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР // Ведомости Верховного Совета СССР». 1941. № 42.

¹⁰¹ РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 387. Л. 18–34. Цит. по: *Nakachi M. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language // East European Politics and Societies. 2006. № 1. Vol. 20. P. 45–46.*

¹⁰² *Nakachi M. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law... P. 46–47.*

Проект Н.С. Хрущева лег в основу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать–героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”»¹⁰³, ставший логичным продолжением государственной политики 1930-х гг. в отношении семейной жизни граждан и деторождения. Он имел прагматичное значение и был направлен на восполнение послевоенных демографических потерь. Фактически этот указ перечеркивал основные принципы брачно–семейного законодательства 1920-х гг. и, по сути, возвращался к дореволюционным нормам.

Первое и самое важное изменение касалось устранения института фактического брака, все правовые аспекты, вытекавшие из факта сожительства, стали недействительными: «установить, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов, предусмотренные кодексами законов о браке, семье и опеке союзных республик». Следовательно, с юридической точки зрения отцовство теперь могло существовать лишь в зарегистрированном браке, процедура установления отцовства в суде, как раньше, теперь была невозможна: «Отменить существующее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке. ... Установить, что при регистрации в органах записи актов гражданского состояния рождения ребенка от матери, не состоящей в зарегистрированном браке, ребенок записывается по фамилии матери с присвоением ему отчества по указанию матери». Ребенок, рожденный вне зарегистрированного брака,

¹⁰³ Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать–героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. // Ведомости Верховного совета СССР. 1944. № 37.

по закону не мог претендовать на экономическую помощь от отца, запись отцовского имени в метрике, на наследство.

Если в постановлении 1936 г. подчеркивалось, что государство заботится о всех советских женщинах–матерях, то в преамбуле Указа 1944 г. особое внимание уделяется многодетным матерям и матерям–одиночкам: «Во время войны и после войны, когда для семей имеются более значительные материальные затруднения, требуется дальнейшее расширение мероприятий государственной помощи. В целях увеличения материальной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, поощрения многодетности и усиления охраны материнства и детства...»¹⁰⁴. Важно обратить внимание на то, что государство обязывалось поддерживать прежде всего рожаящих женщин, без разницы, состоят они в браке или нет. Фигура отца как родителя вообще отсутствует в этой картине, государство, обязуясь обеспечивать незамужним матерям экономическую и социальную поддержку, фактически заменяет отца¹⁰⁵.

Проблема грядущей послевоенной брачной и семейной путаницы была решена радикально – процедура разводов была усложнена по максимуму. Требовалось заявление в Народный суд (за подачу которого взыскивалось 100 р.), на судебном заседании было обязательно присутствие двух супругов, сообщение о разводе публиковалось в местной газете. Народный суд супругов должен был примирить, но если они оставались тверды в своем решении, дело о разводе передавалось в вышестоящий суд. Данные меры были призваны сдержать послевоенный рост разводов, а также не создавать лишнего алиментного бремени для мужчин.

Таким образом, в послевоенном брачно–семейном законодательстве закрепляется различие между фактическим (биологическим и социальным) и юридическим отцовством. В то же время фиксируется нормативный разрыв между материнством и отцовством: биологическое материнство порождает

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ *Здравомыслова Е. Темкина А.* Советский этакратический гендерный порядок. СПб., 2007. С. 96–137.

социальное материнство, однако отцовство биологическое исчезает из правоприменительной практики, остается примат отцовства юридического над другими форматами отцовства. Отцовство становится фиксированной нормативной категорией: мужчина считался отцом лишь в том случае, если до рождения детей он зарегистрировал брак с их матерью, или прошел через процедуру усыновления.

Указ 1944 г. воспринимался как временная, вынужденная мера, и первая поправка к нему была принята уже в 1945 г., когда мужчинам разрешили признавать своего внебрачного ребенка, но только лишь после заключения брака с его матерью: «В случае вступления матери в зарегистрированный брак с лицом, от которого она ранее родила ребенка и которое признает себя отцом ребенка, ребенок *приравнивается* во всех отношениях к детям, родившимся в зарегистрированном браке»¹⁰⁶ (*здесь и далее курсив мой – Е.В.*) Таким образом, в нормативном тексте закрепляется неравенство детей, маркером которого является наличие или отсутствие формального отцовства.

1.3. Трансформация системы нормативных представлений об отцовстве в процессе разработки нового семейно–брачного кодекса. Конец 1940–х – 1960–е гг.

В конце 1940–х гг. началась работа над проектом нового брачно–семейного кодекса, который, по мысли его составителей, должен был ликвидировать, как минимум, неравенство детей в метриках. С юридической точки зрения, Указ 1944 г. противоречил духу действующего КЗоБС 1926 г., следовательно, требовался новый кодекс. Но прошло еще 20 лет, прежде чем дискриминационная норма была отменена.

В фонде Комиссии законодательных предположений Верховного Совета СССР (ГА РФ Ф. 7523) находятся три проекта семейного кодекса, с

¹⁰⁶ Указ Президиума Верховного Совета от 14 марта 1945 года «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 15.

комментариями и дополнениями. Один из самых ранних проектов «Основ о браке и семье» был напечатан в типографии Верховного Совета в июле 1949 г. в виде небольшой брошюры. Работа над проектом была поручена специальной комиссии, образованной 17 декабря 1948 г. постановлением Совета министров СССР. Возглавил комиссию министр юстиции СССР К.П.Горшенин¹⁰⁷. Предоставить проект Основ на обсуждение было необходимо до 15 июля 1949 г.¹⁰⁸

В подготовленном проекте помимо стандартного пункта о том, что отчество ребенка присваивается по имени отца, дается дополнительное пояснение (пп. 36–38): «36. В записи о рождении ребенка, родившегося от лиц, состоящих между собой в браке, указываются оба родителя. В записи о рождении ребенка, рожденного от лица, с которым мать не состоит в браке, указывается только мать ребенка. 37. В случае вступления матери в брак с лицом, от которого она ранее родила ребенка и которое признает себя отцом ребенка, запись о рождении ребенка дополняется указанием на отцовство названного лица. 38. Иски об установлении отцовства не допускаются»¹⁰⁹. Эта статья по сути закрепляла положения Указ от 14 марта 1945 г. – в судебном порядке установить отцовство все еще нельзя. Примечательно, что слово «отец» в документе почти не используется, его заменяет нейтральное понятие «лицо». Таким образом, женщина изначально получает родительские права и обязанности по отношению к своему ребенку, тогда как для установления факта отцовства требуется процедура добровольного признания со стороны родителя–мужчины.

Право на признание отцовства для мужчин, не состоящих в официальном браке с матерью ребенка, впервые появляется в проекте семейно–брачного кодекса 1950 г. Норма закона в этом документе формулируется следующим образом: «В записи о рождении ребенка, родившегося от лиц, состоящих между собой в браке, указываются оба

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф.7523. Оп. 45. Д. 267. Л. 2–3.

¹⁰⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 57. Л. 140–141.

¹⁰⁹ Проект основ законодательства «О браке и семье». М., 1949.

родителя. В записи о рождении ребенка, рожденного от лица, с которым мать не состоит в браке, указывается только мать. В этом случае отец указывается в записи лишь по его собственной просьбе и при условии согласия на это матери ребенка»¹¹⁰. Эта норма еще не предполагала права детей, рожденных в незарегистрированном браке, на алименты, наследство или пенсию отца. Но проблема «пустых» метрик таким образом отчасти решалась, что было серьезным шагом навстречу интересам матерей–одиночек и их детей.

Однако, следующий вариант документа, появившийся в 1953 г., возвращается к норме проекта 1949 г. Снова подтверждается положение, согласно которому имя отца в свидетельство о рождении ребенка может быть вписано только в том случае, если родители вступают в брак: «в случае вступления матери в брак с лицом, от которого она ранее родила ребенка и которое признает себя отцом ребенка, запись о рождении ребенка дополняется указанием на отцовство названного лица»; «мать не вправе обратиться в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке»¹¹¹.

Не случайно вопрос об отцовском имени в метриках вызывал больше всего дискуссий среди специалистов–разработчиков нового законодательства, что нашло отражение в проектах кодекса. Мнения разделились: были голоса за право отцов вписывать себя в метрики детей в добровольном порядке независимо от факта регистрации брака, сторонники другой точки зрения предлагали по–прежнему следовать букве Указов 1944 и 1945 гг., настаивая на предоставлении возможности регистрации отцовства после заключения официального брака.

Таким образом, в проектах брачного кодекса начала 1950–х гг. делались шаги по отмене некоторых статей Указа 1944 г. Слово «отец» начинает употребляться чаще, в проектах 1949 г. и 1953 г. статус отца закрепляется за

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 41. Д. 32. Л. 24.

¹¹¹ Там же.

«мужчиной, который вступил в брак и признал свое фактическое отцовство». Как можно заметить, в 1950–х гг. предпринимаются попытки связать нормативное определение отцовства с фактическим – при условии добровольного согласия мужчины. Однако эти идеи так и остались на уровне проектов, им не был дан ход ни при жизни Сталина, ни в первые годы «оттепели».

За период с 1944 г. и до конца 1960–х гг. в нормативной сфере фактическое отцовство, в отличие от фактического материнства, никак не фиксировалось, и мужчина мог выбирать – оформлять юридически отношения с женщиной и нести ответственность за детей или же отказаться от любых обязательств. Как правило, в интересах мужчин было не регистрировать брак, поскольку без юридически оформленного брака он не мог быть признан отцом в суде, следовательно, ему не могли быть назначены алименты. В это же время закрепляется дисбаланс родительских ролей в семье: если в послевоенном обществе мужчин было меньше, чем женщин, то доля «отцов» среди мужчин была еще меньше.

Добиться установления отцовства через суд было невозможно – за исключением статьи 42.3 КЗоБСО «Об опекунстве»¹¹². Если человек являлся фактическим опекуном ребенка на протяжении определенного времени, то впоследствии он должен был выплачивать ему алименты. Судьи и юристы успешно использовали эту статью для взыскания алиментов с фактических отцов¹¹³. В «Справочнике женщины–работницы»¹¹⁴, изданном в 1963 г. под редакцией известного юриста Александры Пергамент, отмечалось: «Если установлено, что кто–либо (в том числе фактический отец ребенка) взял на себя обязательство воспитывать и содержать ребенка... то в случае отказа от

¹¹² Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 года «О введении в действие кодекса законов о браке, семье и опеке».

¹¹³ Салов С. Применение ст. 42.3. Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР // Социалистическая законность. 1956. № 7. С. 20; Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке... С. 31–32.

¹¹⁴ Справочник женщины–работницы: Права женщины по советскому законодательству / М. С. Румянцева, А. И. Пергамент, Г. М. Громова. М., 1963.

дальнейшей помощи ребенку и отсутствия у матери достаточных средств такой фактический воспитатель обязан платить необходимые суммы на содержание своего бывшего воспитанника». Рекомендация взыскания денег с мужчины на воспитание ребенка, без процедуры установления отцовства, был прописан в этом популярном пособии, хотя отмечалось, что советское законодательство не предусматривает возможность привлечения фактических отцов к материальной ответственности за внебрачных детей. Таким образом, существование и признание такой практики свидетельствовало о том, что действующие семейные законы не обеспечивают и не удовлетворяют текущие запросы общества. Обсуждение брачно–семейных норм с 1960–х гг. возобновляется в рамках дискуссии о новом кодексе.

После смерти Сталина советское руководство столкнулось с необходимостью разрешения проблем в социально–экономической сфере. Первым шагом к созданию «социализма с человеческим лицом» стало восстановление «социалистической законности», в том числе преодоление тоталитарных, мобилизационных и репрессивных установок в законодательстве¹¹⁵. Реформа семейного законодательства, завершившаяся уже после отставки Н.С. Хрущева, воплощала в себе тенденции новой социальной политики – особое внимание уделялось правам матерей и детей, их благополучию и комфорту. Поддержка семьи на государственном уровне также служила идее поощрения деторождения в условиях падения рождаемости¹¹⁶.

Работа над новым кодексом о браке и семье РСФСР началась в 1960–х гг.¹¹⁷ Текст кодекса сначала создавался в Юридической комиссии при Совете министров СССР¹¹⁸, с 1963 г., по поручению ЦК КПСС, «Подготовка проекта Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье ...

¹¹⁵ *Иванова Г.М.* На пороге "государства всеобщего благосостояния". Социальная политика в СССР (середина 1950–х – начало 1970–х годов). М., 2011. С. 51.

¹¹⁶ *Денисова Л.Н.* Судьба русской крестьянки в XX веке... С. 40–43.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 385. Оп. 26. Д. 334. Л. 169.

¹¹⁸ Там же. Л. 164.

производилась Комиссиями законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей совместно с Верховным судом СССР, Прокуратурой СССР и Юридической комиссией при Совете министров СССР»¹¹⁹.

После того, как проект 14 ноября 1968 г. был одобрен, его направили в Президиум Верховного Совета РСФСР, который, в свою очередь, разослал его Советам министров автономных республик, краевым и областным исполкомам, и одновременно образовал комиссию в составе 22 человек для рассмотрения поступающих предложений и замечаний.

При обсуждении кодекса отмечалось, что он создавался при активном участии государственных и общественных институтов: «Представляется на рассмотрение проект кодекса о браке и семье, разработанный Юридической комиссией при Совете министров РСФСР с участием Министерства охраны общественного порядка РСФСР, Верховного Суда РСФСР, Министерства Просвещения РСФСР, Института государства и права Академии Наук СССР, Всесоюзного научно–исследовательского института советского законодательства, МГУ, журнала «Работница», московского городского и московского областного судов, отдела записи актов гражданского состояния Мосгорисполкома, московского городского совета профсоюзов, практических работников административных органов и ученых» (1968 г.)¹²⁰.

В отчетных документах Юридической комиссии подчеркивалось, что советские граждане активно включились в обсуждение нового кодекса: «...в секретариат Президиума Верховного Совета СССР на 18 июня с.г. поступило 3500 писем граждан и организаций, в которых содержится свыше 6 тыс. предложений и замечаний по проекту. Кроме того, более 6 тыс. писем получено редакцией газеты «Известия Советов депутатов трудящихся»¹²¹.

Чаще всего в этих обсуждениях затрагивались вопросы установления отцовства: «Большая часть предложений касается одних и тех же основных положений проекта: условий заключения и порядка расторжения брака,

¹¹⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 58. Л. 48.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. 385. Оп. 26. Д. 334. Л. 199.

¹²¹ ГА РФ. Ф. 385. Оп. 26. Д. 330. Л. 2.

установления отцовства в судебном порядке, записи об отце в свидетельстве о рождении ребенка, родители которого не состоят в браке, порядка взыскания и размера алиментов на содержание детей, права нуждающегося нетрудоспособного супруга на получение материальной помощи от другого супруга после расторжения брака и некоторых других вопросов»¹²².

Среди предложений звучали голоса, созвучные действующему законодательству. Вместе с тем, Юридическая комиссия пришла к выводу: «По мнению комиссии принимать нецелесообразно ... предложения о запрещении установления отцовства по суду. Это предложение нецелесообразно, поскольку... привело бы к сохранению неравноправного положения внебрачных детей и детей, рожденных в браке, в то время как проект направлен на защиту интересов детей¹²³». В справке комиссии прописывается основной принцип составления проекта брачно–семейного кодекса – закон не должен противоречить интересам детей. Это касалось в первую очередь записи в свидетельстве о рождении: «Принимать не следует... предложение сохранить прежний порядок и оставлять прочерк в графе «отец» в записи о рождении. Эти предложения признаны неприемлемыми по тем мотивам, что основная мысль проекта – предотвратить возможность травмирования ребенка путем оставления в свидетельстве о рождении пустой графы в отношении отца»¹²⁴.

Другие замечания, отмеченные в справке, касались вопросов участия родителей в воспитании детей; родительские обязанности, как в браке, так и после развода, уточнялись и расширялись: «Родители пользуются равными правами и несут равные обязанности в отношении своих детей и в случаях, когда брак между ними расторгнут... Такое дополнение необходимо в связи с тем, что нередко после расторжения брака матери, у которых остаются дети, ущемляют права отцов на участие в воспитании детей»¹²⁵.

¹²² Там же.

¹²³ Там же. Л. 17.

¹²⁴ Там же. Л. 18.

¹²⁵ Там же. Л. 19.

На уровне российских регионов проект 1968 г. был поддержан. Возражения вызывала статья 59, позволяющая одинокой матери не вписывать имя предполагаемого отца. Например, исполком Новосибирского совета депутатов трудящихся отмечал: «А) исключить возможности матери, не состоящей в браке, возражать против совершения записи об отцовстве в порядке, установленном ст. 58 кодекса. Б) в случаях, когда мать, состоящая в браке, заявляет, что ее муж не является отцом ребенка, пересмотреть обязательность совершения записи об отце в порядке, установленном ст. 58 кодекса. Все это необходимо для того, чтобы впредь не было позорного прочерка об отце в свидетельствах о рождении»¹²⁶. Пермский государственный университет им. Горького поддерживал это предложение: «...представляется, что правило, предусмотренное ст. 59 о том, что мать, не состоящая в браке, может отказаться от записи об отце в книге записи о рождении, должно быть исключено, поскольку это правило противоречит общему смыслу Основ. В свидетельстве о рождении **всегда должна быть** заполнена графа об отце, другое дело, что в этой графе может быть записана фамилия матери»¹²⁷. Президиум Верховного Совета Якутской АССР называл п.59 попыткой «узаконивания безотцовщины», а в документе Верховного Совета Удмуртской АССР говорилось о том, что такая норма может «морально травмировать ребенка»¹²⁸.

Немного неожиданными стали возражения против возможного снижения брачного возраста на два года для женщин и мужчин. При этом снижение брачного возраста для женщин не вызывало такого неприятия, как право мужчин регистрировать брак с 16 лет. «Брачный возраст жениха оставить в 18 лет, т.к. 16–летний юноша не может серьезно решать вопросы создания семьи, ее содержания и т.д.», – полагал Мурманский исполком¹²⁹. Такого же мнения придерживались Тамбовский, Иркутский исполкомы,

¹²⁶ Там же. Л. 98.

¹²⁷ Там же. Л. 108.

¹²⁸ Там же. Л. 173, 184.

¹²⁹ Там же. Л. 94

Президиумы Верховных советов Башкирской и Мордовской АССР: «Возражаем против понижения брачного возраста до 2-х лет, особенно мужчинам. Просим оставить в силе ст. 5 кодекса о браке семье и опеке от 1949г.»; «16-летний юноша, как правило, не имеет профессии и достаточных средств для обеспечения семьи. Поэтому установление возможности сокращения брачного возраста для мужчин вряд ли будет соответствовать интересам создания полноценной и прочной семьи»; «считаем, что снижение брачного возраста следует предусмотреть только на один год и только для женщин. Вступление в брак, создание семьи налагает на супругов определенные обязанности перед обществом. Нужно, чтобы молодые люди были способны нести эту обязанность, ответственность перед обществом. Юноша в 16 лет практически не может быть полноценным родителем, способным материально и морально обеспечить воспитание ребенка»; «допущение брака для мужчин в несовершеннолетнем возрасте (16–17 лет) вредно повлияет как на здоровье брачующихся, так и на здоровье его детей. Кроме того в этом возрасте несовершеннолетние мужчины еще нуждаются в попечительстве и создавать семью в этом возрасте считаем нецелесообразно»¹³⁰.

Противники снижения брачного возраста аргументировали свою позицию, ссылаясь преимущественно на причины экономические и социальные: по их мнению, отцовство означает, прежде всего, материальную поддержку семьи, которую может осуществлять только мужчина, достигший 18 лет.

Доработка проекта с учетом поступивших замечаний и предложений происходила зимой–весной 1969 г. в консультативной группе по рассмотрению Кодекса о браке и семье РСФСР под председательством В.С. Тадевосяна. Как свидетельствуют стенограммы заседаний, обсуждение проходило в присутствии юристов и представителей официальных структур: «Седугин. Я должен напомнить, что здесь присутствуют представители ряда ведомств – Верховного Суда, Прокуратуры, Министерства внутренних дел,

¹³⁰ Так же. Л. 39, 132, 145, 173.

Министерства просвещения, а также ряда ведомств РФ. Кроме того, в работе консультативной группы принимают участие виднейшие ученые. Возглавляет работу консультативной группы Тадевосян, его заместитель А.И. Пергамент»¹³¹. При этом упоминалось, что решения консультативной группы не носят обязательного характера, это лишь советы и консультации¹³².

Кодекс о браке и семье РСФСР создавался как образец для других подобных республиканских кодексов. «Я хотел бы напомнить, – говорил один из участников обсуждений, – что кодекс федерации – это первый из 15 равных союзных республик. Поэтому на кодекс федерации, как и на другие законодательства, очень смотрят другие союзные республики и многие из них ждут его, ... нужно чтобы кодекс был образцовым»¹³³.

По итогам всех обсуждений в консультативной группе возражений против права устанавливать отцовство в суде и права вписывать имя отца в метрику при добровольном согласии мужчины не было зафиксировано. Консультативная группа работала преимущественно с замечаниями, касавшихся в основном деталей и нюансов – например, возможности понижения возраста для отцов и права незамужней матери оставлять графу отцовства незаполненной. Все эти проблемы так или иначе затрагивали правовую концептуализацию отцовства. Всего поступило свыше 500 предложений, часть из которых была учтена, но другие – отклонены¹³⁴.

Законодатели пояснили свою позицию относительно возможного снижения брачного возраста: «Мы отказались от того, как это сделали в других проектах кодексов союзных республик, чтобы установить разный брачный возраст для женщин и мужчин. Мы считаем, что если наступил такой исключительный случай, а случай – это как правило рождение ребенка, пусть срок для мужчин и женщин будет одинаковым»¹³⁵. Разработчики закона

¹³¹ ГА РФ. Ф. 385. Оп. 26. Д. 333. Л. 3.

¹³² Там же.

¹³³ Там же, Л.4.

¹³⁴ Там же. Л.6.

¹³⁵ Там же. Л. 9.

руководствовались такой логикой: если подростки создали семью раньше восемнадцати лет, то ее следует нормативно оформить, не создавая лишних проблем для молодых родителей и их ребенка.

Для ряда членов комиссии такое новшество показалось неприемлемым, и, признавая право регистрировать несовершеннолетнюю девушку матерью, они возражали против признания юношей отцами: «Мне думается, что один год снижения срока достаточно. Ну какой может быть отец в 16 лет?! Если мы будем узаконивать это – эти случаи еще больше увеличатся»¹³⁶. Подобная точка зрения отражала социально статусную, а не физиологическую роль отцовства.

У сторонников поддержки «ранних» семей были свои аргументы: «Мы решили, зачем в каждом случае Президиуму Верховного Совета выносить всякий раз акт – давайте узаконим это, а на местах будет видно, какие есть уважительные причины. Рождение ребенка остается уважительной причиной, а также наличие большой беременности... В тех случаях, когда беременность маленькая и мы видим, что юноша достигнет 17-летнего возраста, несмотря на то, что его будущая жена будет идти в таком виде в загс, мы не отказываем»¹³⁷. В данном случае родителями считались фактические отцы и матери, у которых ребенок или уже родился, или скоро появится.

Юристы исходил из основной идеи проекта кодекса, что все вопросы должны решаться в интересах детей, независимо от возраста родителей: «Если уж произошло такое, что девушка беременна, а ей 17 с половиной лет, а ему 17, зачем же ждать когда ему исполнится 18? Т.е. нужно ждать еще год, а он за этот год может раздумать регистрироваться и отца у ребенка не будет. Мне известно, что в органах загса возникает вопрос, можно ли признать отцовство до 18 лет. Им приходится с этим сталкиваться»¹³⁸. Очевидно, что для разделяющих это мнение законотворцев приоритетом является защита

¹³⁶ Там же. Л. 42.

¹³⁷ Так же. Л. 40–41.

¹³⁸ Так же. Л. 42.

прав младенца, а не юного отца (в отличие от противников понижения «родительского» возраста).

Еще один аргумент в поддержку этой позиции был связан с принципиально отличной от прежней репрезентации отцовства в нормативной сфере. Если противники понижения брачного возраста для будущих отцов говорили о том, что юноши не способны быть самостоятельными родителями, то сторонники настаивали на том, что отцовство – это свершившийся факт: «Тут говорят, какой же он отец, если ему 16 лет. Но он уже отец. Может быть и не нужно, чтобы они были отцом или матерью. Но факт совершился...; в бытовом смысле 16–17–летний отец – конечно, это плохо. Воспитывать ребенка будут дедушка или бабушка. Но потом такой отец сам встанет на ноги и будет воспитывать ребенка. Но здесь есть не менее важная сторона – воспитательная в широком плане»¹³⁹. То есть, происходит смещение отцовской роли со статусной и экономической к эссенциальной, которая не нуждается в материальном и социальном одобрении.

Правовая сторона этого решения могла конфликтовать с принципом защиты интересов детей: «Возникает большое сомнение в отношении записи отца ребенка до достижения им совершеннолетия. ...А тут недееспособный идет в ЗАГС и говорит, что он – отец. Он может вступать в какие-то правоотношения только с согласия своего опекуна или попечителя». Однако, как заметила юрист Александра Пергамент, если ни у кого нет сомнений в статусе материнства юных девушек, то почему же запись отцовства ее ровесника должна вызывать столько вопросов: «Случилось так, что у двух несовершеннолетних родился ребенок. Относительно возможности записи матери не возникает ни у кого никаких сомнений, потому что этот факт, который влечет предельные правоотношения. А в отношении отца?... Вправе ли несовершеннолетний признать факт своего отцовства? Мы отвечаем – вправе. Признание им факта отцовства не делает его дееспособным по

¹³⁹ Там же. Л. 43, 46.

гражданскому законодательству»¹⁴⁰. Позиция Пергамент нашла поддержку: «Мы ставим мать в неравное положение. Если девочка родила – мы ее записываем матерью. Если же отец – юноша 17 лет, мы ему отказываем. Это несправедливо»¹⁴¹.

Второй блок вопросов и предложений, с которыми работала консультативная группа, был связан с записью отцовского имени в метрике. Так, получившее много критических отзывов положение, по которому незамужняя мать могла оставить незаполненной графу с именем отца, было исключено из проекта¹⁴². Консультативной группой рассматривались и другие случаи, связанные с внесением имен родителей в метрику, например, возможность установления отцовства в суде совершеннолетним.

Предоставление права устанавливать отцовство в суде не только для матерей, но и для ребенка, достигшего 18 лет, вызывало ряд вопросов у участников обсуждения: «Установление отцовства – это такой вопрос, в котором затрагиваются интимные отношения между людьми. И может ли 19-летний ребенок доказывать, что такой-то является его отцом. Я на практике не представляю себе такого случая; мне кажется, что сама идея и подчеркивание того, что совершеннолетний имеет право на то, чтобы кого-то признали его отцом, она не в духе нашего законодательства»¹⁴³. Как можно заметить, противники этой поправки приводили этические аргументы, подчеркивая, что установление отцовства – это процедура, в которой могут участвовать только лишь матери и предполагаемые отцы. Их оппоненты замечали, что если одним из принципов создания кодекса является неограниченное право установления отцовства: «Почему он не имеет права на это, если у него умерла мать, как только наступило его совершеннолетие?»; Я высказываюсь за поддержку проекта. Мне думается, РСФСР правильно указывает, что вправе предъявлять иск об установлении отцовства сам

¹⁴⁰ Там же. Л. 357–358.

¹⁴¹ Там же. Л. 360.

¹⁴² Там же. Л. 11.

¹⁴³ Там же. Л.128.

ребенок по достижении им совершеннолетия. Мне думается, не следует ограничивать его в этом плане»¹⁴⁴.

На возражения, что отца может знать, и, соответственно, указывать в судебном порядке, только мать, но никак не ребенок, поскольку это «глубоко затрагивает ее личные права и отношения», А.Пергамент замечала: «Иногда мать, будучи обижена, оскорблена, не желает устанавливать отцовство, хотя отец и не отказывается от своего ребенка. Почему же ребенка лишать возможности это установить? Я бы хотела обратить внимание, что интимные обстоятельства доказывать наш закон не разрешит. Что ребенок должен доказать? Что мать вела общее хозяйство с отцом, отец воспитывал или содержал его, и, наконец, у него могут быть письма от отца»¹⁴⁵. Отцовство выводится из сферы интимного в публичную область: родительство становится не только сферой ответственности женщины и мужчины, в ней появляется еще один полноправный актер – ребенок. Подобные положения в новом кодексе свидетельствовали о значительном расширении сферы ответственности отцов, в том числе живущих с матерью ребенка в незарегистрированном браке. Председатель комиссии В.С. Тадевосян замечал: «Большинством приходим к выводу, что надо оставить так, как в статье 16 Основ – неограниченное право установления отцовства», его поддерживала А.И. Пергамент: «В буржуазных странах, где допускается отцовство даже более широко, чем у нас, права детей при установлении отцовства не равны, они наследуют в меньшем размере и т.д. А мы своей статьей прямо говорим, что у нас нет никак дискриминации детей»¹⁴⁶. Таким образом, идея «в интересах детей» включала в себя комплекс законодательных мер, направленных на 1) неограниченное право на установление отцовства; 2) юридическое равноправие всех детей, рожденных как в браке, так и вне его; 3) расширенные возможности на внесение имени отца в метрику, вплоть до запрета оставлять графу об отце незаполненной. Мужчина

¹⁴⁴ Там же. Л. 130.

¹⁴⁵ Там же. Л. 133.

¹⁴⁶ Там же. Л. 136.

получал право на признание своего ребенка, ребенок, обретя дееспособность, мог обратиться в суд за установлением отцовства. Дополнительно обсуждалась возможность признания отцовства после смерти отца, если это произошло до выхода нового кодекса: «Вы хорошо знаете о том, можно или нет устанавливать отцовство, если ребенок родился 1 окт. 1968 г., а отец умер после этого числа. У меня лично никакого сомнения не вызывает, что дата смерти отца никакого значения иметь не может. Отца не ограничивают в его праве признать ребенка в любое время, когда он пожелает. Если он не успел почему-либо обратиться в суд – по мысли законодателя – вправе выполнить волю умершего. Поэтому...момент смерти отца не имеет значения (А.И. Пергамент)»¹⁴⁷.

Для процедуры оспаривания отцовства был установлен срок – один год, но если в течение этого времени мужчина не обращался в суд, его имя фиксировалось в свидетельстве о рождении. Эта мера, как и другие, была призвана защитить в первую очередь интересы детей, а не отцов: «Об улучшении чьего положения вы беспокоитесь – отца или ребенка? Заинтересованные лица – мать и ребенок и так называемый отец. Почему мы установили годичный срок? Узнал, что запись неправильна – года достаточно для оспаривания потому что, мы считаем, нельзя оставлять ребенка в неопределенном состоянии бесконечно...Почему же вы хотите дать такую льготу таким отцам, которые год знали, но не обращались в суд?»¹⁴⁸

При обсуждении проекта кодекса зачастую возникал вопрос о том, с кем после развода должен оставаться ребенок. «По умолчанию», это была мать, хотя законодатели отмечали, что отцам необходимо видеться с детьми после развода.: «Если мы будем исходить из таких позиций, что кто-то своего сына не пускает к отцу и за это у него надо отбирать детей, то это будет неправильно. Так что при решении этого вопроса будут исходить из того, где ребенку лучше, а не из того, чтобы кого-то из родителей наказать»¹⁴⁹.

¹⁴⁷ ГА РФ Ф. 385. Оп. 26. Д. 335. Л. 236.

¹⁴⁸ Там же. Л. 248–251.

¹⁴⁹ Там же. Д. 333, Л. 144.

Таким образом, материалы обсуждения проекта Кодекса о браке и семье в феврале–марте 1969 г. показывают, что законотворцы были практически единодушны в стремлении «вернуть отцов в семьи» и действовать «в интересах детей». Новый закон, регулирующий брачно–семейные отношения, принципиально отличался от послевоенного законодательства: если раньше допускалось существование большого количества неполных семей, состоящих только из матери и ребенка, а также поощрение массового вовлечения взрослых граждан СССР в процесс прокреации (для восстановления военных демографических потерь), то теперь государство стремится укрепить семью как важный институт социализации ребенка¹⁵⁰. Для построения такой семьи необходимо присутствие отца в семье – реальное или номинальное. Первостепенной задачей было возвращение права матерям на судебное установление отцовства и его фиксирование в свидетельстве о рождении.

Итогом многолетних дискуссий на разных уровнях – от сессий Верховного Совета до периодической печати и писем граждан стал Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. В нем нашли отражение изменения нормы, которые обсуждались и в предложениях граждан, и в кругу специалистов, занимающихся разработкой нового кодекса.

Многие положения, которые вошли в итоговую версию документа, были новаторскими. Прежде всего, в новом кодексе был решен вопрос о метриках: факт отцовства (что фиксировала соответствующая запись в свидетельстве о рождении ребенка) мог быть установлен не только по добровольному желанию мужчины, но и по решению суда: «Если родители не состоят в браке между собой, запись о матери ребенка производится по заявлению матери, а запись об отце ребенка – по совместному заявлению отца и матери ребенка, либо отец записывается согласно решению суда»¹⁵¹.

¹⁵⁰ Тем не менее, сохраняется политика поощрения незамужних женщин к деторождению. См. подробнее: *Randall A.* «Abortion will deprive you of happiness!»: Soviet reproductive politics in the post–Stalin era // *Women’s History*. 2011. Vol. 23(3). P. 13–38.

¹⁵¹ Закон об утверждении Кодекса о браке и семье РСФСР// *Ведомости Верховного Совета РСФСР*. 1969. № 32.

Эта норма отменяла положения Указа от 8 июля 1944 г. и частично возвращалась к положениям КЗоБСО 1926 г. Однако, если сравнивать тексты двух документов, то можно заметить, что в них заложены разные принципы регулирования и восприятия отцовства.

КЗоБСО 1926 г.	Кодекс о браке и семье 1969 г.
<p>В целях защиты интересов ребенка матери предоставляется право в период беременности или после рождения ребенка подать заявление об отце ребенка в местный орган записей актов гражданского состояния по своему местожительству, указывая имя, отчество, фамилию и местожительство отца ребенка.</p>	<p>При рождении ребенка у матери, не состоящей в браке, если не имеется совместного заявления родителей и решения суда об установлении отцовства, запись об отце ребенка в книге записей рождений производится по фамилии матери; имя и отчество отца ребенка записываются по ее указанию.</p>
<p>О поступившем заявлении орган записей актов гражданского состояния извещает лицо, названное в заявлении отцом. Если от последнего в течение месячного срока со дня получения им извещения не поступит возражения, то это лицо записывается отцом ребенка. В течение годичного срока со дня получения извещения от органа записи актов гражданского состояния лицо, указанное в качестве отца, может возбудить в суде спор против матери ребенка о неправомерности ее заявления.</p>	<p>Лицо, записанное в качестве отца или матери ребенка, вправе оспорить произведенную запись в течение года с того времени, когда ему стало или должно было стать известным о произведенной записи. Если к этому времени лицо, записанное отцом или матерью, являлось несовершеннолетним, годичный срок исчисляется со времени достижения им восемнадцати лет.</p>

В кодексе 1926 г. отцовство устанавливалось исходя из юридической концепции равенства фактического брака и зарегистрированного, следовательно, и дети от этих браков должны быть равноправны. Кодекс 1969 г. на первое место ставил не брак, а факт родства мужчины и ребенка. Мужчина отвечал не столько за свои отношения с женщиной, сколько за свое отцовство. Доказательствами факта отцовства были по-прежнему свидетельства о совместном проживании и быте. Судебный порядок установления отцовства предусматривал следующую процедуру: «В случае рождения ребенка у родителей, не состоящих в браке, при отсутствии совместного заявления родителей отцовство может быть установлено в судебном порядке по заявлению одного из родителей или опекуна... При установлении отцовства суд принимает во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка или совместное воспитание либо содержание ими ребенка или доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком отцовства»¹⁵².

КЗоБСО 1926 г. предоставлял право незамужней матери на заполнение метрики ребенка и на установление отцовства в суде ради получения материальной помощи от мужчины, тогда как кодекс 1969 г. ставил своей целью максимально возможное вовлечение мужчины в воспитание и поддержку своего ребенка. В кодексе 1969 г. использовались практики по установлению отцовства и записи в метрике по законодательству 1926 г., но, с другой стороны, размер алиментов назначался по Декрету 1936 г. Теперь мужчины могли заранее знать о том, что даже не проживая с ребенком совместно, или если это их внебрачный ребенок, им придется выплачивать 1/4 от своего заработка, а для обжалования размера алиментов они будут вынуждены обращаться в суд.

В итоговом варианте кодекса сохраняется идея о возможности снижения возраста регистрации родителей для несовершеннолетних, но не

¹⁵² Там же.

более чем на два года: «Брачный возраст устанавливается в восемнадцать лет. Исполнительные комитеты районных (городских) Советов депутатов трудящихся в отдельных исключительных случаях могут снижать брачный возраст, но не более чем на два года»¹⁵³. То, что вызывало у многих современников возражения и неприятие, тем не менее, вступает в законную силу, и это, с одной стороны, ставит точку в вопросе неравноправия брачного возраста для мужчин и женщин. Это происходит не столько из соображений уравновесить гендерные роли в семье, сколько из желания обеспечить только ребенку полную семью. Тем не менее, это решение стало значительным сдвигом в нормативной репрезентации и концептуализации отцовства.

В новом Кодексе о браке и семье 1969 г. контекстное употребление слова «отец» гораздо шире – как по сравнению с Указом 1944 г., так и с проектами Основ семейно-брачного законодательства. Под категорию «отцы» теперь попадали все фактические отцы, находящиеся в браке или холостые, а также мужчины, которые оставили семью и создали новую. Теперь статусные понятия «отец» и «муж» не обязательно совпадали, тем самым расширялась зона родительской ответственности мужчины за ребенка.

Шире определялись отцовские права, сфера родительства усложнялась, а формат взаимоотношений детей и взрослых в семье был прописан подробнее. Так, в отличие от КЗоБС 1926 г., обязывающего детей обеспечивать своих родителей после того, как они потеряют трудоспособность, в кодексе 1969 г. появилось уточнение, что «дети могут быть освобождены от обязанности содержать своих родителей, если судом будет установлено, что родители уклонялись от выполнения своих родительских обязанностей»¹⁵⁴. Эта мера была направлена на предотвращение случаев, когда один из родителей (на практике это зачастую были мужчины или маргинальные матери) требовал содержания от своих взрослых детей, однако ранее не принимал участия в их воспитании.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же.

Были сделаны важные уточнения и в статьях, посвященных разводам, в частности, о послеразводном урегулировании отношений родителей и ребенка. Так, в п.40 появляется положение: «Родитель, проживающий отдельно от детей, имеет право общаться с ними и обязан принимать участие в их воспитании. Родитель, при котором проживают дети, не вправе препятствовать другому родителю общаться с детьми и участвовать в их воспитании». Таким образом, нормативно было зафиксировано право родителя (в большинстве случаев отцов) общаться с детьми, даже если они не проживали вместе. Речь идет преимущественно об эмоциональном капитале, о том, что отношения отец–ребенок (реже ребенок–мать) не прекращаются с разводом, а видоизменяются.

С другой стороны, в законе отмечается: «Органы опеки и попечительства могут на определенный срок лишать родителя, проживающего отдельно от ребенка, права на общение с ним, если это мешает нормальному воспитанию ребенка и оказывает на него вредное влияние». Право родителя на общение после развода с ребенком не является неотъемлемым и возможно лишь при условии, что это производится в интересах детей.

Законодательство об опеке по сравнению с 1926 г. также усложнилось. Так, если раньше для усыновления ребенка было необходимо согласие родителей, не лишенных родительских прав, то по новому законодательству (ст. 100) согласие не требовалось, если мать или отец были признаны недееспособными или безвестно отсутствующими¹⁵⁵.

Выводы. Таким образом, нормативная модель отцовства претерпела существенные изменения на протяжении 1920 – 1960-х гг. Неудивительно, что на фоне серьезных социальных и политических трансформаций брачно–семейное законодательство менялось несколько раз. При создании норм, регулирующих частную, семейную жизнь советских граждан, государство преследовало прагматичные цели, связанные с решением демографических

¹⁵⁵ Там же.

или экономических проблем. Однако, интересы самих граждан зачастую не учитывались, что приводило к таким явлениям, как рост категории «мать–одиночка» после войны или запрет на вписывание имени отца в метрику, если ребенок был рожден вне зарегистрированного брака.

Отцовство в советском законодательстве на протяжении многих десятилетий трактовалось амбивалентно: с одной стороны, оно было «вторичным» по отношению к более «эссенциальному» материнству, но, с другой стороны, с ним в разные периоды советской истории были связаны ожидания, менявшие его концептуальную репрезентацию и нормативное регулирование.

В 1920–е гг. мужчина считался отцом по факту зачатия, однако для установления отцовства требовалось доказать фактическое сожительство с матерью ребенка. Отцовство как самостоятельный институт не был закреплен законодательно: отцы являлись источником материальной поддержки для матери и ребенка, при этом фигура отца была менее значимой, чем фигура матери.

Указ 1944 г. регламентировал существование разных типов семей (полных и неполных) и возлагал на советских женщин задачу воспитания подрастающего поколения. Взамен биологической и социальной концепции отцовства появляется его нормативная модель, существующая только в рамках юридически оформленного брака.

В конце 1940–х и в 1950–1960–е гг. разрабатывается будущий кодекс о браке и семье (принят в 1969 г.), который представлял собой синтез разных концепций отцовства. Вместе с общей демократизацией норм семейно–брачного поведения (упрощение процедуры развода, расширение возможности установления и опротестования отцовства), фигура отца, функции которого ранее были неявно выражены в текстах брачно–семейного законодательства, теперь становится статусной. Отец в новом кодексе – это уже не только муж (фактический или зарегистрированный), а родитель, чьи отношения с ребенком и с матерью ребенка выстраиваются независимо от факта зарегистрированного брака.

В отличие от брачно–семейного кодекса 1926 г. в 1969 г. появляется норма, согласно которой несовершеннолетний отец мог зарегистрировать брак с матерью ребенка – по факту биологического отцовства. Вместе с тем женщина не могла вписать имя биологического отца ребенка в свидетельство о рождении без его согласия, а установление отцовства было возможно лишь при убедительных доказательствах долгосрочного сожительства. Таким образом, биологическая и социальная роль отцовства при обсуждении и принятии нового кодекса нередко противоречили другу, итогом стало принятие компромиссной модели, сочетающей черты и биологического, и социального отцовства.

Глава 2. Отцовство в общественном дискурсе 1950–1960-х гг. (по материалам СМИ и письмам граждан).

Указ от 8 июля 1944 г. не позволял вписывать имя отца в метрику, если ребенок родился в незарегистрированном браке. Через год эта законодательная норма была смягчена, но незначительно: при вступлении в брак с матерью ребенка, мужчина мог постфактум добровольно признать себя отцом. Таким образом, дети, рожденные после 1944 г. от незамужних матерей, имели прочерк в метрике на месте имени отца. Таких детей, рожденных вне брака, за период 1945–1958 гг. появилось около 10,6 млн.¹⁵⁶ Физическое отсутствие отца в семье сопровождалось еще и символическим – социальное клеймо «безотцовщины» стигматизировало ребенка. Соответственно, идея возвращения записи об отце в метрике казалась справедливой законодательной мерой для многих современников, более того, это давало надежду на дальнейшее привлечение отца к юридической и экономической ответственности.

Общественные представления об отцовстве тесно переплетены со взглядами на распределение гендерных ролей в семье, на представления о том, каким должен быть «настоящий» советский мужчина. По мнению социологов, переход от традиционного состояния общества к современному заключается в том, что три типа человеческого поведения – матримониальное, сексуальное и прокреативное – автономизируются и отделяются друг от друга¹⁵⁷. Если ранее существовала социальная санкция на брак, которую молодым людям предоставляли родители, «мир», то к середине XX в. сексуальность и деторождение перестали регламентироваться исключительно институтом брака, более того, молодые люди получили большую самостоятельность в выборе и спутника жизни, и в процессе деторождения. Отцовство становится важно само по себе, поэтому необходимо рассмотреть, какие черты советского

¹⁵⁶ *Араловец Н.А.* Дети в семьях России. Вторая половина XX в.: Демографический аспект // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. №1(1). 2013. С. 128.

¹⁵⁷ *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 58–59.

отцовства выделяли современники. Согласно господствующему дискурсу 1950–1960-х гг., советский мужчина должен был сочетать в себе роли и добропорядочного гражданина, и заботливого родителя¹⁵⁸.

Дискуссии о роли и облике советского отца в 1950–1960-е гг. велись не только в специальных комиссиях и в Президиуме Верховного Совета СССР, на сессиях Верховного Совета РСФСР (в связи с разработкой нового Кодекса о браке и семье), но и в периодической печати, в письмах, которые «неравнодушные граждане» отправляли в газеты, журналы и во властные структуры. Как отмечалось в предыдущей главе, обсуждение проектов КоБС фактически шло с конца 1940-х гг., и письма граждан, недовольных действующим семейным законодательством, были и в тот период, хотя в меньшем количестве. Основной массив писем отложился в фонде Комиссии законодательных предположений при Совете Союза и Совете Национальностей Верховного Совета СССР в 1950–1960-е гг.¹⁵⁹ Эти мнения учитывались при разработке проекта кодекса, на них ссылались как на «народную волю», с этими предложениями были знакомы люди, непосредственно участвующие в работе над кодексом или курирующие его подготовку.

Формируя собственные представления об отцах и отцовстве, современники нередко ориентировались на образцы, транслируемые через публичные каналы, в первую очередь СМИ (периодическую печать), что находило отражение, в том числе в «письмах во власть». Люди стремились участвовать в процессе нормотворчества, подсознательно проецируя собственную историю жизни и родительский опыт на коллективные представления и нормы. Таким образом, «письма во власть» граждан являются источником об общественных представлениях о браке, семье, мужском и женском родительстве.

¹⁵⁸ *Field D. A. Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia.* New York, 2007. P. 13–14.

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф.7523. Оп. 45. Д. 267. Л. 83–89.

Информацию о подготовке нового брачно–семейного законодательства граждане получали по радио¹⁶⁰, реже – по телевидению. Иногда письма публиковались в СМИ, становились темой для новых статей, но чаще они оседали в архивах редакций или попадали в редакторские сводки (которые потом передавались в Комиссии по обсуждению семейного законодательства). Такая взаимная реакция и обмен идеями и мнениями, осуществлявшийся «по горячим следам», создавали общественный дискурс. Следовательно, для понимания механизма трансляции и циркуляции этих представлений в публичной сфере необходимо рассмотреть в комплексе процесс обсуждения проблем отцовства в периодической печати и в письменных обращениях граждан в газеты, журналы и во властные структуры.

Материалы советской периодической печати 1950–1960–х гг., посвященные проблеме отцовства, представляли ее в трех тематических проекциях: 1) недостатки действующего брачно–семейного законодательства; 2) воспитание подрастающего поколения, связь школы и семьи; 3) моральный облик советского человека. В юридическом контексте это касалось имени отца в метрике, практик судебного установления отцовства, общения отцов со своими детьми после развода. Воспитание детей было важной общественной проблемой, акцент ставился на том, что ребенок может получить полноценную заботу и поддержку семьи лишь в том случае, если в ней присутствуют оба родителя.

Для анализа общественных представлений об отцовстве 1950–1960–х гг. были привлечены издания, которые регулярно публиковали статьи на подобную тематику: «Литературная газета», газеты «Известия», «Правда», журналы «Работница», «Социалистическая законность» и другие печатные органы. Помимо публицистических статей в периодической печати появлялись информационные сообщения о подготовке Кодекса о браке и семье¹⁶¹, которые

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 229. Л. 133.

¹⁶¹ В «Правде» 4 декабря 1961 г. была опубликована информация о начале работы над новым Кодексом о браке и семье, аналогичный материал появился в «Известиях» 17 января 1962 г.

вызывали ответную реакцию граждан. Наиболее резонансные статьи были опубликованы в «Литературной газете». Несмотря на то, что «Литературная газета» формально считалась органом Союза писателей СССР, в годы «оттепели» она становится своего рода общественной трибуной, на ее страницах обсуждались общественно значимые проблемы, вызывавшие большой резонанс, особенно среди образованной части общества. Именно в «Литературной газете» появились первые публикации, затрагивающие тему отцовства – в контексте недостатков Указа 1944 г. В центре внимания было положение так называемых «внебрачных» детей и матерей–одиночек. Главный редактор газеты В.А. Кочетов, пересылая в Комиссию законодательных предположений Верховного Совета РСФСР поступившие в редакцию письма–отклики, отмечал «серьезную обеспокоенность граждан» и поддерживал их инициативу о необходимости пересмотреть ряд положений брачно–семейного законодательства¹⁶².

Можно выделить три доминирующих темы, которые затрагиваются в этих письмах, и в которых возникает фигура «отца»: детские метрики, алименты и дискриминация при разводе. Поэтому прежде чем анализировать содержание писем с целью выявления основных черт репрезентации и саморепрезентации советских отцов, следует осветить формы и стратегии диалога граждан и власти в письмах¹⁶³. Большая часть писем граждан содержит идеи и предложения относительно нового семейного законодательства или критику действующего. В то же время существовали письма с просьбами или жалобами, которые люди писали «во власть» с конкретной целью: добиться юридической справедливости, обвинить мужа/отца/жену в неподобающем, аморальном поведении, рассказать о бедственном финансовом положении и т.д. В Комиссию поступали письма с законодательными предложениями и замечаниями, и, хотя большинство из

¹⁶² ГА РФ. Ф. 385. Оп. 26. Д. 330. Л. 37–38. (1968)

¹⁶³ *Alexopoulos G.* Victim Talk: Defense Testimony and Denunciation Under Stalin // *Law & Social Inquiry.* № 24. 1999. P. 637–654.

них содержали в себе истории жизни авторов (или кого-то из их окружения), не каждый был готов поделиться информацией интимного характера.¹⁶⁴

Можно выделить несколько групп авторов: матери-одиночки, женщины, находящиеся в разводе, женщины, живущие с мужчиной, выплачивающим алименты детям от предыдущего брака, матери женщин, родивших ребенка в незарегистрированном браке, матери мужчин-алиментщиков, мужчины-алиментщики и отцы детей «матерей-одиночек». Преимущественно все авторы писем являются родителями.

Особый интерес вызывает самопрезентация отцовства в письмах мужчин: как они переживали свой опыт отцовства, насколько он значим для них, существовало ли в их сознании отделение отцовства от супружества. Не все авторы делились историями своей жизни – зачастую они позиционировали себя как «неравнодушные граждане» или «наблюдательные соседи».

2.1. «Безотцовщина» как социальная проблема

Публицистический дискурс 1950–1960-х гг. опирался на общегуманистические идеи: во главу угла ставились интересы детей, пропагандировалось толерантное отношение к матерям-одиночкам и вовлечение отцов в воспитание детей. Такое направление общественному обсуждению задали статьи Е.П.Серебровской 1953–1956 гг. и опубликованное на страницах «Литературной газеты» коллективное письмо-обращение от авторитетных людей того времени: С.Я. Маршака, Г.С. Сперанского, Д.Д. Шостаковича, И.Г. Эренбурга с характерным заголовком – «Это отвергнуто жизнью»¹⁶⁵.

¹⁶⁴ «Я мать, у меня есть сын, которому уже 5 лет, у него есть отец в гор. Москве по Грохольевскому переулку дом 24 кв.5 Крынкин Николай Андреевич. Но сын мой не зарегистрирован на отца»; «Помочь мне лично избавиться от лодырей рвачей и разложившихся людей, каким является моя бывшая жена Николаева Мария Александровна, использующая исполнительный лист и алименты на содержание сына 16 лет в качестве средств вечного ничегонеделания, препирания полезного труда, сутяжничества для продолжения паразитического образа жизни».

¹⁶⁵ *Маршак С.Я., Сперанский Г.С., Шостакович Д.Д., Эренбург И. Г.* Это отвергнуто жизнью // Литературная газета. 1956. № 120. С. 2.

Понятие «безотцовщина» имело исключительно негативную коннотацию, им обозначались несколько категорий детей, включая тех, у кого погиб отец, чей отец не жил с семьей, а также детей матерей–одиночек¹⁶⁶. Это стигматизирующее понятие не столько фиксировало факт отсутствия отца в семье (по ряду причин), сколько придавало его носителю оттенок маргинальности и социального неблагополучия. Современницы отмечали в 1953 г.: «Между тем, на многих примерах мы видим, как растет безотцовщина, как растет распущенность, которую государство резко не наказывает»¹⁶⁷; «Дорогой т. Ворошилов, наше Советское правительство так много заботится о наших детях для которых созданы все условия для жизни, но не всем детям живется хорошо...те дети на которых наложена позорная кличка со дня его рождения безотцовщина у них (*Здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация – Е.В.*)»¹⁶⁸. В публицистических статьях авторами иногда отдельно отмечалось, что героиня или герой публикации происходит из неполной семьи, что рассматривается как фактор риска – причина возникновения проблем во взрослом возрасте¹⁶⁹.

Прочерк в метрике был распространенной темой женских обращений¹⁷⁰– советская мать–одиночка и «ребенок–безотцовщина», как и в традиционном обществе, сталкивались с общественной стигмой, и, несмотря на декларируемую поддержку со стороны государства, их социальный статус был ниже, чем у замужних матерей с детьми¹⁷¹. Во многих письмах декларируется отказ от собственных, в том числе, корыстных мотивов, женщины утверждают, что

¹⁶⁶ *Carlbäck H.* Lone Motherhood in Soviet Russia in the Mid–20th Century–In a European Context // *And they lived happily ever after: norms and everyday practices of family and parenthood in Russia and Central Europe* / ed. H. Carlbäck, Y. Gradszkova, Zh. Kravchenko. Budapest, 2012. P. 29–31.

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 232. Л. 60.

¹⁶⁸ Там же. С. 66–69.

¹⁶⁹ *Михайлов В.* Как вырастают тунядцы // *Литературная газета*. 1953. № 148. С. 2.;

Волк И. Не называя фамилии // *Литературная газета*. 1956. № 49. С. 2.

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. 385. Оп. 26. Д. 330. Л. 23, 104.

¹⁷¹ *Utrata J.* Women Without Men. Single Mothers and Family Change in the New Russia. New York, 2015. P. 21.

действуют исключительно в интересах детей¹⁷². Главная тема – внесение отцовского имени в свидетельство о рождении ребенка.¹⁷³ Авторы писем используют риторику «бескорыстных просительниц»¹⁷⁴, которые не собираются претендовать ни на что больше, кроме «правильной записи» в метрике их ребенка. Право на запись имени обоих родителей в метриках было не привилегией, а «восстановлением справедливости». По закону от отца требовалось лишь отчество, а фамилия могла быть выбрана любого из родителей – как отца, так и матери. Однако граждане были убеждены, что «...ребенка воспитывать нужно и должно, фамилию и отчество присваивать отцовское»¹⁷⁵. Отсутствие отцовского имени в метрике было частью социальной стигмы не только ребенка, но и матери, о чем письма свидетельствуют более эмоционально и прямо, чем материалы периодической печати.

Если авторы публикаций в «Литературной газете», «Правде», «Известиях» и «Работнице» писали о том, что советское общество поддерживает матерей–одиночек и их детей (хотя форма семьи без отца признавалась «неполноценной»), то граждане описывают фактически дискриминационное положение таких женщин и их детей. Письмо подростка (подпись) «Алик, буду юристом» рассказывает о нелегкой жизни ребенка с клеймом «безотцовщины»: «Мне 14 лет. Сколько я перестрадал из-за того, что в свидетельстве нет имени отца, а буква Z. Я бью всех в морду, отцовских баловней, обзывающих нас. Мой отец жив. Он не отказывается, что я его сын.

¹⁷² Одно из писем на актуальную тему: «Ваша помощь...в разрешении дать моему маленькому имя его отца Анатолия Иванушкина. Я даю вам честное слово, что никогда не предъявлю никаких требований отцу ребенка, хотя он и будет носить его имя. Ведь даже если отец не станет помогать ребенку(что я даже не хотела бы предполагать, т.к. это невозможно(то я сама его прокормлю)... Да и еще: заверяю Вас, отец будет очень рад вашему разрешению»(ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71. Л. 55–56.)

¹⁷³ «Маленькая просьба одиноких матерей не причинит беспокойства ‘отцам’ и если в свидетельстве будет записано имя и фамилия отца, но будет сделана приписка, что ребенок от незарегистрированного брака, все матери скажут спасибо» (ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218. Л. 179)

¹⁷⁴ *Alexopoulos G.* Victim Talk: Defense Testimony and Denunciation Under Stalin // *Law & Social Inquiry.* № 24. 1999. P. 637–654.

¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218. Л. 238.

Но закон его не обязывает дать мне свою фамилию и не обязывает помогать ЗАКОН. Я хорошо учусь, но никому не хочу помогать из тех, кого защищает закон, а нас он позорит. Не хочу вступать в комсомол. Я же незаконный, униженный и оскорбленный»¹⁷⁶. Можно заметить, что подросток негодует не столько на отца, сколько на существующий закон и на «отцовских баловней», которые осложняют ему жизнь настолько, что он в письме отрицает коллективистские ценности и бравирует своим индивидуализмом и нон-конформизмом («не хочу помогать... не хочу вступать в комсомол... буду юристом»).

Советские педагоги как никто другой знали о существующем неравенстве в метриках детей, которое являлось, в том числе, причиной конфликтов в школьном коллективе. Об этом писал педагог Странников в 1953 г.: «2 года тому назад было опубликовано в газетах о том, что создана комиссия по пересмотру закона о браке, но дальше обещания дело не пошло. В отношении внебрачных детей практикуется прямо хулиганское калечение детских душ. Почему закон разжигает антагонизм между отцом и детьми? В данный момент многие отцы все же живут и воспитывают своих «внебрачных детей», а ребенок, идя в школу, держит в руках метрику, в которой – нет отца, ребенок имеет дома отца, а в школе, затем в вузе говорит: «я внебрачный – у меня нет отца». Дети, имеющие отца, по наущению взрослых травят «внебрачных» детей и те, придя домой, (стараясь) разобраться, кто же тот, который называется дома отцом, или же делает оценку поведению матери...»¹⁷⁷.

О социальной стигматизации «матерей–одинок» и детей – «безотцовщины» писали и женщины, например, работница завода Иванова: «Меня как мать одиночку интересует самый наболевший, самый обидный, самый унижительный вопрос. Сколько можно писать в своих газетах статей о положении матерей–одинок и их детей? Сколько можно терпеть такое

¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 455. Л. 172.

¹⁷⁷ Там же. Оп. 45а. Д. 231. Л. 127–129.

унижение, чтобы каждый тыкал пальцем, что ребенок незаконно рожденный, даже не имеет право носить фамилию отца? »¹⁷⁸.

Репрезентация и саморепрезентация матерей–одинок в публичном дискурсе колебалась между позитивным, оптимистичным образом и моделью «жертвы». В специальных рубриках «Литературной газеты» (например, «Нам пишут») публиковались подчеркнуто–бодрые письма матерей, которые, несмотря на все трудности, не бедствовали, поскольку чувствовали за спиной поддержку коллектива и государства: «Ну какая я мать–одиночка, когда ко мне после рождения ребенка так чутко отнеслись все окружающие. В заводском садике к сыну относятся очень хорошо, да и дома ему материально неплохо»¹⁷⁹. Характерно, что и в письмах матери–одиночки предпочитали репрезентировать себя в оптимистичном духе – как стойких женщин, которые полагаются только на себя: «Поскольку я сама мать–одиночка, но лично для себя ничего не хочу, поскольку я работаю, имею в личном пользовании дом, огород, вполне обеспечиваю себя и ребенка и не нуждаюсь в гос. пособии»¹⁸⁰. Однако, отказываясь от государственного пособия на детей, женщины настаивали на том, что деньги на содержание ребенка должны выплачиваться его отцом: «И если местная власть подтвердит, что отец ребенка проживал одной семьей, только были не зарегистрированы, то пусть платит подлец элименты и нечего развратничать за счет государства»¹⁸¹; «но я не имею малейшего желания получать эти 50 руб...Я хотела бы чтобы закон обязывал мужчину–отца нести и моральную, и материальную ответственность»¹⁸². Вероятно, государственная помощь представлялась, с одной стороны, чем–то избыточным, а с другой – маргинализирующим статус матерей, однако отцовская материальная поддержка выглядела «справедливой» и «законной»: «Просим Вас оказать помощь одиноким матерям, имеющим возможность

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 272. Л. 8–9. (1959)

¹⁷⁹ От имени сына // Литературная газета. 1954. № 103. С. 2.

¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 232. Л. 97–98. (1953)

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же. Д. 229. Л. 69–70. (1951)

получать не от государства по 50 руб. в месяц на ребёнка, которые не в коей мере не обеспечивают ему жизнь, а получать *законные* деньги от отцов»¹⁸³. Алименты от мужчины представляются справедливыми, «законными», хотя по действующему закону женщины не могли на них претендовать. Следовательно, авторы писем апеллируют к законодательной норме 1920–х гг., когда незарегистрированный брак приравнивался к браку фактическому, и женщина могла подать на алименты независимо от своих формальных отношений с отцом ребенка.

Многие матери отмечают, что отсутствие имени отца у ребенка в метрике заставляет их самих испытывать чувство стыда перед детьми: «Я согласна на любые условия, лишь бы записать дочку на фамилию правильную, чтобы она имела метрическую выписку без этого проклятого прочерка и не обижалась всю жизнь на меня. Я даже не получаю денег от государства, мне стыдно, ведь отец есть и не сможет отказаться от дочки и пусть он помогает»¹⁸⁴; «заверяю Вас, отец будет очень рад вашему разрешению... Думается даже, что если у ребенка не будет отцовского имени, лучше ему и не рождаться на свет...»¹⁸⁵; «и так этот ребенок растет, по существу не зная ни рода, ни племени»¹⁸⁶. Фамилия отца в метрике воспринималась современниками как императивный фактор, ее отсутствие считалось аномалией. Поэтому в письмах женщины настаивали на том, что под угрозой не просто репутация детей, а их морально–нравственные качества и их будущее: «К вам обращаются... женщины–матери с просьбой облегчить нашу женскую участь...Ведь сейчас получается так, что если нет брачного свидетельства, то мужчина спокойно бросает семью, знает, что он не несет никакой ответственности за детей, сколько бы он не прожил с этой женщиной. Если отец оказался подлецом, женился, не подумав серьезно о том, что это на всю жизнь, так почему же ребенок должен всю жизнь страдать

¹⁸³ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 232. Л. 46–47. (1953)

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71. Л. 102–105. (1958)

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218. Л. 238. (1956)

и носить клеймо незаконнорожденного. Пусть не платят алименты, но имя ребенку должен дать, и чтобы на месте, где запись отца, не стоял прочерк. Зачем же убивать морально ребенка, который может быть будет достойный гражданином и коммунистом? Зачем же клеймить его на всю жизнь этим прочерком?»¹⁸⁷. В этом коллективном обращении к Ворошилову матери–одиночки выделяют фигуру отца – «подлеца», женатого человека, но готовы смириться со своим положением и не требовать ничего, кроме заполнения прочерка в свидетельстве о рождении детей.

Алименты от отца ребенка воспринимались женщинами как «законные» еще и потому, что их оформление и получение выглядели менее унижительной процедурой, чем ходатайство о государственном пособии для «матери–одиночки»: «Мы, одинокие матери... если уже мы «одинокие, унижены морально и материально», но причем же тут ребенок. Да и что же должна делать женщина, если она хочет быть матерью, а мужей на каждую не хватает...ее называют «одинокой матерью». Это очень унижительно звучит, да еще и отца не пишут в документах, как будто ребенок мог родиться...от одной матери. А что дает для ребенка отец, почему он освобожден от всего, от моральных переживаний, от мук, от морального содержания ребенка? Где равноправие? Прежде чем оформить это получение (пособие на детей 50 руб. – *Е.В*), сколько нужно перетерпеть унижений и стыда. Надо, чтоб и отцы не были в стороне от содержания ребенка и воспитания его. А то они не отцы, а подлецы–скоты»¹⁸⁸. Неравноправие не только метрических свидетельств, но и материальной помощи, выделяемой на детей, не могло не волновать женщин, вплоть до того, что они предлагали возвращать 50 руб. государству, если будет принят закон о взыскании алиментов с фактических отцов: «В настоящее время одинокая мать не довольна. Потому что дети, родившиеся в Советском Союзе, не равны: одни получают с отца помногу, а другие от государства и то только 12 лет...нужно сделать, чтобы отец платил на свою

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 231. Л.115–116. (1953)

¹⁸⁸ Там же. Д. 229. Л. 168–170. (1951)

дитю. А эти 50 руб. обещаемся платить государству»¹⁸⁹. Стоит обратить внимание на воспроизведение формулы «одинокое, унижены морально и материально», что является, с одной стороны, проговариванием существующего дискурса, а с другой – его же легитимизацией¹⁹⁰.

Елена Серебровская одной из первых подняла проблему «безотцовщины» в контексте Указа 1944 г. В статье «Жизнь вносит поправку» (16 января 1954 г.) она обратила внимание на то, что отсутствие в свидетельстве о рождении имени отца ребенка является для него дискриминационным фактором и сказывается на его дальнейшей жизни. Серебровская начинает статью рассказом о маленьком мальчике, который на вопрос учителя о родителях вынужден отвечать: «А у меня папы не было». «Отец оказался бесправным, хотя добивался оформления не столько своих прав, сколько обязанностей, – уточняет автор, – ребенку больно сказать «Отец с нами не живет», но еще больней и нелепей «У меня не было отца»¹⁹¹. Серебровская рассматривает разные модели поведения отцов, имеющих детей в незарегистрированном браке: одни из них забыли о детях и не помогают семье, другие чувствуют ответственность и даже вину за существование «незаконной», с точки зрения закона, семьи. «Нет отца – печальный случай, но не смертельный, – резюмирует автор. – Нет... в браке отца не значит, что нет отца вообще»¹⁹². Эта статья не прошла незамеченной, многие читатели посылали письма в редакцию «Литературной газеты», во многом соглашаясь с аргументами и позицией ее автора¹⁹³.

Однако были и отклики противоположного толка. «Читал я все статьи, касающиеся вопроса о прочерке в метриках, и каждый раз эти статьи вызывали у меня чувство досады своей односторонностью и субъективностью, – писал прокурор, юрист 2 класса из Челябинска. – Тов. Серебровская действует на психику, на сердце читателя но не на разум...поэтому у Е. Серебровской

¹⁸⁹ ГА РФ. 7523. Оп. 45а. Д. 229. Л. 230. (1951)

¹⁹⁰ *Alexopoulos G.* Victim Talk: Defense Testimony and Denunciation Under Stalin... P. 639.

¹⁹¹ *Серебровская Е.П.* Жизнь вносит поправку // Литературная газета. 1954. № 7. С. 2.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ РГАЛИ. Ф. 634. Оп.4. Д. 1509. Л. 48. (1956)

мальчика «без отца» зовут просто Шура, Шурик. В общем чистейший душещипательный сентиментализм. А если бы у Шурика в метрике был записан отец, который бросил их с матерью... Разве в этом случае Шурик был бы доволен своим положением и радостно ответил бы соседу по парте об отце? Нет! Если это не отец, а подлец, и он своей фамилией будет позорить невинного ребенка...»¹⁹⁴.

Похожую позицию разделяла и московская пенсионерка, полемизируя с общим посылом статьи о толерантном отношении к «матерям–одиночкам» и их детям: «На месте матери лишила бы его (ребенка – *примеч. Е.В.*) фамилии отца и дала бы свою фамилию, а ребенку дала понять, что папы у него нет. В большинстве своем матери–одиночки – это женщины или девушки, которые вмешиваются в семейную жизнь супругов, внося разлад в их жизни. Именно им в первую очередь квартира, их ребенок первый кандидат в дет–ясли, им государство помогает материально. Не помогать надо им, а презирать»¹⁹⁵. Подобные высказывания свидетельствуют о том, что помимо пренебрежительного отношения к матерям–одиночкам, некоторые читатели были убеждены: отцовское имя в метрике не играет особой роли, отцовство реализуется исключительно в рамках брака, а женщины, родившие ребенка вне брака, не имеют права требовать исполнения родительских обязанностей от биологического отца.

В июле 1956 г. «Литературная газета» публикует новую статью Е.П. Серебровской на ту же тему – «Еще раз о метриках». В ней автор, ссылаясь на В.И. Ленина, снова настаивает: свидетельство о рождении с прочерком на месте имени отца ставит в трудное положение и мать, и ребенка, необходимы новые единые метрики – с указанием имен обоих родителей: «Кажется, зачем ребенку документ, в котором указана фамилия отца, если отца в семье все равно нет? Но ведь документ узаконивает явление, он как вывеска на

¹⁹⁴ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 488. Л. 2–7. (1962)

¹⁹⁵ Там же. Л. 19–31.

человеке»¹⁹⁶. В отношении отцовства несовершенство закона, считала Серебровская, порождает безответственность мужчин, а с ее точки зрения, отцы, наравне с матерью, должны быть вовлечены в воспитание детей: «Материнскую ответственность за ребенка преувеличить трудно. Но ведь не только она – женщина, родившая ребенка, – отвечает за него: существуют же и обязанности отца, давшего жизнь новому человеку!». В чем же заключается мужское родительство, Серебровская не конкретизирует, ее обращение ограничивается требованием об уравнивании детских метрик: «Скажут: нормальная метрика даст ребенку право на материальную помощь отца, а у нас действует закон, по которому дети, рожденные вне брака, не могут рассчитывать на такую помощь. Сохраняя за собой право не согласиться в душе с этим делением детей, я в данном случае ратую только за единую метрику».

Отклики читателей на эту статью были опубликованы в газете. «Нужно пересмотреть статьи закона от 8 июля 1944 года, касающиеся брака и семьи»¹⁹⁷, – таков был главный смысл читательских писем, объединенных под общим названием «В интересах детей». Эта подборка писем публиковалась с редакторскими комментариями и предисловием, в котором содержался тот же посыл, что и в статьях Серебровской: «Устаревший закон в иных случаях ограждает легкомысленного отца от ответственности, в другом – мешает любящему отцу назвать своего ребенка своим». Можно заметить, что выделяются две стратегии поведения мужчины – «легкомысленный» и «любящий» отец, однако если второй является сознательным человеком, которому законодательство существенно усложняет жизнь, то первый, напротив, находится в привилегированном положении: «Сотни писем рассказывают о том, что существующее положение часто поощряет безответственное отношение отцов к своим детям. В начале дружбы с девушкой намерения молодого человека были самые хорошие, но потом

¹⁹⁶ *Серебровская Е.* Еще раз о метриках // Литературная газета. 1956. № 67. С.2.

¹⁹⁷ В интересах детей // Литературная газета. 1956. № 90. С. 2.

юноша «догадался» о своем независимом положении и бросил и мать и ребенка»¹⁹⁸.

За 1956 год на эти статьи поступает несколько сотен читательских отзывов¹⁹⁹, и хотя не все письма читателей сохранились в архиве отдела писем «Литературной газеты», об их содержании можно судить на основании сводок, подготовленных сотрудниками отдела писем Е. Сташевской и Е. Любимовой. Составители сводок, отмечая, что многие граждане поддерживают идею равноправия детских метрик, а также установления отцовства в судебном порядке, вместе с тем констатировали: после опубликования обзора писем увеличилось количество откликов, авторы которых не согласны с мнением редакции об изменении существующего закона о браке и семье: «Хотя по-прежнему большинство читателей горячо поддерживают предложения, содержащиеся в статье Е. Серебровской..., около одной трети авторов писем считают, что не следует изменять существующий закон». Распространенное мнение на этот счет высказал читатель Светлов: «Обратитесь к статистике, и Вы увидите, что не настал еще час отменять закон от 8 июля 1944 года, сколько этот закон сохранил отцов для детей, мужей для жен и сколько предотвратил незаконных браков»²⁰⁰. Тем не менее, позицию редакции газеты и большинства читателей отразил один москвич, который считал, что «к опубликованным статьям и неопубликованным тысячам писем надо присовокупить еще многие миллионы, присоединившие свои голоса к этим статьям и письмам, хотя они и не писали писем в редакцию»²⁰¹.

Наибольший общественный резонанс вызвала статья 1956 г. «Это отвергнуто жизнью», под которой поставили свои подписи С.Я. Маршак, Г.С. Сперанский, Д.Д. Шостакович, И.Г. Эренбург. В этом публичном послании поднимались те же проблемы, что и в статьях Серебровской, но

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 4. Д. 1509. Л. 48. (1956)

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 236. Л. 9–10.

современников впечатлило даже не столько содержание публикации, сколько то обстоятельство, что за пересмотр норм указа 1944 г. выступили известные в стране и мире люди. «Мы считаем своим долгом... просить в законодательном порядке отменить то, что отвергает сама жизнь», – резюмировали свою позицию авторы²⁰². Несмотря на то, что в тексте большей частью говорится о «матерях–одиночках» и их детях, косвенно затрагивается и отцовство: «Появилось и вошло в наш обиход неправомерное, как нам думается, официальное наименование «мать–одиночка»... в результате возникли тысячи трагедий, ломающих жизнь женщин, которых именуют «матерями–одиночками», и детей их, на которых обыватели смотрят как на «незаконнорожденных». Огромный фактический материал со всей очевидностью говорит о тяжелом, двусмысленном положении тех женщин и детей, на которых распространяется действие Указа»²⁰³. По мнению авторов, поддерживающих незамужних матерей, такое большое количество детей, рожденных вне брака, связано с законом, который на данный момент «пришел в противоречие с нашей моралью». В формулировках, которыми пользуются в данном тексте, нет осуждения ни отцов, ни женщин, ни мужчин.

Эта статья стала широко известной и многократно цитируемой, многие тезисы, заявленные там, впоследствии кочевали по другим изданиям и много лет спустя. Даже название статьи «Это отвергнуто жизнью» будет позже обыгрываться в других названиях статей на эту же тематику, а в 1968 г., на одном из выступлений на пятой сессии Верховного Совета РСФСР седьмого созыва заведующая хирургическим отделением больницы Свердловской области использовала речевую конструкцию из названия, немного переформулировав: «Новый кодекс устраняет все эти недостатки и законодательно закрепляет то положительное и проверенное жизнью, практикой, что сложилось за последние годы в брачно–семейных отношениях»²⁰⁴. Это произошло спустя много лет

²⁰² Маршак С.Я., Сперанский Г.С., Шостакович Д.Д., Эренбург И. Г. Это отвергнуто жизнью // Литературная газета. 1956. № 120. С. 2.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. 385.Оп. 26. Д. 335. Л.133. (1968)

после выхода статьи, а в 1956 г. мнения читателей разделились – статья вызвала позитивный отклик у многих, однако другие читатели не были согласны с рядом позиций, озвученных в статье. Как писали в редакторской сводке, за октябрь 1956 г. они получили 61 письмо читателей, из которых лишь 12 было против отмены Указа 1944 г.²⁰⁵

Некоторые читатели напрямую подвергали сомнению авторитет подписавшихся под статьей личностей, как, например, воспитательница спецшколы интерната: «Извините, пожалуйста, но мне и многим моим коллегам по работе не совсем понятна мысль Больших людей с мировым именем, как т. Шостаковича, Маршака, проф. Сперанского и др. в своем письме «это отвергнуто жизнью». В судьбе ребенка без отца часто виновницей является сама женщина – мать, а именно, часто встречаются факты когда женщина...ставила самоцель пожить по эгоистическим расчетам, поиздеваться над чужим горем, принести травму чужим детям»²⁰⁶. Гуманистический посыл статьи был воспринят рядом консервативно настроенных современников со скепсисом, однако, можно также заметить, что вновь речь идет об отцах, которые находятся в зарегистрированном браке, а их отношения «на стороне», с другой женщиной презентуются как сфера ответственности «матери–одиночки».

Публикации «Литературной газеты» на тему Указа 1944 г. были поддержаны и некоторыми специальными изданиями. В юридическом журнале «Социалистическая законность» в конце 1956 г. вышла статья Е. Ковалевой, в которой уже на профессиональном уровне артикулировалась потребность в изменении семейно–брачного порядка на законодательном уровне: «Указ 1944 г. сыграл большую роль в укреплении советской семьи, охране и защите прав матери и ребенка. Наряду с этим, двадцатилетняя

²⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 236. Л. 88. (1961)

²⁰⁶ Там же. Д. 488. Л. 12–14. (1962)

практика показала, что отдельные нормы нуждаются в существенных изменениях»²⁰⁷.

Через год, в 1957 г. на страницах «Литературной газеты» публикуется другое коллективное письмо, на это раз «женское». Его авторы еще решительнее выступают за изменение закона 1944 г.: «Несовместимость этого закона с гуманными принципами нашего общества настолько очевидно, что нужно быстрее решать этот назревший вопрос»²⁰⁸. В том же 1957 г. в газете появляются две важные публикации на злободневную тему – фельетон Ю. Феофанова «Мама, папа и я»²⁰⁹ и отклик на него читателя А.Г. Пушкина²¹⁰. В фельетоне, написанном от лица ребенка из категории «безотцовщины», показано, какой нелепой с его позиции выглядит законодательная и бюрократическая путаница. Отец заинтересован в исправлении ситуации, он заботится о ребенке не только «морально и материально», но и проводит с ним досуг, мечтает социально адаптировать его, однако не может «узаконить» свои отношения с сыном.

Обсуждение проблемы продолжилось в 1958 г. В публикации «О детских метриках и разводах» обобщалось мнение читателей, снова приводились аргументы в пользу установления равенства метрик и отмены указа 1944 г.: «Читатели... надеются на то, что коррективы, внесенные жизнью, найдут свое отражение в кодексе законов о браке, семье и опеке»²¹¹. Особенно возмущала участников заочной дискуссии позиция «отцов–беглецов», которые просто используют закон, чтобы избежать ответственности перед детьми: «У ребенка всегда есть отец и мать. Не вина ребенка, если отец счел за лучшее... отречься от отцовства за счет того, что

²⁰⁷ Ковалева Е. Улучшить законодательство о браке, семье и опеке // Социалистическая законность. 1956. № 12. С. 38–39.

²⁰⁸ Могилецкая К., Дембицкая А., Новичкова К., Арефьева Е. Еще о детской метрике // Литературная газета. 1957. № 99. С. 2.

²⁰⁹ Феофанов Ю. Папа, мама и я // Литературная газета. 1957. № 114. С. 2.

²¹⁰ Пушкин А.Г. Папа мама и я: письмо в редакцию // Литературная газета. 1957. № 118. С. 2.

²¹¹ О детских метриках и разводах // Литературная газета. 1958. № 131. С. 2.

брак не зарегистрирован...Большинство людей...придерживаются мнения: фамилия отца должна значиться в метриках ребенка...мать должна получить право обратиться в суд с иском об установлении отцовства»²¹².

В статье «Молчание – не золото!», вышедшей в 1962 г., подводится своеобразный итог этой дискуссии, перечисляются все материалы, публиковавшиеся в «Литературной газете» почти за 10 лет, посвященные проблеме ущемления прав детей, их родителей и в целом недостаткам брачного законодательства²¹³. В центре всех вышеназванных статей находилась сдержанная критика Указа 1944 г., рассматривались последствия применения этого закона в семейной сфере. В контексте критики закона фигура отца, а вместе с тем и модель отцовского поведения раздваивалась: с одной стороны, отец выступал как жертва «несправедливого закона», с другой – упоминались «недостойные отцы», которым этот закон был выгоден.

Публицисты используют слово «отец» как триггер для детей, у которых с этим словом нет никаких позитивных ассоциаций: «...Невыносимо такое положение, когда мальчишка при слове «отец» вздрагивает, потому что стыдится признаться товарищам: никакого отца нет... Дети должны быть ограждены от лишних страданий. Довольно и того, что ребенок растет без отца. Почему он должен еще и испытывать обиду, оскорбление, стыд, видя, что метрика у него не такая, как у других?»²¹⁴.

Проблема выплаты алиментов практически не рассматривалась публицистами в отрыве от проблем метрик и «безотцовщины» в 1950–х и начале 1960–х гг., однако, в 1967 г. в «Литературной газете» появляется статья «Снова об алиментах? Да!», в которой высказывается идея о том, что вместо государства деньги на воспитание детей должны давать сами отцы: «Зачем нам сейчас, в новых условиях, когда в этом нет общественной необходимости, продолжать позволять молодым людям быть фактическими

²¹² Там же.

²¹³ Молчание – не золото! // Литературная газета. 1962. № 10. С. 2.

²¹⁴ Долинина Н. За третье лицо! // Литературная газета. 1960. № 63. С. 6.

отцами, перекладывая все расходы по воспитанию и содержанию ребенка на мать и государство?»²¹⁵.

В центре дискуссионных материалов газеты находится фигура ребенка. Однако в конце 1950-х – начале 1960-х гг. появляется новая тема для обсуждения – дискриминации отцов при разводе, хотя и здесь проблема по-прежнему рассматривается прежде всего с позиции детей. Так, в статье «С кем хочет остаться ребенок?» описывается ситуация, когда «недостойной матери» безразличен сын, в отличие от отца, который хочет продолжать его воспитывать. Суд, казалось бы, принял сторону отца, но мальчик остался жить в интернате, а отец получил право посещать его по воскресеньям, потому что суд решил, что «так лучше»²¹⁶.

Эта тема обсуждалась и на страницах журнала «Социалистическая законность», например, в статье 1953 г., в которой рассматривалась практика разрешения спора о передаче ребенка после развода одному из родителей. Автор отмечает, что, хотя судебные решения выносились, как правило, в пользу матери, суду важно не действовать по привычке, и решать этот вопрос «в интересах детей»: «Воспитание ребенка, который находится в хороших условиях у отца, не может быть передано матери»; «Суд обязал мать... не препятствовать отцу ребенка осуществлять надзор над ребенком: брать ребенка два раза в неделю к себе домой, встречаться с ребенком, непрерывно наблюдать за ростом и развитием ребенка. Они создают... два разных режима воспитания. Отец ребенка, поскольку он не лишен родительских прав, вправе не только уплачивать алименты, но и влиять как отец на воспитание ребенка, однако, все его действия... должны быть согласованы с матерью ребенка»²¹⁷. Лишь в ситуации отсутствия матери или ее неспособности заниматься

²¹⁵ Сонин М. Снова об алиментах 1968? Да! // Литературная газета. 1967. № 4. С. 2.

²¹⁶ Высоцкая О. С кем хочет остаться ребенок? // Литературная газета. 1959. № 72. С. 4.

²¹⁷ Седунов К. Охрана прав и законных интересов детей и их родителей // Социалистическая законность. 1953. №3. С. 44–51.

воспитанием детей отец как родитель выходит на первый план, но отцовство, как правило, рассматривается как «опциональное родительство»²¹⁸.

Журнал «Социалистическая законность» на протяжении 1950–х гг. регулярно обращался к последствиям Указа от 8 июля 1944 г., однако из-за того, что это было издание для специалистов, закон рассматривался в контексте правоприменения и релевантность его не подвергалась сомнению до 1956 г. Так, в 1953 г. один из авторов заметил, что текущее законодательство, несмотря на все жалобы от граждан, невозможно интерпретировать в пользу одиноких матерей и их детей: «Если судебная практика пойдет по линии принятия заявления от матерей, у которых дети родились в результате совместной жизни с ответчиком,...то вольно или невольно будут обсуждаться вопросы об отцовстве, а это будет явным нарушением указа от 1944 г....Недобросовестные лица не будут платить алиментов, а добросовестные будут при желании выплачивать. Есть ли здесь логика? Думаю, что нет – указ написан для всех»²¹⁹. В июле 1956 г. журнал «Социалистическая законность» обратил внимание на устоявшуюся судебную практику присуждения алиментов фактическим отцам путем установления не отцовства, а опекунства, и это, как отмечается в статье, является путем обхода Указа 1944 г.: «...немало случаев, когда одинокая мать...ссылается на статью 42.3. Согласно этой статье истцы, взявшие себе детей на постоянное воспитание с иждивением, в случае отказа могут быть обязаны судом к платежу алиментов. В заявлениях указывается, что ответчик, являясь фактическим отцом ребенка, содержал в тот период ребенка или давал истице материальную помощь в его содержании...бросается в глаза... искусственность требований»²²⁰.

²¹⁸ *Randall A.* Soviet and Russian Masculinities: Rethinking Soviet Fatherhood after Stalin and Renewing Virility in the Russian Nation under Putin // *The Journal of Modern History*. 2020. № 92. P. 861–862.

²¹⁹ *Румянцев Н.* Судебная практика по делам о взыскании на содержание по ст. 42 Кодекса законов о браке, семье и опеке // *Социалистическая законность*. 1954. № 3. С. 56.

²²⁰ *Салов С.* Применение ст. 42.3. Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР // *Социалистическая законность*. 1956. № 7. С. 20.

В отличие от «Литературной газеты» и журнала «Социалистическая законность» в «женском» журнале «Работница» в 1950–х гг. была опубликована только одна статья, посвященная матерям – одиночкам с характерным названием «Они не одиночки!» (1957 г.)²²¹. В «Работнице» освещались как актуальные общественные темы, так и вопросы, касающиеся семьи и быта женщин²²²: отголоски обсуждения семейного законодательства, проблемы семьи, взаимоотношений женщин и мужчин, получивших освещение в других изданиях, не могли не появиться на страницах этого журнала. Не случайно «Работница» использует ту же аргументацию, которая была в статьях «Литературной газеты»: «...ребенку очень больно знать, что его бросил отец, но еще больнее, когда отцане было, оказывается, вовсе»²²³.

В начале 1960–х гг. к публичной дискуссии о мужском родительстве подключилась газета «Известия». На страницах этого издания самой резонансной публикацией, посвященной проблемам семьи и брака, стала статья А. Миронкина «Жизнь и загсовский брак»²²⁴. Автор, член Омского областного суда, не раз сталкивался с проблемой дискриминации «внебрачных» детей, их матерей и отцов: «Кстати, поскольку внебрачные дети не получают алиментов от отцов, значит они не имеют права и на пенсию в случае смерти отца. Они не признаются также законными наследниками своих отцов. Таким образом, налицо правовое неравенство внебрачных детей по сравнению с детьми, родившимися в зарегистрированном браке... А так как статья эта не имеет в виду отцов внебрачных детей, то применение к ним этого неподходящего закона часто приводит к парадоксу: получается, что если отец внебрачного ребенка по своей доброй воле заботился о нем в течение хотя бы полутора–двух лет, то с него алименты берутся; если же по

²²¹ Они не одиночки! // Работница. 1957. № 1. С. 15.

²²² *Смеюха В.В.* Женские журналы СССР в 1945–1991 гг.: типология, проблематика, образная трансформация // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 55–67.

²²³ Там же.

²²⁴ *Миронкин А.* Жизнь и загсовский брак // Известия. 1962. № 13. 15 янв. С. 3.

своей бессовестности отец внебрачного ребенка не пожелал израсходовать на него и ломаного гроша, то к нему и не приступишься со статьей... Сколько первоклассников спрашивает у своих матерей: «Почему у меня и у папы разные фамилии?»²²⁵. Миронкин считал, что несправедливая по отношению к детям и отчасти отцам ситуация являлась следствием, с одной стороны, применения Указа 1944 г., а с другой – поведения «бессовестных» отцов. Эта статья также получила ряд окликов, и по-прежнему не все читатели были согласны с позицией автора. Так, один мужчина, в ответ на критику Миронкиным безответственных отцов, язвительно возражал: «Миронкин, ответьте: почему я не имею права на самостоятельное воспитание ребенка без жены, без матери? Я хочу ребенка с пеленок сейчас»²²⁶.

Неоднократно упоминаемые в периодической печати проблемы несовершенства брачно–семейного законодательства в отношении института мужского родительства в СССР получили широкое распространение в письмах граждан. В большинстве писем (преимущественно написанных женщинами) подвергался критике действующий Указ 1944 г. и его последствия, такие как неравноправие «брачных» и «внебрачных» детей и стигматизация женщин, родивших ребенка вне брака. Матери–одиночки 1950–1960–х гг. чаще всего писали о предоставлении им права заполнять метрику целиком, не оставляя «позорный» прочерк на месте отцовского имени. Далее их мнения разделялись: кто–то с убежденностью доказывал, что это их единственная просьба, но часть женщин требовала вернуть существовавшее до 1944 г. право устанавливать отцовство в суде и взыскивать алименты с фактических отцов по решению суда.

Письма, содержащие только просьбы о внесении отцовского имени в метрику, как правило, использовали нейтральную риторику в отношении отцов этих «незаконнорожденных» детей. «Мне 19 лет, но я уже готовлюсь стать матерью..., – писала Соловьева. – У ребенка есть отец, но он не может

²²⁵ Там же.

²²⁶ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 488. Л. 74–78.

официально подтвердить это, т.е. зарегистрироваться со мной....почему он должен страдать из-за неудачной судьбы своих родителей!»²²⁷ Этот и другие кейсы показывают разнообразие и поводов, и жизненных ситуаций, из-за которых люди обращались в разные инстанции с просьбами (или требованиями) о равенстве метрик. Некоторые матери-одиночки находились в отчаянном финансовом положении, усугубляющимся общественной стигмой, и они оставались наедине со своей проблемой. Но некоторые незамужние матери чувствовали поддержку или от фактических партнеров, как у Соловьевой, или от своих родителей. Помимо тех ситуаций, когда матери-одиночки просили вписать имя отца в метрику, чтобы хоть как-то облегчить жизнь ребенку, были случаи, когда отец жил с семьей и заботился о детях, однако, это была «неофициальная» семья, и тогда «прочерк» в метрике омрачал их семейное благополучие: «Мой ребенок не может назвать родного отца законным отцом, не может носить его фамилию только потому, что его прежняя жена, с которой он расстался, не может дать согласия на усыновление. От этого страдает наш ребенок, я и мой муж, который любит ребенка, являясь хорошим отцом....дети не должны страдать, быть униженными в школе, тем более, что в большинстве случаев отцы живут с этими детьми и их воспитывают, а по закону они им никто»²²⁸.

Мнения мужчин по данному вопросу, если судить по письмам, не отличаются принципиально от мнения женщин: большинство корреспондентов считают, что имя отца должно фигурировать в свидетельствах о рождении. Автор письма в «Литературную газету», Хазанов, доказывал необходимость записи отцовского имени в метрике: «По словам учителей, число детей с прочерком в метрике в некоторых классах достигает 20–30% от общего числа учащихся. В метриках детей должен быть указан отец»²²⁹. Вместе с тем риторика мужчин порой существенно отличалась от аргументации женщин-авторов писем. Так, Дьяченко говорит о том, что

²²⁷ ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71. Л. 55–56. (1958)

²²⁸ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 448. Л. 247. (1962)

²²⁹ РГАЛИ. Ф. 634. Оп.5. Д. 488. Л. 67–72. (1956)

важно желание отца признать ребенка: «И если отец желает, чтобы ребенок носил его фамилию, что действительно плохого?... В той графе, где должна стоять фамилия отца, тем более, если отец сам этого желает!»²³⁰.

Автор письма, Челебницкий, также считает, что официальная фиксация отцовства важна для самого мужчины, в пример он приводит свою семью: «У меня растет сын – по отчеству он носит мое имя но по закону я не могу сказать, что он мой ребенок, так как он носит фамилию матери. А сколько мой сын будет ребенком одинокой матери? А в моей семье была бы одна фамилия, и дочурка, которая учится в 3 классе, не спрашивала бы меня, почему у нее другая фамилия»²³¹. Другой отец, Бурьянов отмечает негативные последствия прочерка в метриках для всей «неофициальной» семьи: «Значит, мои дети растут вне закона, а какое их моральное состояние, а сколько неприятностей для родителей»²³². Оба этих примера иллюстрируют тревоги мужчин, которые живут с фактической семьей, не получив развода от жены, и поэтому они не могут зафиксировать ни эти новые отношения, ни признать своих детей от них. Иногда жена от предыдущего брака отказывалась разводиться, но иногда, как писал Околелов в 1956 г., у людей не хватало денег на развод, который существенно бил по карману советских граждан: «У меня должен народится ребенок, но жена у меня имеет регистрацию с первым мужем. Мы только еще начинаем жить и для взятия развода у меня пока нет средств. Прощу вас разобраться в этом вопросе....»²³³. Это довольно нетипичный пример, когда отношения супругов осложняются предыдущим браком со стороны женщины, а не мужчины.

Противников внесения имени отца в метрику и тех, кто настаивал на следовании букве Указа 1944 г., согласно сводкам отдела писем «Литературной газеты», было около трети среди всех авторов писем²³⁴: «Около одной трети

²³⁰ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218. Л. 252. (1956)

²³¹ Там же. Л. 73.

²³² ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 458. Л. 46–47. (1963)

²³³ Там же. Д. 218. Л. 230. (1956)

²³⁴ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 4. Д. 1509. Л. 48. (1956)

авторов писем считают, что не следует изменять существующий закон. «Обратитесь к статистике, и Вы увидите, что не настал еще час отменять закон от 8 VII 1944 года, сколько этот закон сохранил отцов для детей, мужей для жен и сколько предотвратил незаконных браков»; «нельзя разрешить женщине вписывать в метрику ребенка отца по своему усмотрению»²³⁵.

Общей чертой писем, несогласных с мнением «Литературной газеты» (и вообще господствующим публицистическим дискурсом), была позиция «отстраненного наблюдателя»: такие письма, как правило, не содержат личных историй, и авторы не позиционируют себя ни как «отцы», ни как «матери». Автор наиболее эмпатичного письма с заголовком «Вопрос надо решить!» сочувствует матерям–одиночкам и осуждает мужчин, оставляющих своих детей, однако, формальная запись отцовского имени в метрике представляется ему бесполезной: "Мне сейчас немало лет, но если выбыла живая мать и отец, который бросил нас по своей прихоти, то я конечно никогда не поблагодарил бы его, только за то что у меня в метрической справке не стояла жирная черта. В настоящее же время современным законодательством злоупотребляют гуляки–мужчины, которые проживают длительное время с женщиной, наживают семью, а потом, пользуясь тем, что брак не зарегистрирован, бросают семью»²³⁶.

Однако далеко не все мужчины сочувствовали матерям–одиночкам и считали, что равенство в метриках необходимо. Так, некоторые мужчины высказывались с позиции виктимблейминга: «Если же женщина завела ребенка, не расписавшись, виновата она сама. Такова точка зрения всех мужчин, с кем я говорил на эту тему»²³⁷. Другие выступали как рьяные защитники существующих норм: «Итак, внесение фамилии фактического отца в метрическое свидетельство ребенка оснований не имеет. Это будет разрушать основы сов. семьи и способствовать распущенности»²³⁸.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же. Л. 16–17.

²³⁷ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 458. Л. 195. (1963)

²³⁸ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218. Л. 300. (1956)

Женщины, особенно старшего возраста, зачастую практически дословно повторяли аргументацию мужчин, обвиняя матерей–одинок в неподобающем поведении и отстаивая существующее брачно–семейное законодательство. «В судьбе ребенка без отца часто виновницей является сама женщина – мать, – высказывала свою точку зрения воспитатель спецшколы–интерната, – а именно, часто встречаются факты, когда женщины, причем, в солидном возрасте..., попирая стыд, совесть и женскую гордость, по расчету, а не по любви ловят семейных мужчин, которые имеют семью, детей, жену и прожили немало лет, становятся жертвой таких женщин. К примеру, можно привести некую гр. Щедрина...родила ребенка, а отец так от семьи и не ушел, но деньги она у него вымогает. Рождением этого ребенка и моральным развращением отца детей Щедрина принесла страшное горе, ужасную трагедию, искалечила жизнь и здоровье замечательных детей – и радуется чужой беде... Узнав, что подлая женщина посягнула на счастье его родной семьи, выкрадывает у нее любимого отца, он бессилён был что–либо сделать, от гнева сжимает кулаки, падает от левовисочного кровоизлияния в мозг..., стал полным инвалидом»²³⁹. Здесь, как и ряде других аналогичных кейсов, мужчины, создавшие вторую семью на стороне, выступают жертвами. Статусная роль отцовства не отделима от супружества, а воспитание детей переносится исключительно в сферу женской ответственности.

Другой важный аспект проблемы заключался в том, что некоторые граждане подвергали сомнению значение записи имени отца в метрике, если она не являлась отражением реального присутствия отца в жизни ребенка. Об этом писала, например, московская пенсионерка: «Что дают бумаги ребенку, когда он видит, что его папа ушел от него и забавляется с каким–то чужим для него ребенком, которого он ласкает, гуляет с ним, все ему покупает, весело смеется Перед ребенком встает вопрос: «Почему? Он же мой папа». На месте матери я бы лишила его фамилии отца и дала бы свою фамилию, а

²³⁹ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 488. Л. 12–14. (1962)

ребенку дала понять, что папы у него нет»²⁴⁰. Примечательно, что автор письма говорит исключительно о досуге ребенка с отцом, оставляя в стороне процесс воспитания, родительских будней и т.д.

Автор другого письма, юрист, повторяет эту аргументацию: «Кому нужна в метрике ребенка фамилия отца, который жил день, неделю, месяц, год с женщиной, а потом бросил ее с ребенком. Это разве отец? Отец – не тот, кто произвел ребенка, а тот, кто воспитал. И какое удовольствие ребенку носить фамилию человека, который надругался над хорошим чувством его матери, женщины... Что касается представления матери права для обращения в суд с иском об установлении отцовства, то это допустить нельзя. Установление отцовства – это скорее биологический или медицинский вопрос, а не юридический.... С другой стороны, зачем женщине нужна бумажка, в которой записано, что гражданин А. является отцом ее ребенка? Чтобы дать ребенку фамилию отца? Зачем? Если это не отец, а подлец, он своей фамилией будет позорить невинного ребенка»²⁴¹. Характерно, что письмо озаглавлено «Против петухов и кукушек», под «петухами» автор подразумевает «подлецов»–мужчин, а под «кукушками» матерей–одинок: по его мнению, и те, и другие чужды советскому обществу и морали и заслуживают осуждения. Автор подвергает сомнению возможность установления отцовства в судебном порядке, поэтому он настаивает на концепции фактического отцовства, основывающейся на мужском родителстве, воспитании и заботе о ребенке.

Таким образом, для противников записи отцовского имени в метрику ребенка, рожденного вне зарегистрированного брака, концепция отцовства носила противоречивый характер: с одной стороны, признается нормой фактическое отцовство, независимо от того, является ли этот мужчина биологическим отцом, с другой стороны, сохраняется приверженность норме Указа 1944 г.

²⁴⁰ Там же. Л. 19–31.

²⁴¹ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 488. Л. 2–7. (1962)

Тема «прочерка» в метриках теряет свою остроту в письмах к середине 1960–х гг., тогда как еще десятилетием ранее она затрагивается почти в каждом письме. На первый план (не без влияния периодической печати) выходят вопросы судебного установления отцовства, которые были тесно связаны с «алиментной проблемой». Если запись в метрике, как подчеркивали сами авторы писем, не была связана с экономической заинтересованностью матерей, а носила преимущественно символический, статусный характер, то вопрос об установлении отцовства в суде напрямую касалась взыскания алиментов.

В одном коллективном «мужском» письме затрагивается вопрос моральной ответственности мужчин перед детьми, авторы считают, что все обязанности отца в семье важны, поскольку они укрепляют общественную нравственность: «Нередко бывает, что отец добивается, чтобы его признали отцом, но ему и в этом отказывают, т.к. нет согласия официальной жены. Пятирублевое пособие не может заменить алименты, которые платил бы отец, на которого должна быть возложена обязанность по отношению к ребенку. Это заставит многих людей, неустойчивых в моральных отношениях, серьезно относиться к внебрачным связям и внебрачным детям»²⁴². Мужчины, подписавшие это письмо, тоже не могли развестись и жили со своей другой семьей неофициально, несмотря на готовность зарегистрировать новый брак и оформить детей на свою фамилию. Сами они позиционируют себя как «ответственных мужчин», в отличие от тех отцов, которые относятся к своим родительским отношениям «несерьезно». Вопрос о записи в метрике в данном случае становится индикатором ответственности мужчины, маркером маскулинности «истинного» советского гражданина. Таким образом, по вопросу метрик некоторые мужчины были единодушны с женщинами – они также выступали за восстановление права детей на отца и право мужчин на отцовство.

²⁴² ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 446. Л. 186–188. (1962)

В практике фактических семейных отношений отмечались случаи, когда партнеры сознательно не регистрировали брак, чтобы женщина получала на ребенка пособие от государства. Явление это касалось преимущественно малообеспеченных слоев населения, для которых 50 руб. были весомым вкладом в семейный бюджет. Письма граждан показывают эту же ситуацию с другой стороны: женщины добровольно отказываются регистрироваться как «матери–одиночки», чтобы не получать государственное пособие. Более того, для некоторых женщин такая сумма казалась слишком незначительной и воспринималась как издевательство: «Нас интересует, кто его придумал и зачем дают такую помощь, что я ни в состоянии воспитать родного ребенка, заплатить за детский садик надо 105 р., а за ребенка получаю 50 р. Этот закон наверно придумал тот, который раскидал по свету детей своих, лет 25 самому и не хочется воспитывать за свой счет, он и придумал этих матерей одиноких»²⁴³.

Таким образом, в публицистике середины 1950 – 1960-х гг. обсуждались отцовские практики и статус отцовства, но в основном в контексте критики Указа 1944 г. и положения «внебрачных» детей. В публицистическом дискурсе сформировались две модели отцовства: «плохой отец», который, пользуясь нормой закона, отстранился от воспитания и материальной поддержки ребенка, и «добросовестный отец» – мужчина, не состоящий с матерью ребенка в зарегистрированном браке, но готовый нести родительские обязанности. В обоих случаях главными жертвами несовершенства закона объявлялись дети, фигура отца носила подчиненный характер. Юридические вопросы, которые волновали самих отцов – выплата алиментов, дискриминация при разводе – в публицистике затрагивались крайне редко.

²⁴³ После денежной реформы 1961 г. сумма ежемесячного пособия составила 5 руб. О. Людвиг писала в 1962 г. по этому поводу: «И что это за выплата «помощи» 5 рублей в месяц, сумма, которой иным недостаточно на содержание собаки?» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 488. Л. 43–52).

Как можно заметить, авторы публикаций выступали с гуманистических позиций, призывая к толерантному отношению к матерям–одиночкам и к «незаконнорожденным» детям, однако неполная семья по–прежнему считалась по определению «неполноценной», потенциально неблагополучной: «Ребенок растет в семье. Он растет или в большой семье, в которой две опоры – мать и отец, или в печальных случаях, в маленькой, где опора – одна»²⁴⁴; «слова "мать – одиночка" не имеют права на существование, хотя и личная жизнь той или иной женщины сложилась неудачно и ей приходится растить ребенка без отца...»²⁴⁵. Основной заботой авторов статей было «благополучие детей», как они его понимали. Тезис «в интересах детей» подразумевал, что наличие юридически зафиксированного отцовства, даже на уровне записи в метрике, необходимо и важно для каждого ребенка и его матери. Однако родительство мужчины и его отцовские обязательства сводились к формальной записи в метрике. Эта инициатива была призвана предоставить юридическую защиту детям–«безотцовщине», чтобы компенсировать их психологическую травму и материальное неблагополучие.

Если обратить внимание на заголовки наиболее резонансных и известных статей, можно заметить, что в них фигурирует слово «жизнь»: «Жизнь и загсовский брак», «Это отвергнуто жизнью», «Жизнь вносит поправку» и т.д.. В слово «жизнь» закладывается значение естественного, непреложного, не нуждающегося в искусственной корректировке. Понятие «жизнь» противопоставляется формальному браку – «законному», но не всегда отражающему реальную конфигурацию родительских отношений и потребности детей.

2.2. Отец как воспитатель: модели и стратегии поведения

Несовершенство законодательства – не единственная тема, которую затрагивали авторы публицистических статей в контексте обсуждения

²⁴⁴ *Серебровская Е.* Еще раз о метриках // Литературная газета. 1956. № 67. С. 2.

²⁴⁵ От имени сына (письмо читательницы) // Литературная газета. 1954. № 103. С. 2.

отцовства. Другой важной и дискутируемой проблемой на страницах советской периодической печати стало воспитание подрастающего поколения и особой роли отца в этом процессе. Именно отец должен был участвовать в процессе интеграции детей в общество, их социализации, отвечать за них перед учителями, подавать им пример для подражания.

В 1950–1960–х гг. появляются более высокие требования к качеству развития, воспитания и образования детей, соответственно, к родителям (особенно к матерям) и их роли в процессе воспитания²⁴⁶. Советские педагоги того времени стремятся отойти от «формализма» и обосновать необходимость индивидуального подхода к каждому ребенку²⁴⁷.

До 1950–х гг. воспитание детей рассматривалось или как сфера ответственности общества, или же самих матерей²⁴⁸. Однако со временем в публичном пространстве формируется понимание, что общество, очевидно, не справляется с этой задачей, а матери, которым предписывалось работать, вести общественную деятельность и заниматься самообразованием, не могут проводить с детьми времени, достаточного для их полноценного воспитания. В качестве альтернативы материнскому и общественному воспитанию была выдвинута фигура отца²⁴⁹.

Модель «отец–воспитатель», как она сложилась в общественном сознании 1950–х гг., складывалась из набора достаточно разнообразных, нередко противоречивых представлений о поведенческих практиках и обязанностях «настоящего» («идеального») отца. Кроме того, эта модель трансформировалась на протяжении 1950–1960–х гг., о чем свидетельствуют

²⁴⁶ *Араловец Н.А.* Дети в семьях России. Вторая половина XX в.: Демографический аспект // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. № 1(1). С. 129.

²⁴⁷ *Острова утопии : Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980–е) / И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов [и др.]. М., 2015. С. 25.*

²⁴⁸ *Gradskova Y.* Soviet People with Female Bodies: Performing Beauty and Maternity in Soviet Russia in the mid 1930–1960s: Academic dissertation. Stockholm, 2007. P. 72.

²⁴⁹ *Randall A.* Soviet and Russian Masculinities: Rethinking Soviet Fatherhood after Stalin and Renewing Virility in the Russian Nation under Putin // *The Journal of Modern History.* № 92. 2020. P. 859–898.

письма в Комиссию законодательных предположений. Их тексты отражают усложнение роли «отца–воспитателя», увеличение объема предъявляемых к нему требований.

Помимо «женских» и «мужских» писем есть и относительно редкая категория авторов, выразивших свое мнение относительно действующего законодательства – «детские письма». Безусловно, не все из них действительно были написаны несовершеннолетними советскими гражданами, однако стилизация под «детские письма» также важна, поскольку в ней наиболее ярко заметны маркеры «наивного письма», или попытки имитировать и воплотить представления о том, какими могут быть ожидания советских детей.

Одно из таких писем с подписью «от ученика» было адресовано К.Е.Ворошилову: «Ворошилов я прошу вас дайте мне такой закон чтобы я получал от отца *деньги на воспитание меня чтоб моя мама могла меня воспитать так чтобы я был человеком*. Мама с папой жили с 1944 – 1945 без росписи а теперь он нас бросил и не помогает меня воспитывать и потому я получаю от государства а ведь государство ни причем у меня есть отец и пусть он меня воспитывает а он не хочет с нами жить...имеет 2–3 жены и у каждой дети остаются их мать не в состоянии воспитать и они не могут учиться ...и пусть создадут закон чтоб это все развратие прекратить»²⁵⁰. По риторике обвинения мужчин («имеет 2–3 жены»), проблематике письма (вопрос алиментов и экономического содержания ребенка), специфической, устаревшей лексике («развратие») можно сделать предположение, что письмо было написано скорее женщиной, или же «ученик» писал под диктовку матери. На это указывает фраза «воспитать так чтобы я был человеком», совершенно не попадающая в тон письма и языковой регистр ребенка/подростка.

Но особый интерес вызывает контекст использования слов «воспитание», «воспитывать»: «деньги на *воспитание* меня чтоб моя мама

²⁵⁰ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218. Л. 78. (1956)

могла меня воспитать так чтобы я был человеком», «а теперь он нас бросил и не помогает меня *воспитывать* и потому я получаю от государства», «и пусть он меня *воспитывает*», «их мать не в состоянии *воспитать*». Слово «воспитание» используется в данном письме в качестве синонима понятий «материальная поддержка», «финансовая помощь», «материальное содержание». Таким образом, «воспитание» в данном случае рассматривается не как собственно «забота, обучение, внимание», а исключительно с экономической точки зрения. Если слово «воспитывать» заменить на «обеспечивать», то текст выглядит более последовательным и логичным: автор заявляет, что у матери не хватает денег обеспечить ребенка, жалуется на то, что отец не помогает финансово, а лишь заводит связи на стороне, в результате и в этих семьях не хватает денег.

Примеры использования слова «воспитание» как синонима или эвфемизма «материального обеспечения» встречаются довольно часто в письмах как женщин, так и мужчин. В коллективном письме женщин 1962 г. слово «воспитание» используется с тем же смысловым оттенком, что и в «детском» письме: «А почему же отец находится в стороне воспитания от ребенка? Так мы–матери–одиночки просим, чтобы не государство нам помогало в помощи воспитания детей, отцы, чтобы ребенок не считался незаконнорожденным, пусть отцы помогают в воспитании детей»²⁵¹. Женщины заявляют, что им не нужна материальная помощь от государства, но они хотели бы привлечь к материальной ответственности отцов детей, установив их отцовство в суде. Те же самые мысли находим в другом «женском» коллективном письме, озаглавленном как «Заявление»: «Мы находимся в браке с мужьями с 1948 г брак не зарегистрирован имеем по двое детей в данный момент наши мужья от воспитания детей отказались ссылаясь на то что брак не зарегистрирован и судебным взысканиям на воспитание детей не подлежит и мы пользуемся правами матерей–одиночек. Убедительно просим обратить внимание на то что воспитать детей на 75

²⁵¹ ГА РФ. Ф. 7525. Оп. 45. Д. 448. Л. 216–220. (1962)

рублей мы не в состоянии поэтому мы просим отказать женщинам проживающим ранее с мужьями (вернее детям имеющим отцов) пособия и взывать ее с отцов»²⁵².

Женщины, лишённые выплаты алиментов на детей и получавшие государственное пособие, зачастую испытывали острую нехватку денег, о чем сообщалось, например, в коллективном письме матерей Н.С.Хрущеву: «Никита Сергеевич просим вас убедительно примените указ, чтобы получать алименты с мужа с которым живешь. Чтобы мы могли воспитывать сами детей, ведь же 50 руб получают матери одиночки, они т.е. эти деньги нас не устраивают, потому что берем молоко на рынке по 60–70 рублей литор для ребенка, воспитывать детей без помощи отца очень трудно... пусть какая-либо доля воспитания ложится и на отца...»²⁵³, «очень хорошо мужчинам сделали а бедная женщина воспитывай как хочешь... чтобы опубликовали в газете чтобы мы знали такой закон чтоб мужчин опять платил алименты как тогда ево ребенок будь добры и плоти»²⁵⁴. Слово «воспитание» в данных случаях маркирует экономическую заинтересованность женщин, фраза «трудно воспитывать ребенка без помощи отца» подразумевает сложности материального обеспечения ребенка лишь на зарплату матери.

Такое не прямое обозначение финансовой помощи с заменой слова «деньги» на слово «воспитание» не было специфическим атрибутом женской письменной речи. Мужчины также использовали его, и тоже в значении «денежное содержание»: «...и он (отец) не несет никакой ответственности ни материальной ни моральной за воспитание ребенка. Это дает повод злоупотреблять законом многим отцам»²⁵⁵. Речь идет исключительно об алиментах как форме ответственности (и юридической, и нравственной) перед своим ребенком.

²⁵² Там же. Оп. 45а. Д. 232. Л. 179. (1953)

²⁵³ Здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация.

ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71. Л. 62. (1958)

²⁵⁴ Там же. Л. 139. (1958)

²⁵⁵ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218. Л. 196–197. (1956)

Примечательным является упоминание болезненной темы неполных детских метрик в контексте проблем детской преступности и девиантного поведения подростков. На страницах «Литературной газеты» можно было встретить такие истории: «За годы своей работы мне пришлось встретиться с 270 трудными подростками. О том, что трудные дети и подростки — это прежде всего дети без отца, дети, не знавшие хорошей семьи. Сколько таких детей в нашей стране? Уже больше десяти лет общественность требует, чтобы был, наконец, отменен закон о прочерках в метриках вместо отчества. Закон, против которого восстают здравый смысл, нормы нашей морали»²⁵⁶. В данном случае проводится параллель между «законом о прочерках и метриках» (имеется в виду Указ 1944 г.) и «трудными» детьми и подростками, которые становятся девиантными из-за отсутствия отца. Вина за такое положение дел возлагается не столько на семью или на женщин, сколько на законодательство. Существование законов, «противоречащих современной морали», по мнению многих авторов, мешает вовлечь отцов в воспитание детей в полной мере.

Как следует из этих публикаций, наличие отца в семье считалось необходимым условием благополучия детей. Фактическое отсутствие отца в семье неизбежно отмечалось в публикациях на тему девиантного поведения детей и подростков. В статьях, посвященных «трудным подросткам», непременно затрагивалась биография ребенка (как правило, это были мальчики), характерной чертой которой было отсутствие отца – вследствие его смерти или ухода из семьи. Одна из таких жизненных историй была рассказана в «Работнице»: «У поварихи детского сада Марии Филипповны, муж которой погиб на войне, не ладилось воспитание сына. Валерий вырос непослушным, учился плохо, остался на второй год, озорничал»²⁵⁷. В статье, рассказывающей о подростках, которые по несколько лет остаются в школе «на второй год», отмечается, что эти ребята – из «неполной семьи».

²⁵⁶ Сухомлинский В. Нравственное иждивенчество – откуда оно? // Литературная газета. 1965. № 66. С. 2.

²⁵⁷ Стрелкова И. Переростки // Работница. 1958. № 4. С. 23–24.

Проблема негативного влияния отца или отсутствие отцовского участия в воспитании детей обсуждалась и во властных структурах, особенно в 1950–х гг. Девиантное поведение детей, особенно из семей, где отцы занимали высокие посты, стало предметом разбирательства в Отделе школ ЦК КПСС. В документах фигурировали такие случаи: «В пьяном состоянии сын генерала – директора движения, члена КПСС тов. Журавлева, работавшего начальником одного из отделов Министерства путей сообщения СССР, убил из револьвера студента за то, что тот указал ему на недопустимость быть пьяным на школьном вечере. В г. Минске была раскрыта грабительская банда. Членом ее оказался Сергей Богданов, ученик 10 класса школы № 26, отец которого член КПСС, работает начальником следственного отдела прокуратуры г. Минска»²⁵⁸.

Когда правонарушения совершали дети из «неблагополучных» семей, это объяснялось негативным примером одного из родителей или фактом его отсутствия. Девиантное поведение детей из семей внешне «благополучных», вызывало серьезную обеспокоенность, поскольку для объяснения причин этого явления традиционная аргументация уже не работала. На деле получалось, что авторитет отца за пределами семьи не является гарантией отсутствия проблем в семье. Кроме того, отцы, занимавшие авторитетные должности, далеко не всегда сами могли служить положительным примером для детей: «Не случайно, что в семьях, в которых наблюдается разлад, нездоровые взаимоотношения, дети нередко плохо ведут себя и плохо учатся. Недавно был арестован ученик 10 класса школы № 12 г. Воронежа Валентин Несмелов за грабеж и хулиганское поведение в общественных местах. Отец его — полковник в отставке. Прокуратура не раз указывала ему, что сын ведет себя недостойно. Однако Несмелов по существу сам развращал сына:

²⁵⁸ Заместитель заведующего Отделом школ ЦК КПСС И.К. Страхов — ЦК КПСС о факте убийства ученика 10–го класса школы № 554 города Москвы // Личный архив А.Н. Яковлева [Электронный ресурс]. URL:<http://alexanderyakovlev.org/personal-archive/lifedoc-doc/1025126/1025276> (дата обращения 16.11.2021).

будучи почти постоянно пьяным, угощал сына и его товарища вином, вел с ними непристойные разговоры»²⁵⁹.

Вовлечение в криминальный мир детей и подростков вызывало особенное беспокойство в среде советских военных. В обращении к командующим, членам военных советов и начальникам политотделов военных округов сообщалось: «В частях Советской Армии и Военно-морского Флота имеют место серьезные недостатки в воспитательной работе с семьями военнослужащих и особенно среди детей офицеров. Немало фактов, когда дети из семей военных плохо учатся в школах, самовольно пропускают занятия, грубо ведут себя с учителями, участвуют в пьянках, а иногда совершают и уголовные преступления. Так, например, сын коменданта штаба Туркменистанского военного округа Каюрин, ученик 10-го класса, являлся участником банды грабителей, пользуясь халатностью отца, он брал его пистолет для разбойных нападений на граждан. Сын инженера-капитана 1 ранга Андреева (Балтийский флот) из хранившейся на квартире трофейной винтовки убил своего школьного товарища. Сын генерал-майора Горбунова, как участник воровской банды, осужден на 10 лет лишения свободы». Репутация элиты вооруженных сил, которая должна была служить образцом советской маскулинности, мужества и доблести, оказалась запятнана многочисленными скандалами и уголовными преступлениями, которые совершались сыновьями высшего командного состава. В данном случае, преемственность «от отца к сыну» обратилась против семей военных. Правонарушения детей бросали тень на советских офицеров не как на военных специалистов, а как на отцов, не справляющихся со своими родительскими обязанностями.

Не все примеры были такими экстремальными и связанными с уголовными преступлениями. Приводились факты чрезмерных денежных трат на ребенка: «Отдельные из таких родителей чрезмерно балуют дома детей, покупают им дорогие подарки: шелковые платья, часы, ценные вещи,

²⁵⁹ Там же.

подвозят в школу на служебных машинах, дают школьникам большие карманные деньги. Это наносит вред воспитанию подростков. Многие из них начинают пить, курить и безобразничать»²⁶⁰

В Отделе школ ЦК КПСС подробно разбирался случай самоубийства школьника в московской школе в 1955 году. В докладной записке ГорОНО Исполкома Моссовета по этому вопросу сообщалось следующее: «Домашняя обстановка жизни Г[...]ва была ненормальная, так как отец с семьей не живет, а когда приезжал в командировку, то водил сына по ресторанам»²⁶¹. Позже Заведующий Отделом школ ЦК КПСС повторно отметит и развод родителей того школьника, и то, что отец проводил досуг с сыном втайне от матери: «Мать Леонида Г[...]ва — архитектор, отец — член КПСС, инженер, директор авиационного завода в Ташкенте. С семьей не живет. Материальную помощь семье оказывал, но воспитанием сына не занимался. Иногда сын с матерью приезжали к нему в Ташкент, но вскоре после тяжелых семейных сцен возвращались в Москву. Изредка приезжал в Москву и отец. По рассказам матери, он обычно встречался с сыном тайно от нее. Развод в семье тяжело отзывался на мальчике, постоянно угнетал его психику»²⁶². Таким образом, неблагополучная ситуация в семье, проблемы в отношениях между отцом и сыном рассматриваются в качестве главной причины трагедии.

Проблема негативной гегемонии фигуры отца обсуждалась и в контексте более общей и популярной темы – «Семья и школа». К ней не раз обращалась «Литературная газета»: «Отец подорвал авторитет учительницы, показав, как проще и быстрее решать задачу (но они такого еще не

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Донесение ГорОНО Исполкома Моссовета в Отдел школ ЦК КПСС о факте самоубийства ученика девятого класса московской школы // Личный архив А.Н. Яковлева [Электронный ресурс]. URL: <http://alexanderyakovlev.org/personal-archive/lifedoc-doc/1025126/1025334>(дата обращения 16.11.2021).

²⁶² Заведующий Отделом школ ЦК КПСС В.Н. Дербинов –ЦК КПСС о расследовании самоубийства ученика Г[...]ва // Личный архив А.Н. Яковлева [Электронный ресурс]. URL: <http://alexanderyakovlev.org/personal-archive/lifedoc-doc/1025126/1025337> (дата обращения 16.11.2021).

проходили)»²⁶³. Автор публикации показывает, каким шатким становится авторитет педагога, когда вмешивается более мощный авторитет – отец. И если это проблема распределения полномочий семьи и школы по отношению к ребенку, то, по мнению публицистов, семья является более влиятельным институтом воспитания, чем школа. Не случайно в публичной дискуссии 1950–х гг. все чаще звучит мысль, что центр тяжести и ответственности в процессе воспитания детей должен смещаться с государственных институтов (школа) в сферу семьи, а за школой остается в основном образовательная функция. Наблюдается доминирование критики в отношении отцов, которые не соответствуют ожиданиям общества. Отцы с девиантным поведением не только не могут воспитывать детей, но и сами нуждаются в «воспитании», а дети – в изоляции от родителя. Поэтому тема «дурного примера», или истории о том, как советские отцы, наделенные и злоупотребляющие своей властью, толкают детей на «скользкую дорожку», были более на слуху.

В общественном дискурсе 1950–1960–х гг. чаще уделялось внимание негативному влиянию этой отцовской ролевой модели: «Когда отец на глазах ребенка уходит... не попрощавшись с матерью. Отец говорит матери «подай» вместо «подай, пожалуйста»... Когда отец, уткнувшись в газету, не обращает на мать никакого внимания...когда видит в окно нагруженную сумками мать и не бежит ей помогать... Отец небрежно бросает «да мало ли что там мать сказала»...Мальчику...начинает импонировать грубый тон отца...и он начинает подражать»²⁶⁴. Отцы выступали в качестве «дурного примера» и в статьях, опубликованных в журнале «Работница»: «Почему ты грубишь бабушке? – возмущается отец. А сынишка в ответ: ты ей тоже всегда говоришь, чтобы помалкивала и не вмешивалась не в свое дело»²⁶⁵. «Литературная газета» в 1963 г. осуждала уже не просто имитационный механизм «дурного примера», но и подкрепление недостойного поведения детей отцовским авторитетом: «Отец подхватил сына на руки, несколько раз

²⁶³ Панфилова Т. Учительница сказала... // Работница. 1963. № 11. С. 14–15.

²⁶⁴ Протопопова А. Молодая мать // Литературная газета. 1955. № 153. С. 2.

²⁶⁵ Блинков И. Любопытные человечки // Работница. 1966. № 1. С. 24–25.

подбросил его вверх, а затем начал тискать в объятиях, ласково приговаривая: «Ах ты, мой забияка! Ты зачем же это обижаешь товарища? А?» В голосе отца не только не слышалось осуждения, но он как бы гордился даже»²⁶⁶.

Возникает вопрос: если роль отца в воспитании советской молодежи так важна, необходима и отличается от материнских обязанностей, то в чем же конкретно она заключается? На данный вопрос авторы статей отвечают в зависимости от контекста и тематики публикации. В примерах, представленных выше, тема отцовства рассматривалась прагматически, как пример негативного воздействия норм Указа 1944 г. на семейно-брачные отношения.

Были и другие примеры использования фигуры «отца-воспитателя» (вне контекста Указа и его последствий), чтобы доказать необходимость отцовского влияния на детей: «Несчастный случай рано оставил Владимира Колесова без отца. С малых лет он воспитывался у бабушки. Но она во всем старалась баловать внука: «Мальчонка-то обиженный!..» А мальчонке нужны были крепкие руки»²⁶⁷. Автор противопоставляет подход бабушки, которая «баловала», и гипотетический подход отца и его «крепких рук». Таким образом, в публичном пространстве 1950–1960-х гг. существовала модель отцовства, опирающаяся на строгость, требовательность, дисциплину – что, согласно представлениям современников, отличало отцов и что зачастую не могли дать детям их матери.

Такую модель отцовства можно назвать «сильная рука». Авторы «Работницы» и «Литературной газеты» отмечают эффективность такого метода воспитания, но одновременно с этим они все же осуждают отцовский деспотизм: «Так, Лида Р., ученица 8-го класса нашей школы. Признает только отца, который с ней очень строг и требователен; мать и бабушку, действующих методом убеждения, Лида ни во что не ставит»²⁶⁸. Другой пример: «Мог ли Сережка рассказать отцу про это злосчастное курение вот

²⁶⁶ Протопопова А. Нет, это не личный вопрос // Литературная газета. 1963. № 19. С. 2.

²⁶⁷ Подход к детям // Работница. 1957. № 3. С. 27.

²⁶⁸ Там же.

так, как он рассказал мне? Думаю, что нет, побоялся бы, хотя отец пальцем его никогда не тронул. А он вот уже и курить пробует. Ему нужно, чтобы рядом был отец»²⁶⁹. Речь идет не столько об особых навыках мужчин в общении с детьми, сколько об авторитете и силе отцовского влияния.

В статьях «Права ли мать Юры?»²⁷⁰ и «Уважайте маленьких!»²⁷¹ затрагивается тема применения насилия в воспитательных целях, и авторы решительно осуждают такой метод воспитания. В статье 1967 г. рассказывается, что модель «сильной руки» может еще больше озлобить «трудного» подростка: «И тут отец его, перенесший контузию на войне, взвился, жестоко избил ребенка, обвинив его в воровстве. Переболев после избиения, пятилетний Витя, придя в себя, первым делом порезал отцовские рубашки, а боевые медали бросил в арык»²⁷².

В письмах–отзывах на статьи «Литературной газеты» физические наказания от отца воспринимаются как нечто обыденное, возможно поэтому такие письма в итоге не были опубликованы, как это письмо директора школы: «Через несколько дней явился отец С. И подал заявление – выдайте документы. Нет мочи больше с ним воевать. Уперся на своем: не пойду в школу и все. И ремень не помог. Из дому сбежал. Стоит на своем: в вечернюю пойду учиться»²⁷³. Физические наказания в данном случае не смущают директора школы, скорее наоборот, он сочувствует отцу, который испробовал все средства убеждения, но так и не смог навязать сыну свое мнение.

В читательском отклике на другую статью, «Воспитание сердца», его автор, моряк, который вел переписку со школьниками, видит ситуацию с другой стороны: «Оказывается, отец Володи узнал, что тот ущипнул впереди сидящую девочку. За это он его избил, самым настоящим образом. Володя

²⁶⁹ Дневник матери // Работница. 1968. № 8. С. 28.

²⁷⁰ Панфилова Т. Права ли мать Юры? // Работница. 1954. № 2. С. 22.

²⁷¹ Атаров Н. Уважайте маленьких! // Литературная газета. 1965. № 28. С. 4.

²⁷² Ржевская Е. Мальчишке четырнадцать лет // Литературная газета. 1967. № 29. С. 10.

²⁷³ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 236. Л. 11–14. (1962)

выбрал удобный момент и убежал... Мальчишку нашли, снова стал учиться, но отношение к отцу стало другим»²⁷⁴. Автор осуждает еще и пренебрежение отцами своими родительскими обязанностями, рассказывая историю другого мальчика: «У Лени нет родной матери. Кроме него в семье еще четверо детей. Он самый старший. Внимание мачехи уходит на своих родных детей, а Леня остается сам по себе. Отец целыми днями на совхозной работе и потому отношение к нему наплевательское. Его используют на всех домашних работах, не считаясь с его слабоватой успеваемостью в школе»²⁷⁵.

Модель «сильной руки» в комплексе с «высоким постом» мужчины оценивалась как очевидное «зло». Один антигероей статьи «Литературной газеты» был отцом–деспотом, который был влиятельным человеком в городе, разрушил жизнь и своей дочери, и ее молодого человека: «И вот этот известный в городе, облеченный большой властью человек решит помешать дружбе своей дочери с юношей. У — запрещаю! Не помогло. Последовали угрозы. Не помогло. И тогда родители начали зверски истязать девочку, ее били, унижали, оскорбляли...»²⁷⁶. Речь идет о юной девушке, но не о ребенке, поэтому поступок отца (как и матери) публицистом расценивается как ненужная и старомодная жестокость.

Можно заключить, что модель «сильная рука», которая характеризовала «мужское воспитание» и была прерогативой отцов, в публичном дискурсе воспринималась неоднозначно. С одной стороны, функция «строгого воспитателя», которую мог осуществлять только отец, должна была способствовать решению проблемы девиантного поведения подростков, с которыми властные и общественные структуры не справлялись. Но, с другой стороны, авторы и «Работницы», и «Литературной газеты» протестовали против применения насильственных и унижительных методов воспитания детей. Можно предположить, что идея решать проблему девиантного

²⁷⁴ Там же. Л. 16–22.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Кеплер А. Сапогом в душу // Литературная газета. 1962. № 17. С. 2.

поведения подростков на уровне семьи казалась обоснованной, но не снимающей сомнения, что отец может быть хорошим воспитателем.

Для некоторых публицистов семьи, состоящие только из матери и ребенка, приравнивались к семьям с пьющими отцами или к семьям, где практикуют телесные наказания: «Когда мы идем домой к неблагополучному ребенку, то нередко узнаем: в доме часто ссорятся родители, отец покинул семью или начал пить»²⁷⁷. Характерна фотоиллюстрация к этой же статье: мальчик с ремнем стоит напротив стула, на котором сидит плюшевый медведь. Подпись к иллюстрации гласит: «Папино воспитание». Тем не менее, для автора неблагополучие семьи заключается, как это не парадоксально, как в наличии в семье отца–тирана, так и его отсутствие.

Проблема «сильной руки» как амбивалентности отцовской роли раскрывается с неожиданной стороны в статье И. Неручаева в «Литературной газете», посвященной несовершеннолетним правонарушителям²⁷⁸. В отличие от других подобных нарративов, в которых детей и подростков на преступление толкает или равнодушие и безразличие родителей, или дурной пример и влияние взрослых, здесь отец воспитывал ребенка «мягким» методом уговоров, применяя «формальный подход», а не «сильную руку». Сын же «на замечания отца отвечал грубо», а потом «позаимствовал у папы боевой пистолет». Отец не обвиняется в этой статье напрямую, однако, можно понять, что автор настаивает на том, что будь этот мужчина строже с сыном (и более вовлечен в его жизнь), беды удалось бы избежать.

Иногда в критических материалах «Литературной газеты» презентировался образ «нежного папаши» – отцов, которые балуют своих детей, особенно пользуясь своим служебным положением²⁷⁹. «Нежный папаша»²⁸⁰ выступает в качестве противоположности «сильной руке». Как правило, отец в образе «нежного папаши» предстает перед читателем достаточно мягким,

²⁷⁷ Костяшкин Э. Не ремнем, а словом // Работница. 1963. № 3. С. 14–15.

²⁷⁸ Неручаев И. Тяжкий просчет // Литературная газета. 1955. № 135. С. 2.

²⁷⁹ Соколов В. Слушается дело о разводе // Литературная газета. 1953. № 134. С. 2.

²⁸⁰ Кокосов Л. Про люсиного папу // Литературная газета. 1955. № 150. С. 2.

эмпатичным, но безвольным человеком, легко внушаемым и безответственным в своей работе. Этот образ несет в себе и феминные черты, то есть черты, приписываемые традиционно матери и противоречащие общепринятым стандартам маскулинности.

Данное выражение использовалось иронично в читательском письме, критикующим очерк Василия Ардаматского «Рассказ про человека и инструкцию»²⁸¹: история об отце, приехавшем в Ленинград в командировку, чтобы заодно встретиться с дочерью, и натолкнувшимся на ряд бюрократических препон при попытке оставить дочь переночевать в гостинице.

На статью «Двенадцать пуговиц и два крючка»²⁸² (посвященную слишком сложной конструкции школьной формы для мальчиков) поступило 112 читательских писем. В редакторской сводке отмечалось: «Читателей удивило то обстоятельство, что семилетний Андрюша не умеет сам одеваться, застегивать пуговицы, и ему в этом помогают папа, мама и бабушка. Видимо, предполагают читатели, отец Андрюши плохо воспитал своего сына, не привил ему любви к труду²⁸³. Читатели делают акцент на несамостоятельности школьника, вина за это возлагается на отца.

В данном контексте возникает вопрос о распределении обязанностей в семье, о статусе «главы семьи» и проживании взрослых детей с родителями²⁸⁴. В ряде публикаций проблематизировался вопрос о женской и мужской сфере ответственности в семье. Так, в статье В.Немцова, обсуждающей проблему совместного проживания взрослых женатых детей и их родителей, именно мать настояла на том, чтобы двум семьям жить вместе, а отец лишь подчинился этому решению: «Как правило, большинство матерей у нас работает, и если отец по традиции считается главой семьи, то фактически это не всегда подтверждается... Отец порадовался за сына, а мать

²⁸¹ Ардаматский В. Рассказ про человека и инструкцию // Крокодил. 1955. № 22. С. 6.

²⁸² Александров А. Двенадцать пуговиц и два крючка // Литературная газета. 1956. № 122. С. 2.

²⁸³ РГАЛИ. Ф. 634. Оп.4. Д. 1509. Л. 86. (1956)

²⁸⁴ Познякова Л. Может ли женщина быть главой семьи? // Работница. 1958. № 10. С. 23.

категорически запротестовала, она не хочет разлучаться с собственным ребенком»²⁸⁵. Таким образом, фактически именно мать является «главой семьи», принимающей решения, тогда как роль отца имеет подчиненное значение.

На страницах «Литературной газеты» вскоре появился отклик Е. Успенской на статью В. Немцова²⁸⁶. Полемизируя с автором, Успенская замечала, что дело не в доминировании женщины в быту, а в том, что мужчина практически исключен из этой сферы: «Но на деле до сих пор значение отца в семье еще очень преуменьшено. Действительно, в первый год жизни ребенка мать физически необходима ему, а дальше? Ведь есть же у нас семьи, где отец с самого начала жизненного пути ребенка делается его воспитателем и близким другом, а порой иногда даже и более близким, чем мать. Почему же у нас все-таки бытует представление о том, что главная забота о ребенке лежит на матери? Стало почти аксиомой, что оставивший семью отец, который платит алименты, выполняет свои отцовские обязанности... до каких пор человек, который выплачивает когда-то любимой женщине определенную сумму в месяц, будет иметь право называться отцом?».

На страницах периодической печати обсуждается проблема: присущи ли качества «хорошего родителя» всем советским отцам, или же для этого необходим опыт, мужчины могут совершать ошибки и исправлять их в процессе обучения. В публикациях «Литературной газеты» рассматривались истории отцов и детей, когда мужчина, несмотря на свой относительно высокий общественный статус («примерный гражданин», «ценный работник») оказывался несостоятельным в деле воспитания своих детей²⁸⁷.

Наряду с негативными примерами, в «Работнице» и в «Литературной газете» рассматриваются кейсы, в которых сами мужчины замечают, что

²⁸⁵ Немцов В. Женатые дети // Литературная газета. 1960. № 119. С.2.

²⁸⁶ Успенская Е. У вас дома // Литературная газета. 1960. № 146. С.2.

²⁸⁷ Мелибеев П. Живое дело или «шестой урок»? // Литературная газета. 1954. № 36. С.2.; Вигдорова Ф. Высокий пост // Там же. 1955. № 12. С. 2.

были недостаточно хорошими отцами: «Отец признал ошибки в воспитании сына и обещал исправить их»²⁸⁸; «я отец двух детей, и я за общество родителей. Родителей тоже надо воспитывать»²⁸⁹. В «Литературной газете» периодически поднимается тема самоценности отцовского воспитания, которая возникает в контексте дискриминации отцов при разводе: «Но на деле до сих пор значение отца в семье еще очень преуменьшено. Действительно, в первый год жизни ребенка мать физически необходима ему, а дальше? Ведь есть же у нас семьи, где отец с самого начала жизненного пути ребенка делается его воспитателем и близким другом, а порой иногда даже и более близким, чем мать. Почему же у нас все-таки бытует представление о том, что главная забота о ребенке лежит на матери?»²⁹⁰ Примечательно, что ценность отцовства «распознается» лишь в кризисной ситуации (развода), тогда как в повседневной жизни семьи вопрос об участии отцов в воспитании, как правило, не артикулируется.

В качестве одной из самых ярких и специфически «мужских» отцовских практик (преимущественно, в городской среде) можно отметить проведение досуга вместе с ребенком – роль «воскресного отца». В публицистике образ «воскресного отца» преимущественно связан с совместным времяпрепровождением на рыбалке или при сборе грибов. В «Работнице» связь «воскресный отец» – рыбалка повторяется в нескольких публикациях: «И отказывают им в удовольствии поехать с отцом на рыбалку»²⁹¹. Авторы «Литературной газеты» в качестве досуга отцов и детей отдавали предпочтение совместным прогулкам и сбору грибов. В 1967 г. был опубликован юмористический очерк «Мой папа–писатель», написанный от лица мальчика: «Когда я прихожу из школы, папа спрашивает: «Ну, какие сегодня были сюжеты? Я люблю воскресенье. В субботу вечером папа достает авторучку и нарочно выкапывает из нее все чернила. Это означает,

²⁸⁸ Коваленко С. Родные руки // Работница. 1954. № 5. С. 25–26.

²⁸⁹ Общество родителей // Литературная газета. 1954. № 103. С. 2.

²⁹⁰ Успенская Е. У вас дома // Литературная газета. 1960. № 146. С. 2.

²⁹¹ Панфилова Т. О солнце, лете и серьезных вещах // Работница. 1964. № 5. С. 28–29.

что в воскресенье он писать не будет. В воскресенье мы идем в лес и собираем грибы. Папа рассказывает истории, например, как он был маленьким»²⁹². Рыбалка и соби́рание грибов презентуется как «мужской» промысел, когда происходит передача опыта и знаний «добытчиков», а также идет трансляция одной из основополагающих маскулиных моделей.

Проблема «воскресных отцов» обсуждается, кроме того, в контексте разводов. Одна из статей в «Работнице» под характерным названием «Прав ли отец?» была посвящена проблемам общения ребенка с отцом, который больше не живет в семье: «Глубокая детская тоска по отцу ... У меня очень хороший папа, я его люблю, и хотя мы давно живем с ним в разных городах, но мы дружим, постоянно переписываемся, а время от времени приезжаем к другу в гости... Когда я в чем-то сомневаюсь и мы с мамой не знаем, как решить лучше, она говорит: А ты напиши отцу, он тебе посоветует. Это те отцы, которые не боятся подорвать свой авторитет тем, что они признают ребенка, не живущего с ними. И ребенок гордится таким отцом, он хочет быть похожим на него...»²⁹³. Общение отцов и детей, по мнению автора, должно продолжаться и после развода родителей, чтобы не травмировать ребенка и сохранить за отцом его воспитательную функцию.

Эта статья является ответом на письмо читательницы, которая спрашивает, может ли отец приходить в школу к ребенку, если родители в разводе. Автор статьи И. Ключарева убеждена в том, что обязанности отца сохраняются, и развод не должен стать препятствием для встреч отца и сына. Более того, «воскресные отцы», которые стремятся сохранить контакт с ребенком, вызывают симпатию у автора, так же как и матери, которые не настраивают детей против отца. Мотив рыбалки как формы совместного времяпрепровождения звучит и здесь: «А его новая семья, когда разберется как следует, обязательно поймет... Правда, иногда бывает, что и заносит сердце...оттого, что сын поехал на рыбалку один, а не с отцом. Но боль

²⁹² Дробиз Г. Мой папа–писатель // Литературная газета. 1967. № 9. С. 16.

²⁹³ Ключарева И. Прав ли отец? // Работница. 1963. № 1. С. 24.

пройдет, когда сын, вернувшись, протянет свой улов и скажет по-мужски «Возьми, ма».

«Воскресный отец» не может стать полноценной заменой «присутствующего» отца в семье, однако даже эпизодическое общение отца с сыном служит важным каналом передачи традиционных моделей «мужественности». Противоположный образ – отец посвящает выходные не ребенку, а выпивке и собственному досугу: «Сын порой тянется к отцу: «Папа, научи фотографировать» или «Папа, поиграем в шахматы... А папа не умеет и не хочет уметь – лежит на диване, зевает: пьяный»²⁹⁴.

Помимо непосредственного участия в воспитании и материальной помощи детям отцы должны были быть моральным авторитетом для них, своего рода ролевой моделью, особенно, когда дело касалось воспитания сыновей. Тема поколенческой преемственности была актуальной и в городской семье («Дети тянутся к заводу, на котором работает их отец»)²⁹⁵, и в сельской («Потому что земля, любви к которой научил детей отец, — это их личное дело. Его знания и опыт пригодятся еще новому поколению земледельцев. А он, наверное, и сейчас считает, что этих знаний недостаточно, и растет на его столе груда специальных журналов»)²⁹⁶.

Большинство опубликованных в печати семейных историй рассматривались с позиции вреда/пользы для детей или «общественного блага», реже – с точки зрения интересов жен и матерей. Актуальной оставалась проблема отказа от исполнения родительских обязанностей. Так, В. Карибовская в статье «Хилое деревце»²⁹⁷ рассказывала, как отец отказался от своего восьмилетнего сына, узнав, что он не является его биологическим ребенком. Эта публикация разделила читателей на два лагеря (согласно редакторской сводке, на статью было получено 28 писем-откликов²⁹⁸). Часть читателей, вслед за

²⁹⁴ Чужой, совсем чужой... // Работница. 1964. № 6. С. 28.

²⁹⁵ Елисеева В. Подростки // Литературная газета. 1958. № 79. С. 2.

²⁹⁶ Долматовская Г. Личное дело // Литературная газета. 1964. № 19. С. 2.

²⁹⁷ Карибовская В. Хилое деревце // Литературная газета. 1955. № 119. С. 2.

²⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 4. Д. 1509. Л. 100. (1956)

автором, осуждали не отца, а мать, которая использовала отца «как ширму, источник доходов»: «Таких матерей... следует лишать прав материнства и взыскивать с них алименты на воспитание ребенка». Однако, другие читатели сомневались в утрате отцовских чувств (после восьми лет воспитания): «Отец любил сына, и вдруг после восьмилетней привязанности, оскорбившись, спешит отказаться от него»²⁹⁹.

Судьба детей после развода – одна из актуальных тем, связанных с проблемами отцовства. Наиболее часто она встречается в «мужских» письмах. Некоторые отцы чувствовали себя ущемлёнными в правах из-за отсутствия правоприменительной практики передачи детей отцам после разводов: «Возникает вопрос, где же отец, где право отцовства... Мы знаем, что в случае развода... отец не может взять себе ребёнка без согласия матери, если детей даже больше одного... Фактически отец отстранён от воспитания своих детей по воле матери, и является их далёким посторонним содержанием... Вторым шагом было бы устройство детей, которых хочет взять отец, но не хочет брать мать, в детские государственные учреждения, с выплатой алиментов как со стороны отца, так и со стороны матери»³⁰⁰. Как можно заметить, зачастую мужчины хотели опротестовать решение суда и забрать ребёнка на воспитание, воспринимая это как альтернативу алиментным выплатам или как «наказание» бывшей жены: «Передавать отцу ребёнка, если он этого хочет. Тогда многие матери не будут разрушать семьи»³⁰¹. Речь не идет об отцовских обязанностях или чувствах – стремление занять позицию «воспитателя» в данных случаях связано с нежеланием мужчин отчислять часть заработной платы бывшей жене, которая, с их точки зрения, распорядится этими деньгами неправильно.

Были и противоположные примеры, когда отцы искренне хотели оставить детей у себя после развода, полагая, что действуют в интересах детей. Однако, суды передавали детей на воспитание отцам в исключительных

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 448. Л. 10–12. (1962)

³⁰¹ Там же. Л. 290.

случаях: когда в суде доказывалось девиантное поведение матери или ее явное нежелание воспитывать детей. Поэтому в процессе обсуждения нового семейного кодекса от мужчин поступали предложения законодательно оформить их право на передачу им детей после развода, или, по крайней мере, возможность регулярного общения с ребенком: «Прошло полтора года (после развода) но мальчик продолжает любить меня больше, чем мать, стремится жить со мной. Нашим редким и краткосрочным свиданиям чинятся всевозможные препятствия – и со стороны жены, и, особенно, со стороны ее родителей. Меня стараются изолировать от сына, лишить возможности проводить с ним отпуск, лишить всякой связи...должны учитываться и возможности отца воспитывать ребенка»³⁰²; «От совместной жизни мы имеем двух детей малолетнего возраста. Я просил, чтобы их оставили у меня, фактически дочь и находится у моей матери на Украине. Если ребенок достаточно развит, вполне определенно выражает свое желанием. А условия жизни для него у отца лучше, чем у матери. За отцом должно быть строго зафиксировано право свиданий с сыном, проведения с ним отпуска»³⁰³.

Некоторые мужчины писали о такой дискриминации отцов после разводов не только исходя из личного опыта, но и наблюдая такую ситуацию со стороны. Автор анонимного письма обращался в 1964 г. к депутатам Верховного Совета: «Тов. Депутаты! Выработывая этот закон, нужно, чтобы не были урезаны права отца на детей. Как было до сих пор, когда все права ограничиваются алиментами. А остальные, как воспитание, их здоровье и моральные качества – все предоставлены матери. Но ведь матери есть разные. Причины развода – ее халатное подлое нечестное отношение к детям – их сын сам купал, пеленал, кормил. Ушла, не допускает его к ребенку. Почему все его заботы только алименты? Не все ведь отцы равнодушны к детям? Но судьи сказали, что она родила, то ребенок ее»³⁰⁴. Автор письма отмечает, что мужчина, его сын, заботился о ребенке, выполняя

³⁰² ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 272. Л. 135. (1959)

³⁰³ Там же. Л. 102.

³⁰⁴ Там же. Оп. 45а. Д. 229. Л. 92. (1950)

«материнские» функции, что довольно нетипично для периода 1950–1960-х гг. Тогда считалось, что отцы требуются для детей не с младенчества, а с более старшего возраста: «Так как кроме того, отец совершенно лишен возможности воспитывать своего ребенка то отец не видит в нем своего преемника и отцовские чувства его улетучиваются... Ребенок должен попеременно жить то у матери то у отца. Первые 2–3 года своей жизни ребенок бесспорно должен проживать у матери»³⁰⁵. Представления о потребности в отцовском внимании в данном случае ограничиваются возрастом ребенка: младенческий и ранний возраст ребенка относится к материнской зоне ответственности, более старший – к отцовской.

Некоторые авторы писем относятся к разводу как к тяжелому удару для детей, из-за которого те лишаются отцов, и это оказывает на них негативное влияние: «Отцы стремятся заполучить себе детей, но дети, как правило, остаются с матерями, и вот в таких случаях отцы негодуют на мать «она же виновата в семейной драме и ей же платить?» – так рассуждают некоторые и начинается...волынка, только бы избежать уплаты алиментов нехорошей матери, забывая, что страдают от этого дети. Очень трудно иногда понять, кто повинен: мать или отец в том, что дети остаются без отцов. Дети остаются без отцов и больше всех страдают они»³⁰⁶. Чувства отцов в данном случае никак не артикулируются, скорее наоборот, их нежелание платить алименты и отказ продолжать общение с детьми после развода коррелирует с супружеским разладом и нежеланием иметь дело с бывшей женой.

В письмах граждан часто встречается формула «материальный и моральный долг», что наиболее отчётливо выявляет господствовавшие представления об отцовских обязанностях. Эта формула подразумевала сочетание роли «добытчика» с эмоциональным вовлечением в жизнь ребенка: «И он не несёт никакой ответственности ни материальной ни моральной за воспитание ребёнка. Это даёт повод злоупотреблять законом многим

³⁰⁵ Там же. Л. 154–155. (1951)

³⁰⁶ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 459. Л. 271–273. (1965)

отцам»³⁰⁷; «Если бы, помимо материальных обязанностей, в [кодексе] было бы указано на моральную сторону в родительском (отцовском) воспитании, только закон смог бы поднять уровень морального отношения к женщине и детям»³⁰⁸.

Некоторых отцов возмущало отсутствие возможности видеться с ребёнком: «Отец, который любит этого ребёнка и хотел бы воспитать его, по существу является “денежным мешком”, так как женщины... лишают возможности его даже видеть, а ребёнок очень быстро забудет родного отца. Жена лишила меня возможности поддерживать связь с ребёнком, она хочет, чтобы он меня забыл. Но я не хочу этого. Я хочу, чтобы мой сын знал, что я его отец что я его люблю, что забочусь о нём»³⁰⁹.

Женщин тоже волновал вопрос общения отца и детей: «Не только деньги, и даже если бы отец и ребёнок встречались друг с другом, это на обоих влияло бы благотворно»³¹⁰. Таким образом, и женщины, и мужчины считали, что после развода взаимоотношения между детьми и отцами должны сохраняться. Однако если мужчины рассматривали это как шанс укрепить свои родительские права, то женщинам была более важна помощь отца в воспитании детей.

Мнения женщин и мужчин сходились в том, что отцовские обязанности не исчерпываются формальными выплатами алиментов: «С мнением отца закон не считается, поставив его в низкое положение, используя отца–воспитателя только как рабочего быка... Алименты и формальности закона о воспитании детей превращает отца в источник дохода, рабочую силу»³¹¹; «Мне кажется, не найдётся сейчас такой мужчина, который бы не дорожил своими детьми. Мужчины, которые лишаются детей в подобных таких случаях становятся морально убитыми, очень много в жизни теряют, им нет

³⁰⁷ Там же. Д. 218. Л. 196–197. (1956)

³⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 488. Л. 43–52. (1962)

³⁰⁹ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 445. Л. 243–245. (1961).

³¹⁰ Там же. Д. 218. Л. 108. (1956)

³¹¹ Там же. Л. 237–243.

ничего милее своих детей, лишившись их, они в конце концов становятся на неправильный путь жизни, превращаются в пьяниц, они стремятся отомстить своей бывшей жене, идут на преступления или ведут в конце концов распутный образ жизни и скрываются от алиментов»³¹².

Представления о содержании отцовства, отцовских функций в письмах, как правило, не артикулируются, описываются в общих чертах. Как исключение встречаются детализированные описания: «Мальчику было около четырёх лет и он утверждает, что помнит папу. Как он давал ему шоколад, устраивал ёлку, брал в кино и т.д.»³¹³; «У нас росли два хороших сына. Я не считался ни со временем, ни с родом работы, все силы отдавал дому: производил уборку в комнате, мыл полы, вытирал пыль, ухаживал за цветами, возил вещи в стирку, привозил, развешивал и снимал бельё, сидел с больными детьми»³¹⁴. Эти отрывочные сведения дают понять, что равномерного и равноправного разделения обязанностей между родителями в сознании современников не существовало. Модель «воскресного отца» и частичная бытовая помощь рассматривались как тот максимум, который можно ожидать и требовать от отцов.

Центральной проблемой в письмах граждан стал вопрос о том, какое отцовство следует считать «настоящим» – юридически зарегистрированное в браке или же фактическое. Вторым вариантом признавали большинство советских граждан, участвовавших в обсуждении, однако женщины и мужчины стремились легитимизировать разные аспекты отцовства. Признавалось, что отсутствие одного из родителей априори делает семью «неполноценной», поэтому авторы писем проявили единодушие в том, что неравенство детских метрик и прочерк в графе «отец» недопустимы. Наконец, в фокус внимания попала роль отца после развода: он воспринимался как не только «добытчик», но и воспитатель. Если для женщин на первом плане находилась материальная помощь отцов, то в

³¹² Там же. Д. 446. Л. 75–79. (1962)

³¹³ Там же. Л. 233–234.

³¹⁴ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 448. Л. 296–303 (1962)

«мужских» письмах (особенно во второй половине 1960–х гг.) чаще звучат мотивы собственных чувств и переживаний.

Таким образом, воспитательная функция отцов полнее и разнообразнее представлена в периодической печати 1950–1960–х гг., чем в письмах граждан того же времени. Тем не менее, дискурс «отцовского воспитания» из статей проник в письма, правда граждане часто использовали слово–маркер «воспитание» в значении «денежные выплаты», тем самым подменяя понятия. Отцовское участие в жизни ребенка больше рассматривалось в контексте долга и обязанности; аспекты добровольного участия и помощи (как в денежном, так и во временном эквиваленте), а также удовольствие от взаимного общения мужчины и его детей практически не затрагивались современниками.

2.3. Вопросы алиментных обязательств в письмах граждан

Мнения и предложения мужчин по «алиментному вопросу» были посвящены отстаиванию преимущественно отцовских интересов. На практике цели у мужчин и женщин были прямо противоположные: женщины хотели получить как можно больше алиментов на воспитание детей, мужчины же всячески стремились избежать этой обязанности. Все мужчины–авторы, которые затрагивают тему алиментов, рассказывают о них как о тяжком финансовом бремене. Большое количество мужских писем содержат просьбы отмены алиментов или снижении размера выплат детям от предыдущих браков.

Поскольку алименты представляются мужчинам несправедливой мерой, то можно условно выделить несколько причин, на которые они ссылались для аргументации своей позиции: 1) они живут в другой семье, юридически дети от предыдущего брака находятся вне сферы их ответственности, 2) нехватка денег на содержание детей и от первого, и от второго брака, 3) это несправедливо назначенные алименты, 4) с точки зрения авторов, их «дети» уже не являются детьми, 5) алименты плохо влияют на морально–нравственное развитие детей.

Эти мужчины являлись отцами, иногда имевшими детей от разных женщин, и, как минимум, детей от одного официального брака. Их предложения по изменению брачного законодательства заключаются в уменьшении срока выплаты алиментов, а также пересмотре системы взимания алиментов (с учетом детей от последующих браков). Как правило, мужчины считали себя отцами исключительно по отношению к своей нынешней семье, о детях от предыдущего брака они говорили неохотно. Отцовство не рассматривается как отдельная социальная роль, отличная от роли «мужа».

Ряд высказываний в письмах мужчин отсылает к понятию «законности», как правило, в отношении фактической семьи: «...справедливо ли будет, если сын работая 6 и 4 часа в сутки получает 700–800 рублей, да от меня 250 р итого на одного 1050 рублей. Я же имею свою *законную* семью, мать жену и дочь. Недостаточно ли было бы платить алименты до 16 лет?»³¹⁵; «Почему мои *законные* дети должны находиться в худших материальных условиях нежели ребенок, на которого я плачу 25%»³¹⁶. Можно обратить внимание на некоторую парадоксальность использования слова «законность»: мужчины называют «*законной*» свою вторую семью, тогда как первый брак, на детей от которого и выплачивались, согласно *закону*, алименты, таковым уже не считался.

Другой отец в письме рассказал свою историю о том, как он ушел от своей жены с тремя детьми, потому что «не мог с ней жить», а затем завел вторую семью, в которой у него родилось уже четверо детей: «Присудили 50% доходов моей жене на 3–х детей. ...жена через детей стала упрашивать вернуться к своей семье. Дети писали, что им трудно, что они голодны, раздеты и разуты. Ради детей есть смысл совместно жить. Не отвечая за судьбу детей во что б то ни стало решила удалить меня от них...но с ней остались дети. И может ли меня не волновать судьба детей, их моральный облик, который они буквально черпают из слов бывшей жены? И я,

³¹⁵ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218. Л. 200. (1956)

³¹⁶ Там же. Л. 283.

воспитывая 4–х детей второй жены не думал бы – смогу ли прокормить детей из 50% моих доходов? *Законных четверо*»³¹⁷. Автор, оставив свою бедствующую семью с тремя детьми, озадачен тем, почему первая жена прекратила общение с ним, однако в письме незаметно желание отца забрать троих детей на воспитание во вторую семью – наоборот, отец сознательно разделяет детей от первого брака и «законных» четырех – от второго.

Помимо вопроса «законности» советских отцов также волновал экономический аспект алиментных выплат. Основные жалобы мужчин посвящены тому, что из–за алиментных вычетов его второй семье в итоге достается меньше денег на человека, чем на его ребенка от первого брака: «С меня берут 150 р в месяц. У меня двое детей... нам на 4 человека приходится примерно 400 р. Я учитель 5–7 классов. Мне надо выписывать газеты, журналы и одеться надо, а на меня не приходится и 150»³¹⁸; «приходит домой, его сын спрашивает «папа, ты купил конфет?», что можно ответить ребенку в таком случае? Это очень и очень неприятно»³¹⁹.

В письмах мужчин встречаются жалобы на нехватку денег: кто–то недоволен тем, что из–за алиментов их уровень жизни не такой высокий, как мог бы быть, кто–то говорит о бедственном положении и «полуголодном существовании». Так, для военных, имеющих довольно высокие зарплаты, алиментные выплаты были выше: «Я военнослужащий–офицер. Всего моя зарплата составляет 2645 рублей. Семья моя состоит из пяти человек, которая проживает со мной и состоит: двое детей, жена, мать нетрудоспособная и я сам пятый. Других каких–либо заработков в моей семье нет, т.к. мать нетрудоспособная, дети малолетние, а жена занята с детьми и является домашней хозяйкой ... с меня удерживают $\frac{1}{4}$, что составляет 609 р 63 коп»³²⁰; «Простите, что беспокою Вас этой жалобой, но материальное положение детей, проживающих со мной, вынуждает меня к этому... По 745 на одного

³¹⁷ Там же. Д. 445. Л. 52–53. (1961)

³¹⁸ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218. Л. 82–85. (1956)

³¹⁹ Там же. Д. 445. Л. 22–29. (1961)

³²⁰ Там же. Оп. 45а. Д. 231. Л. 11. (1952)

ребенка (1490). То, что я обязан, как отец, платить на содержание этих детей, я абсолютно не возражаю, т.к. дети мои и я никогда от них не отрекался и не отрекаюсь теперь. Но у меня еще имеется трое детей, жена и престарелая мать. Я сам военный служащий, кадровый офицер, всего получаю в месяц 4865. А на какие средства я должен кормить, одевать, обучать и обувать детей сейчас?»³²¹ Стоит обратить внимание на то, что оба эти письма, написанные в 1950–1952 гг., относятся к жанру «жалобы», «прошения», и мужчины с довольно высокой зарплатой, позволяющей им быть единственными добытчиками в семье, тем не менее, обращаясь к властям, позиционируют себя не столько как «кормильцев семьи», сколько нуждающихся людей и «жертв» обстоятельств.

Некоторые отцы не хотели отказываться от ответственности за первую семью, поэтому в их письмах можно наблюдать промежуточную позицию: «Само собой разумеется, что уплачивать на содержание ребенка нужно, скажем 10–15% от зарплаты, но не 25%. Все равно если я разошелся и развелся, то алименты меня не заставят сойтись снова. Этим много ущемляется мое материальное состояние и моих детей. А то получается, что она (т.е. бывшая жена) обогащается 25%, а я должен переживать. Я хочу быть семьянином и по-хорошему жить со своей семьей, но она сама виновата, что я не мог жить с ней супружеской жизнью»³²²; «Плачу алименты 25%, мне остается 90 рублей. У меня кроме еще имеется 3 детей. Я не денег ребенку жалею, а мое материальное положение заставляет меня обратиться»³²³. С похожей риторикой выступал и другой «алиментщик»: «В случае расторжения брака обязан уплачивать на воспитание детей алименты. Этот закон об алиментах наказывает рублем мужей. А разве только мужа виновны в разрыве? Второй мой брак удачный. Жена никогда не вспоминает о том, почему я ежемесячно вручаю ей только 75% заработка. Вы можете задать вопрос: о чем вы думали, когда разорвали первый брак? Отвечаю: из-за денег

³²¹ Там же. Д. 229. Л. 174–175. (1952)

³²² Там же. Л. 107

³²³ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 446. Л. 40. (1962)

нет смысла портить себе жизнь на всю жизнь. Лучше плохо материально, но хорошо морально. Но дети все-таки не должны страдать»³²⁴. Автор, в отличие от других отцов, отмечает, что доволен жизнью в новой семье даже несмотря на материальные проблемы.

В письмах мужчин довольно часто описывается ситуация, в которой их второй брак более многодетный, чем первый, и может сложиться ощущение, словно советские семьи имели по 3–4 ребенка. Это можно объяснить тем, что для многодетных семей с отцом-алиментщиком, который приносил в новую семью не больше 75% от заработной платы (а иногда и меньше) финансовая ситуация развивалась более неблагоприятно, чем, скажем, для алиментщиков, чье суммарное количество детей от браков не превышало двух-трех. Следовательно, именно многодетные отцы, испытывающие трудности в обеспечении большой семьи, были мотивированы на создание писем-прошений.

Анализ письменных обращений позволяет, кроме того, проследить основные тенденции развития брачного рынка в послевоенные годы: демографический дисбаланс, высокая символическая ценность мужчин и брачная конкуренция среди женщин привела к тому, что разведенный мужчина довольно быстро женился/находил новую семью. Об этом свидетельствуют как мужские письма, так и женские: «Она сама рушит семью. Но почему же мужчина должен платить ей?...Все известно, что мужчина, который порвал с первым браком, жить один не будет»³²⁵. Многие мужчины писали о том, что они «были вынуждены» жениться во второй раз, однако, контроль за рождаемостью осуществлялся слабо, поэтому второй брак зачастую был многодетным: «Не хочет жить со своим супругом уходя от него берет ребенка и говорит я обеспечена на 18 лет. А то и дети несут приходится второй раз жениться и как на грех дети появляются от второй жены. По 3 и по 4 ребенка и сам и жена полуголодные»³²⁶. Отцы,

³²⁴ Там же. Оп. 45а. Д. 232. Л. 277. (1953)

³²⁵ ГА РФ. Ф. 7423. Оп. 45. Д. 459. Л. 337–339. (1967)

³²⁶ Там же. Д. 218. Л. 96–97. (1956)

маркирующих себя как «инвалиды» (часто действительно ими являющиеся), упоминают о своей многобрачности и многодетности: «Состояние моего здоровья полностью плохое. Самостоятельно одеться полностью не могу. Немного подлечившись при помощи родственников, я женился в третий раз. Имеем двух детей школьного возраста. Из пенсии 50% удерживают Чернитиной, а моя семья прожить на 360 рублей не может»³²⁷. Мужчина был нетрудоспособен, получал пенсию по инвалидности, при этом имел пятерых детей от трех браков.

Итак, авторы писем, процитированных выше, платили (вынужденно, «по закону») алименты первой семье, однако чувствовали обязанными содержать только свою новую семью: отец содержит ту семью, с которой он живёт, и которую считает «настоящей». В письмах алиментщиков фигура ребёнка (или детей) от первого брака находится в «тени», внимание артикулируется на недостаточном материальном обеспечении детей от второго брака.

Игнорирование детей от первого брака обосновывалось авторами по-разному. Как правило, мужчины просто опускали подробности и фокусировались на обсуждении своей жизни в нынешней семье. Но существовала стратегия, позволявшая нивелировать невнимание к своему ребёнку от первого брака – многие авторы, рассказывая о выплате алиментов, отмечали, что эти «дети» совсем уже не «дети»: «Дело в том, что этому «ребенку» 17-ый год, а мне 60-й десяток. Этот «ребенок» выше меня на голову, шире в плечах в два раза и зарабатывает столько же, сколько и я»³²⁸. В данном случае автор конструирует образы себя и своего сына на контрасте: он физически слабее «ребенка», который, будучи шестнадцатилетним работающим юношей, никак не может претендовать на отцовские алименты.

Ряд других авторов–мужчин также считают, что помогать детям до их совершеннолетия слишком долго и несправедливо, поскольку они могут

³²⁷ Там же. Д. 272. Л. 193–194. (1959)

³²⁸ Там же. Оп. 45а. Д. 232. Л. 36. (1953)

начать зарабатывать с 16 лет: «В настоящее время трудоспособным считается уже с 16 лет, в эти годы молодежь получает паспорт и работает. А вот сколько остается несчастному отцу, который платит алименты (инвалид)? Такая жена уходит от мужа и заявляет, что сдерет с него алименты и подает на развод»³²⁹. Образ «взрослого» ребенка, здорового и самостоятельно зарабатывающего больше, чем «старый, больной» отец, является своего рода перевернутым изображением ролевых моделей отцов и детей, распространенных в обществе: «Забрала детей ...и подала на суд присудил с меня 33; на этом закончилось дело. Но 1-ый сын, ему 17 лет, который закончил школу ФЗО и в настоящее время работает самостоятельно и получает больше чем отец. Спрашивается нужна ли моя помощь ему в настоящее время?»³³⁰. Следовательно, если отец сам нуждается в помощи, отношения «отец–сын» рассматриваются не в формате кровного родства, а в рамках дихотомии «сильный–слабый», где «сильный» должен обеспечивать «слабого, немощного».

Некоторые авторы стараются не использовать слов «отец», «дети», а фактическое отцовство объясняют «неудачными отношениями с женщиной»: «Когда я был молод в расцвете зрелых сил, я встречался с одной гражданкой. Жена моя тяжело и долго болела, я пылал здоровьем и избытком сил. Мне сейчас 60, а ребенку бывшей знакомой 12. Уже 6 лет надо мной висит дамоклов меч – угрозы алиментов. Ни в коем случае не нужно давать обратную силу закону. Дать старикам покой – алименты не распространять на пенсионеров, человек одной ногой в могиле, а с него еще берут алименты. Не дай бог, как говорится, если Вы расширите закон об алиментах. Сколько будет запятнано мужчин даже не за что?»³³¹

Другой мужчина связывает необходимость платить алименты с падением его эффективности на производстве: «Получается, что хотя он зарабатывает значительную сумму своим честным трудом, но фактически ему

³²⁹ Там же. Оп. 45. Д. 445. Л. 105–106. (1961)

³³⁰ Там же. Оп. 45а. Д. 229. Л. 140. (1951)

³³¹ Там же. Оп. 45. Д. 71. Л. 274. (1957)

достается буквально мизерная сумма, которой не хватает не только для содержания его будущей семьи (ведь он одиноким на всю жизнь оставаться не может), но и самого себя. Следовательно, нет никакого стимула к работе. Даже появляется у него апатия к жизни»³³².

В мужских письмах заметен очевидный контраст между предписанной гегемонной маскулинностью и реальной жизнью, повседневными потребностями и трудностями советских отцов. Как писал холостяк из Магнитогорска: «Мужчина более великодушен и это понятно – он был и остается еще главным создателем, главным добытчиком средств существования в семье. Он сильнее телом, сильнее волей, сильнее духом, и в воспитании детей отец – главная сила. Это определено одним ходким народным нареканием – «У, безотцовщина!», т.е. невоспитанное, распущенное и не совсем чистое дете»³³³. С утверждением «он сильнее телом, сильнее волей сильнее духом и в воспитании детей отец – главная сила», могли бы поспорить другие мужчины, поскольку отцы в письмах зачастую репрезентировали себя совершенно иначе: как угнетенная категория мужчин, психологически неустойчивых и физически слабых. Например, один автор сравнивает алименты с тюремным или лагерным заключением, а второй говорит об алиментах как о «роковом» бедствии: «Сегодня 27.03.53 по радио был опубликован указ Верховного Совета об амнистии лиц, совершивших различные преступления. В нашей стране есть большое количество лиц, осужденных народным судом к уплате алиментов на содержание детей»³³⁴; «Мне приходилось видеть в жизни столько головоломок и горя людей ... через алиментные выплаты. Стоит ли сегодня делать мужчину скитальцем, у него скрежет зубовой, когда ему может быть, как в прошлом, придется стоять насмерть ... за Родину»³³⁵.

Большая часть писем отцов–алиментщиков, впрочем, написаны менее претенциозно, поводом для их жалоб, после материальных проблем,

³³² Там же. Оп. 45а. Д. 229. Л. 80–82. (1950)

³³³ Там же. Д. 232. Л. 78–82. (1953)

³³⁴ Там же. Оп. 45а. Д. 231. Л. 108. (1952)

³³⁵ Там же. Д. 232. Л. 124. (1953)

становится озабоченность социальным клеймом «алиментщика». Мужчины пытались обосновать дискриминационный характер обязанности выплачивать алименты, которая, якобы, дискредитирует их и понижает социальный статус: «За эти два года она дважды бросала меня и уехала к своим родителям и только лишь по причине маленькой моей заработной платы. В конце концов она назвала меня своим изживенцем и уехала... Меня очень угнетает слово «алиментщик»...»³³⁶; «матери ребенка 25% зарплаты мужа в придачу, а отцу ярлык алиментщика (ведь это у нас звучит как негодяй)!»³³⁷. Другой автор в письме в «Комсомольскую правду» отмечает, что после развода мужчина сталкивается с общественным порицанием: «С отца берут 25% в случае развода. Такой отец считается нехорошим, бросил семью, ребенка, он пользуется не особенным авторитетом. О нем говорят, что он «не семьянин», он наносит вред государству»³³⁸. Автор анонимного письма предлагает слово «алименты» вообще ликвидировать³³⁹.

Для некоторых отцов развод означал окончание любых отношений с детьми, мужчины готовы были отказаться от отцовства, чтобы не выплачивать алименты. Например, пенсионер, старший лейтенант запаса М. Бадрин писал в 1953 г.: «С мужчинами, после того как их бывшие жены вышли замуж за других прекратить вычет элементов на воспитание детей и этим самым юридически лишить их отцовства не узерая на возраст детей. А права отцовства юридические отдать новому отцу который и будет отвечать за воспитание ребенка как настоящий отец»³⁴⁰.

В письмах мужчин фиксируются и более экстремальные варианты отчужденности отцов от своих детей, рожденных в первом (или предыдущем браке): «И вот все время выплачивал на содержание $\frac{1}{4}$ своего заработка...мне

³³⁶ Там же. Оп. 45. Д. 448. Л. 270. (1962)

³³⁷ Там же. Д. 456. Л. 243. (1963)

³³⁸ Там же. Д. 272. Л. 41–45. (1959)

³³⁹ Там же. Оп. 45а. Д. 232. Л. 91–93. (1953)

³⁴⁰ Там же. Л. 118–123.

кажется, это создает ребенку четверть века жить за счет *чужого* труда»³⁴¹; «Алименты будут высокие и можно 18 лет не работать а на них жить пусть кто-то работает на паразита, на проститутку»³⁴². Высказывающие подобную точку зрения мужчины не считали детей от первого брака «своими» – их нескрываемая неприязнь говорит о том, что эти дети стали им чужды, как и их матери.

Вместе с тем случаи резко-отрицательного отношения к детям в письмах были скорее исключением, чем правилом. Обращаясь в официальные инстанции, мужчины зачастую стремились к конструктивному диалогу и выдвигали свои предложения относительно того, как следует изменить действующий закон. Рабочий Тополев, например, рассуждал: «Этот закон является злейшим врагом стахановского движения. ... Так рабочий говорит что не больше зарабатывает то больше вычитают на одного когда у меня их еще дома трое. Я конечно нехочу сказать о том что не помогать воспитывать детей это обязательно нужно но не к такой мере и нельзя всех чесать под одну гребенку а за одного ребенка вообще лишняя волокита которыми захламлины судебные органы»³⁴³. Другой респондент ратует за снижение процента, взимаемого с зарплаты, однако не отказывается от экономической помощи ребенку: «... сына она взяла себе. И вот я плачу 25 % на содержание сына. Это необходимо и правильно. Ребенок не должен страдать. Я, несмотря на то, что так жаль сына, вполне удовлетворен и рад за настоящую свою семью. Могу сказать, что несмотря на то, что совесть меня мучает, что я второй раз женился, что есть ребенок, однако жизнь идет неплохо. Отменять, может быть, и рановато, но сократить процент удерживания время настало»³⁴⁴. Оба автора отмечают, что они довольны своей жизнью и считают справедливым алиментные выплаты на детей, хотя

³⁴¹ Там же. Оп. 45. Д. 445. Л. 112. (1962)

³⁴² Там же. Д. 459. Л. 172. (1967)

³⁴³ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 232. Л. 22–23. (1953)

³⁴⁴ Там же. Д. 229. Л. 42–43. (1950)

все их отцовские обязанности после развода сводятся исключительно к материальной поддержке.

Ряд отцов отрицали необходимость выплаты алиментов, считая это несправедливым по ряду причин. Так, автор из Ленинграда обращался к К.Е. Ворошилову: «Многоуважаемый Климент Ефремович! Я решил к вам в письменной форме обратиться по очень важному вопросу. В последнее время был издан закон о том, если брак не зарегистрирован или случайное знакомство, впоследствии как результат появился ребенок, то при этих обстоятельствах алименты не платят – это совершенно верно и справедливо. В конце концов серьезно женский пол заставили смотреть на жизнь. Однако в связи с таким законом создается определенное недовольство у очень большого количества мужского пола, сколько понапрасно платят мужчины алименты только один аллах знает»³⁴⁵. Поддерживая Указ 1944 г., автор предлагает пойти дальше, и вообще отменить алиментные выплаты, поскольку есть шанс, что мужчины выплачивают их не своим биологическим детям. Другой алиментщик высказывается более категорично: «Мужчина используется как дойная корова для воспитания чужого ребенка, который рожден совершенно от другого мужчины»³⁴⁶.

Представления о том, что мужчины платят алименты «чужим» детям, были распространены в письмах меньше, чем риторика нерационального использования алиментов матерью ребенка. Об этом писали в коллективном письме рабочие завода Углеуральска (19 подписей): «Есть необходимость пересмотра уплаты алиментов. Это вызвано во-первых тем, что мы свидетели «вольготной жизни» тех особ которые так свободно получают 25 или 50% злоупотребляя, этим самым обогащаются...отец первой семьи плотит элементы при наличии у него второй семьи 6 душ. Отрывая кусок хлеба от 4 детей он плотит особе которая прекрасно устроила вторую себе жизнь, сама работает, безусловно такая семья будет обогащаться за счет несправедливых

³⁴⁵ Там же. Л. 102–103.

³⁴⁶ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 448. Л. 53–54. (1962)

отчислений»³⁴⁷. Как правило, выражения «обогащение» и «прекрасно устроила жизнь» были лишь способом намекнуть на «нетрудовую» жизнь, которая противоречила советским идеологическим установкам.

Аналогичные мысли высказывал автор другого письма, член КПСС Талашкевич: «...забирают детей и уходят от мужей, надеясь на алименты, которых во многих случаях хватает не только на содержание детей и на роскошную жизнь ушедшим. Дети попавшие на воспитание к таким матерям как правило ведут безнадзорный образ жизни. Передала ребенка своим молодым родителям а сама начала гастролировать, предварительно охлопотав алименты»³⁴⁸. Автор подчеркивает не только «роскошную жизнь» бывших жен, но и делится своей обеспокоенностью судьбой детей и их моральным обликом.

Тема «недостойного» поведения матери ребенка звучала в разных интерпретациях: «Многие женщины злоупотребляют тем, что получают большие суммы на ребенка. Всю сумму денег на ребенка не расходуют, не работают, ведут разгульный непристойный образ жизни... мы считаем, что 30 рублей вполне достаточная сумма для воспитания ребенка»³⁴⁹; «чаще мать присваивает себе деньги, выдаваемые на ребенка»³⁵⁰.

Иногда отцы мотивировали свое нежелание выплачивать алименты «недостойным» поведением не бывших жен, а детей, ссылаясь на то, что подростки не соответствуют стандартам воспитания и не следуют отцовской воле: «Мой сын – Юрий – ученик ремесленного училища, стал частенько появляется домой в нетрезвом виде. Продолжительные беседы с сыном результатов не дали. Чтобы уйти из под опеки отца, сын перешел в общежитие ремесленного училища. Суд обязал меня платить ему алименты. Нельзя допустить, чтобы формально прикрываясь законом, такие как мой сын жили бы за счет родителей на широкую ногу! И опять закон на стороне сына.

³⁴⁷ Там же. Оп. 45а. Д. 232. Л. 10–11. (1953)

³⁴⁸ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218. Л. 120–121. (1956)

³⁴⁹ ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71. Л. 107. (1958)

³⁵⁰ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218. Л. 87. (1956)

Разве это справедливо? Этим самым принижается и роль отца как воспитателя»³⁵¹. По мнению автора, если подросток не поддается «воспитанию», то он и не может рассчитывать на алименты.

В редакцию газеты «Труд» поступило письмо от рабочего Людвинского ремонтно–механического завода, в котором примечательна не только антиалиментная и антиразводная риторика, но и представления о «настоящем» отцовстве: «При коммунистическом обществе не должно быть места разводам. Нужно прямо сказать, что женщин слишком побаловали существующие Советские законы об алиментах. Суды, нужно прямо сказать, еще либерально относятся к этому, подала женщина на алименты, ну и получай... Не буду с тобой больше жить, заявила она, мол я техник, найду себе лучше, и попала на алименты, и суд удовлетворил ее просьбу. Она получает алименты, нашла себе другого мужа, но дочери это уже не отец»³⁵². История, рассказанная в письме, скорее вызывает симпатию (женщина вышла замуж второй раз, новый муж стал хорошим отчимом для ее дочери), однако у автора она вызывает неприятие, поскольку это «ненормальная» семья, и отчим «не отец». Речь не идет о чувствах родного отца девочки, нет упоминания про его желание общаться с ней. С точки зрения этого рабочего (как и многих других авторов) «настоящее» отцовство может быть только биологическим, при этом реализуется лишь в браке.

Существовала группа женщин, чьи взгляды на проблему алиментов совпадали с мужскими. Это жёны «алиментчиков» – женщины, создавшие семьи с мужчинами, уже имеющими детей от предыдущего брака: «Кроме того, мы вынуждены содержать няню, которая нам обходится 500 руб. По сути дела двое наших детей на моём собственном горбу. И я, получая приличную зарплату, не могу купить то, что мне нужно. Работаю 15 лет и не могу купить зимнее пальто. Приходится даже в кино ходить в форме, которую я имею счастье носить. Почему я должна содержать 2х детей, а та женщина, которая не сумела

³⁵¹ Там же. Д. 272. Л. 79–80. (1959)

³⁵² Там же. Д. 295. Л. 120.

жить с мужем по своей вине, по сути дела уселась на горб мужа вместе со своим выводком»³⁵³. В коллективном письме от работниц новосибирской трикотажной фабрики используются такие же аргументы: «Существующий закон об алиментах мы, работницы Новосибирской трикотажной фабрики, считаем совершенно несправедливым. Он приносит много бед и лишений в советскую семью. По существующему закону получается, что незаконнорожденный ребенок обеспечен всем, а дети, находящиеся у алиментщика, влчат жалкое существование. Мы об этом написали в газету, так нам ответили «что бросьте заниматься арифметикой, обязан платить и все, не нужно обманывать женщину». Кто из них кого обманул, судите сами, т.к. она инженер, имеет 4 класса образования. Исчисление алиментов производить не из полной зарплаты, а из 50%, кормилец семьи должен быть все же обеспечен»³⁵⁴. Характерно, что раздражение этих жен и матерей было направлено против женщин, а не против мужчин, вынужденных выполнять свой долг «кормильца» не на сто процентов, отдавая часть зарплаты на содержание ребенка от предыдущего брака.

В письмах женщин, поддерживающих снижение размера алиментных выплат или вообще их упразднение, также упоминается проблема «законности» и «справедливости» алиментов. С точки зрения этих авторов, до текущего брака с ними самими отношения мужчин были «случайными», независимо от длительности и юридического статуса: «Я как мать двух детей, на отца которых удерживают 25% зарплаты на содержание ребенка от случайной связи, прошу вас навести справедливость в законе об опеке детей. Неужели мои дети будут сыты только наличием отца, т.е. посмотрят на него и сразу станут сыты и одеты. Содержание ребенка от случайного брака целиком переложили на плечи отца. Предположим на содержание ребенка нужно 400–500 рублей, 200–250 становить с отца. Остальное пусть мать обеспечивает, т.е. половину на половину. Вычитать же 25% – это очень несправедливо для тех детей, которые живут с отцом. Нельзя же этих детей совсем лишать

³⁵³ Там же. Л. 31–32.

³⁵⁴ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 229. Л. 45. (1950)

помощи отцов, где же тогда человеческая мораль?»³⁵⁵. Письмо, написанное от лица «школьницы», завершалось следующими словами: «Тов. Маленков! Вот Вы уголовников амнистировали, так осчастливьте миллионы семей, отмените алименты случайных детей женщин–проституток³⁵⁶. Можно заметить, что женщины, в противовес господствующему дискурсу о том, что наличие отца в семье важно само по себе, подчеркивают, что они также подвергаются экономической дискриминации, будучи «законными» женами (хотя это не значит, что они на тот момент находились в зарегистрированном браке).

Если выслушать мнение «противоположной стороны», то есть бывших жен алиментщиков, якобы «живущих в роскоши», то можно увидеть другую картину: женщины, воспитывающие детей после развода и получающие 25% от зарплаты отца на ребенка не всегда могли получить эти алименты, или же получали меньше, чем им полагалось.

Даже в том случае, если брак был зарегистрирован, у мужчин были способы уклониться от алиментной обязанности: «Как только исполнительный лист поступает на его работу, он быстро увольняется. Затем по несколько месяцев не отвечает на повестки–приглашения судебных исполнителей. После многих мучительных месяцев поиска узнают место его работы, и все начинается сначала, то есть он вновь увольняется»³⁵⁷. Описывается и другой способ платить меньше: «Некоторые отцы бросают своих детей и чтобы не платить алименты они устраиваются на низкую оплачиваемую работу, а сами побочно зарабатывают деньги»³⁵⁸.

Однако, даже получаемые в полном объеме алименты не всегда были, как казалось авторам писем, суммой, достаточной для содержания ребенка. Дело, было не столько в финансовой нестабильности (хотя и в ней тоже), сколько в надеждах на то, что высокие алименты станут превентивной мерой против разводов: «Мое мнение 25% на одного ребёнка это очень мало и если

³⁵⁵ Там же. Оп. 45а. Д. 232. Л. 216. (1953)

³⁵⁶ Там же. Л. 2.

³⁵⁷ Там же. Оп. 45. Д. 459. Л. 193. (1965)

³⁵⁸ Там же. Л. 190.

отец низкооплачиваемый бросает ребёнка платит 25%, а потом заводит вторую семью появляются дети и там и то вот результат один ребёнок не живёт а существует и вторая семья тоже отживает вот тут надо подумать не лучше ли добавить, чтобы каждый отец который бросает детей платил бы на ребёнка 50%. Я воспитую сама, получая с мужа 277 руб. на двоих, сама я получаю 400 руб. Вы думаете я живу в достатке могу ли я побаловать своих детей игрушками или конфетами, да один раз в месяц и то недорогими»³⁵⁹; «просим Вас прибавить нам алименты на одного ребёнка 50% тогда они подумают, как жить им с другой семьёй»³⁶⁰.

Алименты иногда воспринимались как наказание отцу за его уход из семьи, поэтому неудивительно, что многие женщины считали что 25% – это недостаточная мера: «Отец, который бросил свою семью и детей, и женится и женится сколько он хочет ссылаясь что первая жена его ему не по характеру и т.д. И дети из за него несут нещету и отец их занимается разгульной жизнью и развратом разрешите нам вышеуказанным лицам внести свои предложения для тех отцов которые нещадят своих детей и бросают свои семьи для того чтобы они небыли такими свободными и не женились сколько они хотят, а воспитывали своих детей 1. Взыскивать на одного ребенка не 25% а 40% на двоих не 33% а 60% и на 3–5 не 50% а 75% 2. ...строго не увольнять его с того производства куда поступит исполнительный лист 3. Привлекается к уголовной ответственности судить его сроком лишения свободы после суда посылать его в лагеря для отбытия наказания на такую работу чтобы работал и обрабатывал себя и свои алименты»³⁶¹. В коллективном письме женщины призывают более радикально наказывать мужчин, которые их оставили: «Если просят развода и бросают детей, уклоняются от уплаты алиментов, то таким отцам не развод, а засылать их чтобы они работали, не видели кроме

³⁵⁹ ГА РФ. Ф 7523. Оп. 45а. Д. 232. Л. 74. (1953)

³⁶⁰ Там же. Л. 160.

³⁶¹ Там же. Оп. 45а. Д. 229. Л. 143. (1951)

неба и земли ничего и чтобы почувствовали....а то уже распустились до невозможности, стыд позор какой»³⁶².

Проблемы выплат алиментов женщины поднимали и в процессе обсуждения Кодекса о браке и семье. «Мой муж...не хочет, чтобы его дочь Светлана закончила среднюю школу, – объясняла свою семейную ситуация автор одного из писем. – Кавелин говорит так: какое мне дело, ей 18 лет, поэтому пусть идет работает, у меня есть другая семья»³⁶³. Очевидно, муж женщины, написавшей письмо, выплачивал алименты дочери до 18 лет, однако после того, как она стала совершеннолетней, перестал ее материально поддерживать, несмотря на то, что эта девушка все еще была школьницей.

Характерно, что в числе тех, кто ратовал за повышение алиментных выплат и за право женщин требовать алименты от мужчин и вне рамок зарегистрированного брака, были как мужчины, так и замужние женщины, которые были счастливы в браке. Это показывает, что такие мнения в советском обществе циркулировали не только среди матерей–одинок, но и среди граждан, которые не столкнулись с этой проблемой лицом к лицу, однако считали «справедливым» отцовскую материальную поддержку для всех детей. Так, женщина, написавшая письмо в «Литературную газету» в поддержку матерей–одинок, сообщила о себе: «замужем, имею дочь восьми лет законороженную»³⁶⁴. Среди мужчин–авторов было также немало поборников строгой семейной морали, которые осуждали безответственность других мужчин.

Как правило, мужчины, высказывавшиеся за ужесточение алиментного законодательства, выступали с позиции «семьянина», «ответственного мужчины», «старшего и опытного отца»: «Я отец семейства, знаю многих девушек...Я считаю и прошу Вас в кодексе следует сделать корректив, нужно часть хлопот возложить за воспитание ребенка и на молодого человека, посему это он «наблудил», а государство должно за него платить матери на

³⁶² Там же. Оп. 45. Д. 445. Л. 2–3. (1961)

³⁶³ Там же. Д. 459 Л. 288. (1965)

³⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 488. Л. 59. (1962)

кормление ребенка, пусть он платит алименты»³⁶⁵. Или, как полагал старый колхозник, алименты должны составлять не 25% заработка, а 57% или даже 100%: «тем самым уменьшим такую распущенность»³⁶⁶.

Другой категорией мужчин, отстаивающих право женщин на получение алиментов, были местные представители власти, люди из местных судов или рабочие высшего разряда, у которых в подчинении были другие рабочие: «Возложить воспитание детей, родившихся от незарегистрированного брака у одиноких матерей, на отцов этих детей, ибо мы считаем неправильным, когда этих детей воспитывает мать и государство, оказывая матери денежную помощь, а отец стоит в стороне от этого воспитания. И с принятием такого решения прекратить выдачу государственного пособия, предоставив матери право на получение алиментов с отца ребенка»³⁶⁷; «вот работница Киселева муж уехал из Камчатки не знай куда ищет его а (из) соответствующих органов как только находятся он переменяет местожительство и 4й год не может получить алименты. За 4 года переходил с места 6 раз. Кроме 12 чел. которые можна считать платят алименты, имеются работницы 8 женщин без мужчины мужа которых уехали не знают куда. Женщины без условий с детьми. Однажды я поинтересовался с таким вопросом рабочих я хорошо знаю мужчины 60 человек из них 26 человек живут не с первыми женами. Поэтому прошу Правительство алименты размер увеличить до 70%Трудящийся который уже платит алименты немог бы выехать на другое место жительство без согласия жены кормящих детей»³⁶⁸.

Неизвестно, являются ли авторы этих писем отцами сами, однако их мнение по вопросу об алиментах и «материальной ответственности мужчин» сложилось на основе наблюдения за окружающими, за коллегами, знакомыми. Обращения, написанные на основе личного опыта, более сложные и противоречивые. В их числе письмо в ЦК КПСС от мужчины,

³⁶⁵ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 448. Л. 285. (1962)

³⁶⁶ Там же. Оп. 45а. Д. 229. Л. 158. (1951)

³⁶⁷ Там же. Л. 59.

³⁶⁸ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 231. Л. 117–118. (1951)

который, женившись «как честный человек» на забеременевшей от него девушке, был потрясен тем, что она вскоре развелась с ним и подала на алименты: «Я сам в 1955 году имел такую же связь. Будущая моя жена потребовала, чтобы мы расписались, чтобы ребенок имел законное имя. Брак был зарегистрирован. Так вот теперь и объясните мне, пожалуйста, какая разница между мною – если я зарегистрировал своего ребенка (хоть и не живу с нею) и меня называют дураком, простофилей и т.д. – и тем, кто не регистрировал и живет себе припеваючи. Так чем же он, черт побери, лучше меня? Тем, что оказался тогда подлецом и живет теперь спокойно, что ему говорят, что он мудака и прочее? Нет. Он живет, как все. Ест! Пьет! А этих «одиноких отцов», не платящих алименты, нужно какими-о мерами принуждать платить»³⁶⁹. Автор отделяет себя от алиментщиков и от «подлецов», которые, по его мнению, заслужили алименты, а он лишь «пал жертвой» обмана женщины. Несмотря на то, что этот мужчина выплачивает деньги на содержание своего родного ребенка, и на этом их общение исчерпывается, он обличает других отцов-алиментщиков, не желая ассоциироваться с ними: «Среди таких детей ребенок алиментщика переживает стыд, боль и обиду по отношению к незадачливому родителю. Эти чувства тормозят нормальное, здоровое, нравственное развитие лиц, уклоняющихся злостно от уплаты алиментов и меняющих адреса. ... Лишать по суду права проживания в других местностях на определенный срок»³⁷⁰. Вероятно, мотивацией письма было не столько негодование по поводу «злостных неплательщиков» или поддержка матерей-одиночек, сколько осознание того, что другие мужчины, в отличие от него, не стали брать на себя юридическую и экономическую ответственность за ребенка, и теперь «живут припеваючи». Осуждая других отцов, которые бросают своих детей, сам автор никак не позиционирует себя в письме как отца и не говорит ничего о чувствах к своему ребенку.

³⁶⁹ Там же. Оп. 45. Д. 272. Л. 99–102. (1959)

³⁷⁰ Там же.

В дискуссию об отцовской ответственности перед детьми включались и представители старшего поколения. Так, в письме из Краснодара мужчина рассказывает историю о том, как другой отец отговорил своего сына жениться на беременной дочери автора: «Само собой разумеется, что в данном случае люди да и мы, как родители, убеждаем Лену примириться со своим позорнейшим положением девушки–матери–одиночки и спокойно воспитывать своего сына–безбатченка»³⁷¹. Отец матери–одиночки и дед внука–«безотцовщины» в полной мере осознавал степень дискриминации незамужней матери и ее ребенка, поэтому он выступал за назначение алиментов фактическому отцу.

В процитированном выше письме замужней женщины с «законно-рожденной» дочерью отмечается: «Кого защищает указ 8 июля 1944 г.? Ребенка? Мать? Нет. Он защищает отца. А встречали вы отца–одиночку? В любых случаях ребенок остается при матери... Меня возмущает, что за все несет ответственность только женщина»³⁷². Действительно, реальность 1950–1960–х гг. состояла в том, что женщина оставалась с ребенком по завершению как фактического сожительства, так и зарегистрированного брака, и явление «отец–одиночка» действительно выглядело как нонсенс.

Но были и исключения. Одно из писем, написанных мужчиной, было посвящено проблеме взимания алиментов с матери, когда дети остались с ним: «Общий мотив: алиментщики и алиментщицы часто скрываются от алиментов. Поиски бывают пассивны. Пример: бывшая жена – ныне Ковалева Александра Семеновна с 1/6 –1950 г. не платит алименты. В конце августа 1950 г. она прислала письмо, что приедет во Владивосток и будет выполнять свои обязанности перед детьми. Но это был маневр. Она скрылась. Мы нажили троих детей... Дети все время находятся у меня. Ей присудили девочку Олю 1940 г. рождения, но она после суда отказалась от нее, отдав мне ее под расписку. В 1948 году Ковалеву суд обязал платить алименты. Из 6 лет и

³⁷¹ Там же. Оп. 45а. Д. 232. Л. 318–326.

³⁷² РГАЛИ.Ф. 634. Оп. 5. Д. 488. Л. 59.

3 мес она платила алименты 2 г и 3 месяца принудительно. А придет время, будет требовать алименты с детей... Напряжение большое материально – плохо, детей надо учить»³⁷³. Жена оставила автора с тремя детьми, но после развода вела маргинальный образ жизни, поэтому детей отдали отцу. Поэтому бывший муж настаивает на том, что поиски "алиментщиков и алиментщиц» нужно проводить строже и тщательнее. Стоит также обратить внимание на последнее предложение («напряжение большое материально – плохо, детей надо учить»), которое по проблематике, риторике и даже лексике повторяет сотни и тысячи писем женщин, воспитывающих детей в одиночку и жалующихся на отсутствие материальной поддержки от второго родителя.

2.4. Репрезентация норм и девиаций отцовства

Формирование представлений о советском отцовстве в 1950–1960–е гг. было частью целевого государственного проекта по воспитанию коммунистической личности. «Моральный кодекс строителя коммунизма» (1961 г.) помимо общих принципов касался сферы семейных отношений – в нем говорилось о взаимном уважении в семье и заботе о воспитании детей ³⁷⁴. «Строитель коммунизма» – это семейный человек, у которого есть дети. Женщины и мужчины наравне работают, «строят коммунизм» и воспитывают совместных детей. «Советский отец» трудится на благо страны, а также ради своей семьи, ему полагалось быть трудолюбивым коллективистом, который работал не ради денег или карьеры, а в силу своих высоких моральных качеств. Идеальный социальный портрет взрослого советского мужчины включал в себя, таким образом, отцовство, и, соответственно, советский отец должен был воплощать в себе все качества «строителя коммунизма».

Вместе с тем позитивный образ отца был довольно расплывчатым и абстрактным, его конкретизация строилась нередко по принципу «от

³⁷³ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 229. Л. 46–48. (1950)

³⁷⁴ Программа Коммунистической партии. Принята XXII съездом КПСС. М., 1974. С. 119–120.

противного» – «хороший отец» рассматривался как противоположность «плохому». Это наиболее наглядно демонстрируют материалы советской периодической печати.

В одной из публикаций «Литературной газеты» 1953 г. был представлен в обобщенном виде набор характеристик «плохого» отца: «Отец нарушил моральные нормы нашего общества...борьбу против *отцов–беглецов* надо вести активнее...Нельзя оставлять безнаказанными отцов, которые обзаводятся несколькими семьями, отцов–ханов...папаша–беглец (которого не осуждают на работе, а только поддерживают)...*отец–дебошир, отец–пьяница*»³⁷⁵. Исходя из этого можно условно выделить две большие категории отцов, которые с точки зрения современников не вписывались в советский канон: это отцы, которые оставляли свою жену детей, уходили в другую семью, мужчины, которые вели девиантный образ жизни, связанный с пьянством и нарушением закона. В первом случае речь идет о специфике 1950–1960–х гг., когда семейное законодательство еще не признавало внебрачное отцовство, поэтому социальный контроль за ответственным поведением мужчин в семье и по отношению к детям обеспечивался главным образом через механизмы общественного морально–нравственного воздействия. Во втором случае маргинальность отцов обусловлена не столько их семейным статусом, сколько асоциальным образом жизни и поведения.

Тема отцовского воспитания, которая обсуждалась и в «Литературной газете» (особенно в середине 1950–х гг.), и в «Работнице», в рамках рубрик «Семья и воспитание», часто возникала в контексте критики поведения мужчин, отказывающихся, «бегущих» от своих внебрачных детей. За ними закрепился особый маркер – «отцы–беглецы»: «Не вина ребенка, если отец счел за лучшее... отречься от отцовства за счет того, что брак не зарегистрирован... папаша–беглец чувствует неуязвимость»³⁷⁶; «прочерк в метриках...пришелся весьма по вкусу пошлякам и вертопрахам, порхающим от

³⁷⁵ От имени сына // Литературная газета. 1953. № 103. С. 2.

³⁷⁶ О детских метриках и разводах // Там же. 1958. № 131. С. 2.

одной любовной связи к другой, есть ведь такие! Их поведение не имеет ничего общего с законами коммунистической морали»³⁷⁷. Такие мужчины, безусловно осуждались и выводились за рамки советской нормы: «Тысячи и тысячи советских граждан рады усыновить чужих им ребяташек – сирот, а есть уроды, которые бросают на произвол судьбы роднокровного ребенка, отказываются от него и прикрываются, видите ли, параграфом закона!»³⁷⁸.

Резонансная тенденция осуждения мужчин, не несущих ответственности за свою семью, началась с публикаций Е. Серебровской. В уже упоминавшейся статье «Еще раз о метриках» отмечалось: «Сейчас отец отвечает только за семью зарегистрированную, хотя есть подлецы, которые и таких семей заводят не одну»³⁷⁹. Речь идет не о супружеских изменах, возмущение автора вызывает безответственность мужчин, их нежелание оставаться жить с одной семьей.

Тема отцовской безответственности затрагивалась на сессии Верховного Совета РСФСР, в контексте обсуждения нового семейного законодательства. В своем выступлении ивановская ткачиха Мелентьева замечает: «У нас в области, к сожалению, есть немало отцов, которые, покинув семью, не хотят выполнять свой родительский долг по воспитанию и содержанию детей»³⁸⁰. Мелентьева не уточняет, были ли эти мужчины в зарегистрированном или незарегистрированном браке, однако для всех присутствующих очевидно, что речь идет о неполных семьях.

Безответственность мужчин перед своей семьей рассматривается прежде всего с позиции вреда такого поведения для детей (и, реже, для женщин), и оценивается как пренебрежение коллективными ценностями. Так, на пятой сессии Верховного Совета РСФСР седьмого созыва заведующая хирургическим отделом свердловской городской больницы Виноградова критикует образ жизни советских мужчин–отцов: «Но вместе с тем следует заметить, что у нас еще многие родители, особенно отцы, забывают о том, что

³⁷⁷ Они не одиночки! // Работница. 1957. № 1. С. 15.

³⁷⁸ Там же

³⁷⁹ *Серебровская Е.* Еще раз о метриках // Литературная газета. 1956. № 67. С. 2.

³⁸⁰ ГА РФ Ф. 385. Оп. 26. Д. 335. Л. 154. (1968)

первый воспитатель ребенка – это семья. Однако, уместно заметить, что у нас еще очень медленно решаются такие вопросы как строительство домов отдыха и пансионатов, где бы женщина–мать смогла провести свой отпуск вместе с мужем и детьми. Как правило, прежде всего отдыхают мужья, малодушные, или незамужние женщины! И нередко отсюда начинается всякий разлад в семье»³⁸¹. Мужчины, не участвующие в жизни своей семьи, не вызывают доверия, хотя такое поведение было довольно распространенным. Нельзя также не отметить опасения спикера насчет возможности адюльтера женатых мужчин, которые могут самостоятельно распоряжаться своим личным временем и деньгами, например, уехать в дом отдыха, тогда как матери остаются дома с детьми.

Если женщин, воспитывающих детей в одиночку, публицистика поддерживала и призывала общество относиться к ним уважительно (или снисходительно), то отношение к мужчинам, которые оставляли женщину с ребенком, было исключительно негативным, их порицали довольно единодушно: «Общественное осуждение – большая сила, но в полную ли меру используется она, когда речь заходит о нарушении отцовского долга? Вместо гневного осуждения сочувственные улыбки или добродушные приятельские шутки – вот порой и все, что «терпит» от товарищей по работе такой папаша–беглец»³⁸². Среди обычных граждан осуждение мужчин, ведущих такой образ жизни сосуществовало с обвинениями в адрес матерей–одиночек, на которых перекладывалась ответственность и вина за появление на свет «незаконнорожденного» ребенка. «Да не только об отцах, бросающих своих детей по многим городам и селам, надо подумать как создать... нетерпимое мнение и о матерях–одиночках, легкомысленно поддающихся пошлякам», – писал в редакцию газеты «Правда» директор детского дома из Белгородской области. – «Потомство от таких отцов и детей изранено со дня рождения, дети этаких родителей морально не устойчивые...и большинство

³⁸¹ Там же. Л. 136–137.

³⁸² От имени сына (письмо читательницы) // Литературная газета. 1954. № 103. С. 2.

могут следовать их примеру»³⁸³. Эта же мысль звучала со страниц «Литературной газеты»: «Осуждая вредных отцов–беглецов,... мы с не меньшим гневом осуждаем и женщин, забывших о своей чести, о материнском достоинстве»³⁸⁴.

Официальная позиция печатных изданий в СССР по инерции с 1930–х годов осуждала алиментщиков, поскольку первой ассоциацией с этим словом были «неплательщики алиментов»; «Литературная газета» демонстрирует готовность продолжить обсуждение темы. По сравнению с более ранним периодом освещение темы алиментов и алиментщиков в 1950–1960–е гг. претерпевает изменения. Если раньше в газетах и журналах писали только про злых неплательщиков, то теперь в поле зрения публицистов попадают и проблемы семейных мужчин, добросовестно платящих алименты. Фокус внимания по–прежнему сосредоточен на потребностях детей, в данном случае на потребностях детей от второго брака. Так, читательница, живущая с мужчиной–алиментщиком, отмечает несправедливость положения, когда мужчина вынужден платить алименты и одновременно содержать детей от текущего брака. На этот вопрос ответил один из экспертов комиссии по принятию кодекса, юрист Свердлов. Он признал непропорциональность выплат на детей от первой и второй семьи, однако такое положение видится ему справедливым: «Не надо, впрочем, преувеличивать само противоречие, как это делает Н. Ж. Надо считаться с повышенными трудностями для матери, воспитывающей ребенка без отца: уменьшение же бюджета семьи, в которой муж платит алименты, в немалой степени компенсируется тем, что в этой семье есть и отец, и мать»³⁸⁵. Следовательно, алименты являются замещением и компенсацией отцовского участия в жизни ребенка, акцент ставится на кровном родстве, неспособности отчима заменить «настоящего» отца.

³⁸³ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 272. Л. 15–17. (1959)

³⁸⁴ Соколов В. Слушается дело о разводе // Литературная газета. 1953. № 134. С. 2.

³⁸⁵ Свердлов Г.М. Справедливо ли это? (Ответ читательнице) // Правда. 1964. № 88. 2 апреля. С.2.

В восприятии современников в 1950–1960–е гг. отчим зачастую являлся или фигурой умолчания (его называют не «отчим», а, чаще всего, новый муж женщины с ребенком), или же в отношении него существовали многочисленные предубеждения. Хорошее отношение отчима к пасынку или падчерице нередко выглядело подозрительным и потенциально опасным, как и все, что было связано с разводом и повторным браком: «(второй) брак не принесет счастья: престарелый отчим, к тому же пьющий, старается любовь и авторитет купить подачками, которые часто толкают ребенка на легкую добычу, а затем и на целые преступления»³⁸⁶. Примечательно, что женщина, написавшая это письмо, помимо акцента на отцовской мягкости, дополняет негативный портрет отчима «пьянством».

В публицистике мы не сталкиваемся с такой последовательной и жесткой критикой отцов, как в письмах. Безусловно, критические статьи, посвященные проблематике отцовства, существовали, однако тема девиантного поведения отцов, связанного с пьянством и домашним насилием, появлялась на страницах периодической печати не так уж часто. В 1950–1960–е гг. общество больше волновали проблемы, связанные с уходом отцов из семей или же неконвенциональным отцовством. Домашнее насилие, как было замечено выше, получало амбивалентные трактовки, порой грань между воспитанием и насилием как методом «воспитания» стиралась. Исключения составляли лишь случаи домашнего насилия со стороны отцов, совершенные в состоянии опьянения.

Тема мужского пьянства поднималась, как правило, тоже в контексте семейного воспитания (поэтому используется слово «отец», а не просто «мужчина»): «Отец...выломал дверь...Отец девочки – пьяница, который нередко бьет дочь и жену»³⁸⁷; «дети, плача, умоляли отца не пить, снимали с него грязную одежду и обувь»³⁸⁸; «отец явился в детский дом пьяным и

³⁸⁶ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 448. Л. 2–3. (1962)

³⁸⁷ Рысс Е. Происшествие в шестом классе // Литературная газета. 1955. № 6. С. 2.

³⁸⁸ Нейман Е. От имени матери // Литературная газета. 1955. № 43. С. 2.

заявил: не отдам Кольку! Бывало, я в пивной и он со мной...»³⁸⁹; «когда мы идем домой к неблагополучному ребенку, то нередко узнаем: в доме часто ссорятся родители, отец покинул семью, или начал пить... Отец жестоко избил дочь, которую встретил с молодым человеком»³⁹⁰. Алкоголизм отцов однозначно оценивается как фактор, мешающий нормальной жизни семьи и воспитанию детей. В публицистике пьющие отцы – это социальное дно, авторам важно вызвать отвращение и осуждение у читателей.

В публицистике отмечаются вместе с тем случаи, когда пьянство отцов носит полускрытый характер: «А пьяницы эти, поди, все еще думают, что сохраняют права отцовства и могут сказать «А что? уму–разуму учу, за плохие оценки взыскиваю, кормлю, одеваю, обуваю. И не отец?» Не отец. Такие – не отцы, потому что от них не примут дети даже справедливой науки»³⁹¹. В этом случае «дурное влияние» усиливается отсутствием «сильной руки»: такой отец – плохой пример для подражания не только в силу пьянства, но и потому, что он транслирует сыну немаскулинную модель поведения («слабый» отец).

Пьянство как порок нередко выступает в контексте осуждения «жизни в удовольствии». «Большое поощрение отцам женяца по 5 рас все 24 удовольствия принимают и ребят воспитывать надо *пьют вино не просыпаясь...*», – жаловались женщины в коллективном письме³⁹². Пьянство во многих кейсах, описанных авторами, никак не влияет ни на здоровье мужчины, ни на его социализацию: «...здравствует и *пьянствует*, живя за счет своих жен отец, и нагло и цинично заявляет, что теперь государство и о нас позаботилось, мой муж, продавшийся после войны устаревшей и уцелевшей княжне с остатками прежней роскоши, по убеждению – сутинер и лежебок, получивший по ошибке партийный билет»³⁹³.

³⁸⁹ Родители живы, дети–сироты // Литературная газета. 1958. № 88. С.2.

³⁹⁰ *Костяшкин Э.* Не ремнем, а словом // Работница. 1963. № 3. С. 14–15.

³⁹¹ *Николаева Л.* Бездетные отцы // Работница. 1968. № 11. С. 22–23.

³⁹² ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 446. Л. 312–313.(1962)

³⁹³ ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71. Л. 83 – 89. (1958)

Пьянство – важный штрих к портрету «отца–подлеца», который получает весь спектр удовольствий, и один «порок» следует за другим: «А он знает только *выпить*. Дом что жила семья он вынудил ее уйти а дом продать. Детям и жене ничего не дал и уехал на курорт с другой женщиной»³⁹⁴. Здесь и эгоизм, и «распутство», и любовь к алкоголю, и, что возмущает автора письма, такое поведение сходит отцам с рук.

Пьянство отождествлялось с некоторой степенью свободы: «Дали им полную *волю* жить, водку пить, в каждом городе оставишь жену и страдалиц–детей»³⁹⁵; «...а муж как правило это время обретается у пивного ларька, получки они *пропивают*, при детях выражаются, учиняют драки, они ведут так сказать *свободный образ жизни*»³⁹⁶. Сексуальная свобода ассоциировалась со свободой вообще, в том числе, свободным доступом к алкоголю. Примечательно, что понятие «свобода» отождествляется с негативными явлениями – из–за нее страдают дети и сами женщины.

Кроме того, «свобода» приравнивалась к «легкомыслию», следовательно, противоположностью свободе была «ответственность» и «серьезность намерений»: «Матери детей просили создать закон и для этих легкомысленных отцов, чтобы они не чувствовали себя очень свободными... отец уже ходит по–прежнему в парк и чувствует себя свободным парнем»³⁹⁷.

Женщины практически не упоминают случаи пьянства мужей в семье, за исключением фактов, преданных общественной огласке: «...я четыре года мучаюсь с мужем терпя его пьянки, оставить его я могла давно, но билась за отца ребенка, а его нет»³⁹⁸; «До сих пор нет закона, который бы наказывал людей за то, что они позволяют вмешиваться в чужие семьи и отнимать у детей отцов, у жен мужей...Избивал меня, стал плохо относиться к детям, домой приходил пьяным, устраивал скандал. Сбежал от нас, оставил меня с 3

³⁹⁴ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 455. Л. 170–171. (1965)

³⁹⁵ Там же. Л.14.

³⁹⁶ Там же. Д. 458. Л. 263. (1965)

³⁹⁷ Там же. Д. 448. Л. 209–210. (1962)

³⁹⁸ Там же. Д. 447. Л. 10–11. (1959)

детьми без копейки денег...6-летнего сына оставил на улице ночью, ничего ему не сказал. Я его просила неоднократно бросить и наладить снова семью. Ведь трое детей его нуждаются в отце...Присудили мне 50% алиментов на детей, а ведь дело не в этом. Почему мои дети должны страдать от того, что она дожила до 40 лет, а свою жизнь не устроила?»³⁹⁹. В последнем примере можно отметить тенденцию, характерную для писем 1950-х годов – желание оправдать отца, удержать его в семье, несмотря ни на что, даже несмотря на его девиантное поведение.

На основании писем можно реконструировать собирательный образ «отца-подлеца». Это мужчина, который не только не занимается воспитанием детей, но и вовсе не живет в семье. И оттого, что он не живет с детьми, ему не приходится тратить на них деньги, и тратит их он исключительно на себя. А поскольку он «живет в свое удовольствие», то все его увлечения – порочные и недостойные советского гражданина. В число таких «пороков» входят, по мнению авторов, «разврат», «праздность», «чревоугодие и пьянство», однако, эти понятия условны, и каждый автор вкладывает в эти слова свои смыслы.

Частой характеристикой девиантных отцов, по мнению авторов «писем во власть», является порочный гедонизм, который не согласуется ни с общепринятыми нормами поведения, ни с тем бедственным положением, в котором находится их брошенная семья. В отношении таких мужчин в письмах зачастую использовалась устойчивая фраза «отцы-подлецы» и многочисленные производные. Ключевой характеристикой является социальная и моральная безответственность мужчины, которая никак не пресекалась законом, но в обществе осуждалась, особенно женщинами. Перед мужчиной стоял нравственный выбор – взять на себя ответственность за своего ребенка и помогать материально или отказаться от всех обязательств перед ним. Поэтому женщины писали о «подлости» – видимо, все зависело от конкретного мужчины и его решения, поэтому слово

³⁹⁹ Там же.

«подлец» используется в значении «обманщик, способный на вероломство». Однако, несмотря на то, что «отец–подлец» – это очень расхожая формула, детали этого негативного образа различаются в зависимости от личного опыта автора письма.

Если для женщин было важным обозначить мужчину как «отца», то «отец–подлец» – это, с одной стороны, характеристика и мужчины как человека, и мужчины как отца. Эта модель, по их мнению, противоречила образу советского отца, а следовательно – и их представлениям о гегемонной маскулинности. «Отец–подлец» является антигероем, «анти–отцом» как раз потому, что его нравственность не соответствует тем моральным качествам, которыми в идеале должен обладать строитель коммунизма. «Советский мужчина» – это почти всегда формально отец, гетеросексуальный и имеющий детей, за которых он несет ответственность в том или ином виде, хотя порой эта ответственность является весьма формальной.

Представления об «отцах–подлецах» менялись с течением времени. Вот, например, высказывание Паршиной в 1956 г.: «Отец–подлец совсем не несет ответственности. Вся ответственность и трудность воспитания нормального развития легла на мать... Маленькая просьба одиноких матерей не причинит беспокойства «отцам», и если в свидетельстве будет записано имя и фамилия отца, но будет сделана приписка, что ребенок от незарегистрированного брака, все матери скажут спасибо»⁴⁰⁰. Из письма пенсионерки Захаровой (1956 г.): «...люди оскорбляют их безотцовщиной, нагулянными... а отцы этих детей – подлецы»⁴⁰¹. В 1962 г. в коллективном женском письме уже не так четко определен семейный статус «подлецов»: «Нужен закон, закон об отцах– подлецах, которые под разными предлогами, ради легкой жизни для себя, не считаясь ни с чем, бросают детей, ломают им жизнь»⁴⁰².

⁴⁰⁰ Там же. Д. 218. Л. 179. (1956)

⁴⁰¹ ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71. Л. 65–73. (1958)

⁴⁰² ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 446. Л. 50. (1962)

В письмах 1965 г. речь уже идет и о семейных мужчинах: «Правдой и неправдой он старается отделаться от ребенка. Имеет семью, счастлив, и одновременно – подлец, негодяй»⁴⁰³; «Моряки... теряют детей, а дети в свою очередь отцов. Проходит много лет, ребенок начинает жаловаться, что он хотел отца, а отец оказался подлецом, отделялся одними алиментами»⁴⁰⁴. Если в 1956 г. выражение «отец – подлец» обозначало мужчину, который оставлял женщину с ребенком, то к 1965 году это понятие размывается: теперь «подлец» – это тот, кто лишь платит алименты, но не воспитывает ребенка. Можно предположить, что к 1965 г. роль отца в семье возрастает, и поэтому критика обрушивается на тех мужчин, которых в 1956 г. не стали бы называть «подлецами». От отцов требуется большее присутствие в семье, большее внимания к детям, и если раньше материальная помощь отца считалась привилегией, особым случаем, то теперь ее воспринимают как должное. Безусловно, все письма индивидуальны, как и жизненный опыт женщин, которые их писали, однако, имеется достаточное количество писем, чтобы говорить о том, что существовала тенденция к трансформации представлений об «отцах–подлецах», и этот взгляд становится все более критическим.

У понятия «отец–подлец» было узкое и широкое значение. Оно маркировало мужчину, который был биологическим отцом, но не нес ни формальной, ни неформальной ответственности за детей. Такой «отец–подлец» вписывается в конфигурацию семейных отношений, состоящей также из матери–одиночки и ребенка–«безотцовщины». В более широком значении – это «девиантный» отец, мужчина, который может быть как в официальном браке, так и состоять в неформальных отношениях, его отличают два признака: он имеет детей, но не живет в семье и не помогает женщине в воспитании ребенка.

⁴⁰³ Там же. Д. 459. Л. 206–207. (1965)

⁴⁰⁴ Там же. Д. 456. Л. 189–201. (1963)

«Отец–подлец» – это мужчина, живущий в свое удовольствие: «Исковеркал жизнь мне и ребенку ради своих низменных *прихотей и забавы*, живет по своим скотским понятиям, но закон на его стороне, и он этим бравировует, вот, мол, какой я герой, кого хочешь объеду, я скользкий»⁴⁰⁵. Вновь возникает мотив безответственности, инфантилизма, который характеризует образ жизни отца, причем, как правило, вне семьи. «Жить в свое удовольствие» значило «жить для себя», а не для семьи, быть индивидуалистом, а не коллективистом. «Отец–подлец» сознательно шел против общепринятой морали и руководствовался собственными эгоистическими желаниями.

Под прицел критики попадали и «аморальные коммунисты»: мужчина мог быть ценным работником и уважаемым человеком в обществе, но в частной жизни вел себя недостойным образом. В письмах имена таких отцов редко назывались: авторы в контексте разработки нового законодательства стремились в первую очередь обозначить не личность, а явление.

Нерадивые отцы часто обвинялись в «разврате» и «распутстве». Примечательно, что эти понятия почти никогда не употреблялись в сексуальном значении («беспорядочные половые связи»), обычно речь шла только о том, что мужчина ушел к другой женщине, в другую семью. Однако, для «отцов» такое поведение считалось неприемлемым – уход мужчины из семьи обозначался как девиация, отклонение от образа «настоящего» отца. Возможно, слова «разврат» и «распутство» использовались для усиления эффекта, для того, чтобы продемонстрировать и моральное разложение таких отцов, и их дурное влияние на подрастающее поколение. «Решила обратиться к вам с просьбой по семейным обстоятельствам..., – писала в 1956 г. Галкина Нина Ворошилову. – Отцы с нами не живут а пошли на разврат к другим женщинам, а дети их чему учатся от своих отцов, да этому же *разврату*. Надежда на вас, чтобы вы дали указания мужчин наказывать и женщин тех, которые развращают семью, судить»⁴⁰⁶. Как можно заметить, здесь речь идет

⁴⁰⁵ Там же. Д. 448. Л. 130–131. (1962)

⁴⁰⁶ Там же. Д. 218. Л. 52. (1956)

даже не об оставлении семьи, а о супружеской неверности, за которую автор письма предлагает наказывать и отцов, и женщин. Они «развращают семью», но не разрушают ее, и хотя указано, что «отцы с нами не живут», для автора важно подчеркнуть именно тот факт, что уход отца из семьи негативно сказывается на морали детей.

Некоторые авторы подчеркивают, что отец, который бросает семью или заводит связи и детей на стороне, теряет человеческий облик. Таких мужчин нередко сравнивают с котами, или с мотыльками: «Государство вовсе не должно платить, обязан кормить ребенка отец. Закон о матерях–одиночках ведет к безответственности, моральной распущенности мужчин. Эдакий мартовский *мяука* на двух ногах бегаёт по земле русской, разбрасывая свое потомство»⁴⁰⁷; «Может быть и пришла пора *обрезать крылышки* этим любителям сметаны...любителям снимать пенки? ...У Государства много лишних денег, чтобы расплачиваться за этих *котов*»⁴⁰⁸; «...Различать отцов, которые порхают как *мотыльки* по цветам (о которых нередко пишут фельетоны) и людей, совершивших опрометчивый шаг в молодости»⁴⁰⁹. Эти метафоры дополняют уже прозвучавшие обвинения в «разврате», а также «праздности» и «безответственности». Аналогичные метафоричные характеристики используются в отношении не только мужчин, но и женщин: «...А жена, сдав детей в детские учреждения, как мать–одиночка, легко порхает бабочкой до следующего пристанища. Но женщине никто не дал права оставлять детей без отца»⁴¹⁰.

Иногда отцов идентифицируют лишь по их биологической функции: «Мать виновата, отец–подлец – *самец*, не больше, а как же ребенок виновен»⁴¹¹. В подобных высказываниях отсутствует указание на социальную роль отцовства, отец сводится к самцу, задача которого – лишь

⁴⁰⁷ Там же. Д. 456. Л.52–53. (1965)

⁴⁰⁸ Там же. Д. 459. Л. 106. (1965)

⁴⁰⁹ Там же. Д. 446. Л. 70–72. (1962)

⁴¹⁰ ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 42. Л. 25–29. (1957)

⁴¹¹ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 459. Л. 168. (1965)

воспроизводство населения. Встречались достаточно редкие определения отцов: «Государство огораживает подлость отцов, мол, безобразничайте, мы поможем 5 руб., яслями, садиком, а подлец будет кутить на эти деньги, на которые должен помогать воспитывать ребенка, вот от этого *снегирь* *посмеивается*»⁴¹².

Еще один мотив – унижение, насмешка «отца–подлеца» над матерью: «А отец ребенка, как настоящий *кот*, ходит, *ухмыляется*, и не принимает участия в воспитании ребенка»⁴¹³. «Подлость» ассоциируется с обманом, предательством. Немногие женщины признаются, что стали жертвой обманщика. Напрямую об этом говорит, например, лишь малограмотная Красильникова («...я уже пишу 2ое письмо его отец меня абманул и потому так получилось но я была очень здорова и думала до ращу»⁴¹⁴) или пенсионер Кудряшов («...отцы безнаказанно обманывают других женщин»⁴¹⁵).

По мнению авторов писем, «подлость» мужчины заключается в том, что он не стесняется своего образа жизни, не чувствует вины и даже бравивирует этим. В цитате выше используется слово «безобразничайте», можно предположить, что такая инфантилизирующая лексика, а также сравнения с животными, свидетельствуют о признании некоторой неосознанности действий «отцов–подлецов»: «...Сознательности нети преостановить *безобразника* нет закона»⁴¹⁶; «...воспитывать детей без помощи отца очень трудно... пусть какая–либо доля воспитания ложица и на отца... Наши мужья избаловались...хватит их распускать»⁴¹⁷; «Товарищ Ковригина, я обращаюсь к вам с этой просьбой, потому что такой жертвой являюсь не я одна, много женщин и девушек нашей страны и мы требуем зануздрить разболтавшихся мужей»⁴¹⁸; «...и надо учить мужчин а нераспускать просим нам в этом

⁴¹² Там же. Д. 455. Л. 138–145. (1965)

⁴¹³ Там же. Д. 459. Л. 204. (1965)

⁴¹⁴ ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71. Л. 126–127. (1958)

⁴¹⁵ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 446. Л. 150. (1962)

⁴¹⁶ Там же. Д. 455. Л. 150. (1965)

⁴¹⁷ ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71. Л. 55–56. (1958)

⁴¹⁸ Там же. Д. 13. Л. 10–17. (1956)

неотказать а только и видим слезы у женщины....а то мужчины совсем из баловались пожил ушел стой пожил к трети ушел и везде дети»⁴¹⁹.

«Избалованный взрослый ребенок» – образ мужчины, который «живет в собственное удовольствие» и упивается собственной безответственностью, хотя он является отцом. И, поскольку этот образ целиком смоделирован женщинами, можно отметить, что здесь важна не характеристика, а отношение к мужчине как проводнику чужой воли, жертве обстоятельств или плохого воспитания, в силу чего его вообще не стоит воспринимать серьезно.

Спорным является вопрос о том, в какой мере эти образы были призваны продемонстрировать, как «отец–подлец» лишается человеческого облика, а в какой – отчасти оправдывали его. С одной стороны, «отцы–подлецы» коварны и легкомысленны, они прекрасно осознают, что делают, однако, только лишь «посмеиваются» над страданиями женщин, которых они бросили с детьми. С другой стороны, это «взрослые дети», которые, несмотря на наличие собственных детей, уходят от ответственности и доставляют хлопоты женщинам не потому, что желают им и своим детям зла, а потому, что неразумны, и не вполне дееспособны, ведут себя не как взрослые мужчины. Поэтому им необходим более старший, более ответственный «отец» – власть или партия, которые возьмут на себя «воспитательную» функцию и помогут исправить ситуацию.

При обращении к теме «жизни в свое удовольствие» авторы наряду с другими пороками упоминают пьянство. Этот порок нередко употребляется как синоним «разврата»: «М. стал систематически пьянствовать и сожительствовать с другими женщинами. За время совместного проживания с ним у г–рки М. родился ребенок. Гр–н. М., занявшись *распутной* жизнью, бросил семью и уехал неизвестно куда, злостно уклоняясь от уплаты алиментов... М. вступила во второй брак, который оказался хорошим

⁴¹⁹ ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71. Л. 139.

семьянином и стал упорно и настойчиво добиваться прав на усыновление ребенка и регистрации брака»⁴²⁰.

Тема «распутного» поведения мужчины–отца популярна в «женских» письмах. В этих обращениях, как, например, в двух коллективных письмах женщин мурманского завода общее недовольство ситуацией рассматривается в контексте «недостойного» поведения отцов: «...Не делайте скандал а просим вас со слезами пусть они лутше будет они небудут такая *распущенные* пусть плотит и перерегистрирован»⁴²¹; «...очень распустили мужчин и очень много *разврату* очень хорошо мужчинам сделали а бедная женщина воспитывай как хочешь...чтобы опубликовали в газете чтобы мы знали такой закон чтоб мужчин опять плотил алименты как тогда ево ребенок будь добры и плоти а то год живет и 5 лет живет ушел и не зарегистрирован и все он покоен у нево нет никово а мать мучится да разводи несчату а поставьте такое постановление прожил год как муж и жена и есть свидетели и пусть плотит а то очень много *распущенье и разврата*»⁴²².

Другим пороком, который зачастую сопровождал «разврат», но иногда упоминался отдельно, была «праздность», как признак «жизни в свое удовольствие» («Мужчины, то есть отцы–подлецы наслаждаются, живут праздно, а ребенок впроголодь»). Против таких отцов предлагались конкретные меры: «Отец проходимец наживает *дома имущество* и нельзя взять детям нет закона отобрать. Женятся раз два три и все возможно, сознательности нет и преостановить безобразника нет закона. Да про нерадивых отцов...а нужно что–то полезное для таких разгельдяев предпринять. Если просят разводы и бросают детей уклоняются от уплаты алиментов, то таким отцам не развод а засылать их штобы они работали не видели кроме неба и земли ничего и чтобы почувствовали а то уже распустились до невозможности, стыд позор какой»⁴²³. Таким образом, в

⁴²⁰ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218. Л. 242–250. (1956)

⁴²¹ ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71. Л. 135. (1958)

⁴²² ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71. Л. 139.

⁴²³ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 445. Л. 2–3. (1962)

качестве наказания для нерадивых отцов предлагался тяжелый физический труд, а также выдвигалось предложение отобрать у них имущество и передать его детям, то есть, лишить «отцов–подлецов» их привилегированного положения – денег и способности легко их получать и тратить.

Как правило, «легкие деньги» ассоциировались с высокооплачиваемой, в том числе партийной работой: «Отец ребенка здоровый 45–летн. Мужчина, некий т. Левченко, член партии, начальник отдела фрунзенского исполкома, живет один, материально обеспечен и никакого участия в воспитании своего ребенка не принимает»⁴²⁴. Это один из немногих случаев упоминания о «здоровье» мужчины – как свидетельстве благополучия «отца–подлеца».

Авторы–женщины всячески стараются подчеркнуть материальное благополучие таких мужчин, которое расходуется, в том числе, на порочные развлечения: «Но правда обидно – где–то отец живет, *пьет вино наедает брюхо*, а дочь не видит сотой доли его питания... Я знаю некоторых матерей, отцы их блаженствуют, а дети растут плохо – кто кроме отца повлияет на ребенка? Не только деньги, и даже если бы отец и ребенок встречались друг с другом, это на обоих влияло бы благотворно. А сколько отцов ведут *шакалий* образ жизни, эта свобода им вредна – разве так у них проснется совесть? Нет их надо как то пришпилить этих *мотыльков* к тому городу где растет их ребенок»⁴²⁵. Гедонистический образ жизни отца возмущает автора, особенно на фоне того, как страдают дети. Получается, что отец словно «отбирает» деньги у ребенка, и тратит их на свои нужды. Характерно, что такие же аргументы приводят мужчины, которые просят снизить алиментное бремя – их дети от второго брака голодают, а бывшая жена тратит алименты на развлечения. «Шакалий образ жизни» и «мотыльки» – метафоры, призванные подчеркнуть ветренность и отсутствие привязанности к семье.

И женщины, и мужчины выступали в роли обличителей «подлецов» – их возмущал тот факт, что они нарушают негласные правила, принятые в обществе,

⁴²⁴ Там же. Д. 458. Л. 50–51. (1959)

⁴²⁵ Там же. Д. 218. Л. 101–102. (1956)

позволяют себе то, что другие не могут себе позволить. Важно отметить, что авторы понятия «удовольствие», «свобода», «развлечения» употребляют в негативном контексте. «Свободная жизнь», которую, по мнению авторов писем, вели некоторые отцы, означала кроме того, что эти мужчины контролировали ситуацию, они имели выбор – остаться с женщиной, жениться на ней и воспитывать совместного ребенка, жить одному или уйти к другой женщине. Их отцовство (точнее, отказ от него) являлось сознательным выбором: в силу социальных установок и традиционной гегемонной маскулинности советские мужчины действительно имели возможность поступать, руководствуясь индивидуалистскими соображениями, при этом не всегда становясь объектом стигматизации. Напротив, во многих случаях, они являлись ценными работниками с высокой зарплатой и доступом к материальным благам, их положение в обществе не менялось, они не становились «изгоями», не подвергались дискриминации. Эта модель маскулинности ближе всего к традиционной мачистской модели, когда у мужчины есть дети от разных связей, когда у него есть власть и деньги, и он распоряжается ими по собственному усмотрению. Он независимый и лишенный эмпатии, поэтому не может посвятить себя воспитанию и заботе о детях.

Все перечисленные выше черты не дают оснований утверждать, что эти мужчины были специфически девиантны и обладали набором характеристик, которых не было у других. Такие «классические маскулинные» девиантные проявления как бытовой алкоголизм или домашнее насилие не интересовали авторов писем, а если они обращаются к этим проблемам, то исключительно в контексте опасений за детей, которые могут воспринять «дурной пример» отцов как образец. Авторам писем было важнее сделать акцент на несоответствие поведения некоторых мужчин коммунистической морали. Таким образом, основная критика советских отцов в письмах граждан сводилась одновременно и к оторванности таких мужчин от семьи (нарушение законов традиционной морали), и к их несоответствию советскому канону (коммунистической морали).

Основная линия освещения темы отцовства в периодической печати 1953–1960-х гг. была сфокусирована на законодательных аспектах. С точки зрения публицистов, в «нормальной» советской семье обязательно должен быть отец, другие формы семей априори считались потенциально неблагополучными. Отсюда – настойчивые требования отмены Указа 1944 г. и принятия нового семейного кодекса: в новом законодательстве должны были воплотиться ожидания относительно уравнивания метрик всех детей и возможности устанавливать отцовство в суде. С 1953 и по 1960 г. выходит много резонансных статей, доказывающих несправедливость и нежизнеспособность Указа 1944 г., в 1960-х гг. эта тема в статьях возникает как реакция на письма читателей, с нетерпением ожидающих выхода нового кодекса.

Вторая тема, в связи с которой проблема отцовства дискутируется в публичном пространстве, – воспитание подрастающего поколения. Отцу отводится роль воспитателя (в первую очередь, сыновей), на него возлагается ответственность за формирование «настоящего» советского гражданина. Смысловое наполнение этой функции, впрочем, довольно противоречиво: с одной стороны, «сильная рука», с другой – доброта и забота.

Фигура отца в письмах является ключевой – она возникает в контексте обсуждения действующего семейного законодательства. Коллективными усилиями конструируется модель отцовства, которую современники определяют как девиантную, отклоняющуюся от существующей «нормы». Элементами этой модели выступали безответственность, легкомысленность, пьянство, эгоизм. С точки зрения гегемонной маскулинности отцы как представители, с одной стороны, наиболее привилегированной группы, пользовались всеобщим уважением и были «эталоном мужественности». С другой стороны, для соответствия этому идеалу существовали особые требования. Бездетным мужчинам, холостякам, а также гомосексуальным мужчинам вообще уделялось немного внимания в общественном дискурсе. Наличие детей и устойчивое семейное положение рассматривались как свидетельство гражданской состоятельности мужчины, даже если это было

чистой формальностью. Взрослый советский мужчина должен был быть отцом (а женщина – матерью), и это казалось само собой разумеющимся.

Как можно заметить по многочисленным примерам из писем, приведенным выше, наиболее распространенным сюжетом была ситуация, в которой мужчина оставлял женщину с ребенком и больше не поддерживал с ними связь, не помогал ни с воспитанием, ни материально. Внебрачные отношения граждан не входили в поле зрения действующего семейного законодательства, поэтому мужчины не несли юридической ответственности за своих фактических детей. Типичные сценарии превращения женщины в мать–одиночку, а мужчины в «отца–подлеца»: «За последние годы наблюдается не в меру безответственное отношение мужчин к женщинам. А именно: вошло в систему такое положение, что мужчины не ставят перед собой цель иметь законную семью. Они всеми правдами и неправдами стараются войти в доверие к женщине, обещая ей, что недалек тот день, когда они смогут расписаться⁴²⁶; «Ведь сейчас получается так, что если нет брачного свидетельства, то мужчина спокойно бросает семью, знает, что он не несет никакой ответственности за детей сколько бы он не прожил с этой женщиной...И вот живешь с любимым дорогим человеком полгода, год, а потом когда он узнает, что женщина будет матерью, преспокойно оставляет ее зная, что он не несет ни материальной, ни моральной ответственности»⁴²⁷. Фигура такого мужчины довольно противоречива: юридически это человек действительно не нес никакой ответственности, однако в общественном сознании, особенно среди большинства женщин и части мужчин (зачастую, старшего возраста) такое поведение мужчин вызывало неприятие и резкое осуждение: «Говоря о подлинном гуманизме в нашей социалистической стране, нам следует подумать и навести порядок в бытовой жизни отдельных лиц, морально растлившись и не менее опасных для общества. Речь идет об отцах, бросающих своих детей. Их в народе уже называют «отец–одиночка»⁴²⁸.

⁴²⁶ Там же. Д. 272. Л. 160. (1959)

⁴²⁷ Там же. Оп. 45а. Д. 231. Л. 115–116. (1953)

⁴²⁸ Там же. Оп.45. Д. 272. Л. 15–17.

Другое письмо, под заголовком «В защиту настоящей семьи», было адресовано сессии Верховного Совета: «Но закон ничего подобного не говорил мужчине, закон не требовал моногамии мужчин. И если мы не отказываемся разыскивать вора, укравшего сотню рублей, то как можно отказываться от разыскания мерзавца, покинувшего женщину во время беременности?! Мы должны удвоить, утроить ряды следователей, но негодяев, ставящих себя в положение петухов, взваливающих на плечи женщины всю ответственность за появление ребенка, отыскать непременно»⁴²⁹.

Мужчин, которые оставляли женщину с ребенком (или беременную) после фактического сожительства, получали маркер «отцов–подлецов». Примечательно, что этих мужчин, которые юридически не значились как родители и не выполняли родительских обязанностей по отношению к детям, все равно называли «отцами», выдвигая на первый план факт биологического, а не социального родительства: «Разве дети рожденные после указа от 8/44 они что произошли от святого духа? Почему до указа находим отцов этих детей, привлекаем их хотя к материальной ответственности за воспитание посеянного им ребенка, а теперь они ходят от одной женщины или девушки к – другой, и за последствия не несут никакой ответственности. Почему государство скрывает отцов своей помощью? Не пора ли привлечь их к моральной и материальной ответственности за детей, которых они сеют по свету, а не прикрывать их государственной помощью»⁴³⁰. Более того, зачастую граждане подчеркивали «животную», биологическую сторону жизни этих мужчин, чтобы подчеркнуть, что их соотечественники лишаются человеческого облика («отцы–самцы»⁴³¹).

Письма с предложениями по новому брачному законодательству создавались преимущественно женщинами на основании их собственного жизненного опыта, зачастую достаточно негативного. Это волновало женщин еще и в силу того, что они могли стать потенциальными жертвами

⁴²⁹ Там же. Л. 172–185.

⁴³⁰ Там же. Оп. 45а. Д. 231. (1953)

⁴³¹ Там же. Оп. 45. Д. 459. Л. 168. (1965)

«подлости» мужчин – забеременеть от них и оказаться в положении матери–одиночки. Важно учитывать гендерную специфику этих писем, поскольку мужские письма на тему «отцов–подлецов» могли быть такими же критическими и резкими, как женские.

Выводы. Общественная дискуссия о советском отцовстве выявляет плюрализм мнений и высказываний на тему семьи, детей, родительских ролей. «Отцовство» и в периодической печати, и в письмах граждан позиционировалось как сложное, комплексное явление – одновременно «общее место» и «пустой шаблон», за которыми скрывался ряд законодательных и социальных проблем советского общества 1950–1960–х гг.

Указ 1944 г. внес дисбаланс и дискриминацию в семейную сферу на двух уровнях: гендерное неравноправие и неравноправие метрик. Родительство женщины не вызывало никаких юридических вопросов, состоялось ли оно в браке или вне его, тогда как мужчины могли стать родителями лишь в зарегистрированном браке. Супружество и отцовство в 1950–х годах стало практически синонимами, и понятие «быть хорошим семьянином» подразумевало, что мужчина живет в семье, обеспечивает ее (как, впрочем, и женщина), ситуативно участвует в быте и в воспитании детей. Поэтому в 1950–1960–х бытовало представление о том, что если запретить разводы и «сохранить отца для детей», то советские семьи станут прочными, а дети получат «здоровую» полноценную семью.

Можно отметить рост значимости роли отца в обществе 1950–1960–х годов, причем именно «отца–воспитателя». И женщины, и мужчины говорят о необходимости отцовского воспитания, причем мужчины указывают на «моральную ответственность» как свой долг перед детьми, а также выражают желание проводить с детьми больше времени, следить за их развитием. Вместе с тем мужчины не готовы брать на себя всю полноту ответственности за воспитание детей, становиться своего рода «отцами–одиночками». Отцовское воспитание воспринимается не столько как сфера ответственности, сколько как коммуникативное пространство, где происходит передача мужского опыта, которую не могут обеспечить мать и школа. Неудивительно, что это

пространство подразумевает только один вид связи – «отец–сын», тогда как девочки (дочери) исключаются из процесса «отцовского» воспитания.

Отмечая необходимость присутствия отца в семье и рассматривая материнское воспитание как «неполноценное» и одностороннее, современники вкладывали в понятие «отцовство» разное и зачастую противоречивое содержание. Так, отец одновременно должен быть «сильной рукой», однако публицисты порицали физические наказания детей и критиковали за это «старорежимных» отцов. Кроме того, отец должен был быть добрым и заботливым по отношению к детям, вместе с тем, опасность «избаловать» ребенка прочно укоренилась в дискурсе. Таким образом, «идеальная» модель отца оставалась довольно размытой и неоднозначной.

Сосредоточившись на критике негативных образцов отцовского поведения, публицисты почти не занимаются конструированием модели «идеального» отца. Она скорее выстраивается стихийно – по принципу «от противного». «Отцы–подлецы» нарушали общественный порядок, негласные правила – отказывались принимать на себя ответственность родительства. Их «жизнь в свое удовольствие» и «свободный образ жизни» вызывали неприятие еще и потому, что, с одной стороны, это не вязалось с образом советского гражданина, который ставит общественные интересы выше личных, а с другой, они жили так, как ни женщины, ни семейные мужчины не могли себе позволить. Вместе с тем перечисленные выше черты не дают оснований утверждать, что эти мужчины были специфически девиантны, что они обладали набором характеристик, которых не было у других.

В 1960–е гг. можно отметить другую характерную тенденцию: все больше мужчин соглашались с тем, что материальная ответственность перед детьми существует, и необходимо найти компромисс по этому вопросу, как и по вопросу о признании отцовства и его оформления через запись в свидетельстве о рождении. В целом, «алиментное бремя» в 1960–е гг. воспринимается мужчинами намного спокойнее, чем в 1950–х, более того, они начинают все активнее поддерживать идею материальной ответственности за ребенка не только «законных», но и фактических отцов. Особого внимания заслуживает тот факт, что в 1960–е гг. в

письмах отцов одно из центральных мест занимает забота о ребенке, его жизни и воспитании в отрыве от отца.

Мужчины, обращающиеся к понятию «отцовства», говорят или непосредственно о себе, или о своем потенциальном отцовстве. Отцовство может являться частью их идентичности, как ситуативной, так и трансверсальной. Ситуативная отцовская идентичность выражалась в том, что мужчина, в соответствии с общественными нормами, является отцом, и он, не задумываясь, принимал этот факт. Отцы с трансверсальной идентичностью самоидентифицируют себя как отцы, для них это отрефлексированная часть личной персонификации, которую они поддерживают и контролируют. Трансверсальная отцовская идентичность начинает проявляться в письмах граждан лишь в 1960–х гг., и их сравнительно немного. В большинстве случаев советские отцы 1950–х гг. (и, отчасти, 1960–х гг.) воспринимают свое родительство как сферу их материальной ответственности (а иногда и как «бремя»), случаи «осознанного отцовства» или «вовлеченного отцовства» довольно редки, возникают они, как правило, в жизненных историях мужчин, находящихся в разводе, разлученных с детьми, но тоскующих и беспокоящихся о них. «Радость отцовства», в отличие от распространенной в публичной сфере «радости материнства», была сравнительно новой концепцией, требующей принципиально иной модели мужского поведения и мужского самосознания, плохо сочетающейся с советской «гегемонной маскулинностью».

Глава 3. Отцовские практики и личный опыт

Представления об отцовстве были обусловлены не только нормативным контекстом и общественными ожиданиями, но и индивидуальным родительским опытом мужчин. В этой главе будут рассмотрены отцовские воспитательные стратегии и практики в рамках концепции советской субъективности, реальные опыты реализации мужчинами своей родительской миссии, принципы выстраивания отношений с детьми, женой, другими домочадцами. Особое внимание будет уделено таким проблемам, как восприятие отцовства мужчинами и их самопрезентация как отцов.

Дневники были популярной литературной формой хрущевского времени. «Малая форма» повествования в 1950–1960–е гг. символизировала разрыв со сталинской эпохой «большого романа» и возвращение к интеллигентской форме повествования⁴³² XIX в. «Эмпирический императив» и малая документальная форма⁴³³ подразумевала растущий индивидуализм, попытку анализировать свои поступки и критически относиться к окружающей действительности. В данной главе были проанализированы 45 дневников советских граждан за период 1950–1970–х гг., находящиеся на сайте проекта «Прожито», в которых нашли отражение проблемы мужского родительства: дневники как отцов, так и матерей, а также детские и подростковые дневники. При помощи методов компаративного анализа данные из «мужских» дневников сравнивались с оценкой отцовства в дневниках матерей, а также в «детских» дневниках. Отдельное внимание было уделено «дневникам наблюдения за ребенком» – жанру дневникового письма, подразумевающего наличие субъекта (наблюдающего) и объекта (наблюдаемого). Но если дневник наблюдения за погодой или животными подразумевает некоторое отстранение наблюдающего от предмета изучения,

⁴³² Clark K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. 3rd ed. Bloomington, 2001.

⁴³³ Пинский А. Дневниковая форма и субъективность в хрущевскую эпоху // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985) : сборник статей / под ред. А. Пинского. СПб., 2018. С. 149–150.

то дневник наблюдения за ребенком означает вовлечение в процесс его роста, развития и воспитания. Кроме того, для сравнения, были взяты воспоминания об отце одного из авторов дневников (Лидии Кнориной), написанные после смерти отца (и, по мнению мужа Лидии, незадолго до ее собственной смерти в 1994 г.)

Вторым важным источником личного отцовского опыта, практик и воспитательных стратегий стали результаты глубинных полуструктурированных интервью с мужчинами, ставшими отцами в 1950–1960-е гг. В этих интервью мужчинам (в возрасте 75–85 лет) предлагалось рассказать о своем отцовском опыте, начиная с рождения ребенка. Формат глубинного интервью (вольное повествование, а не анкетирование) был выбран с целью выявления смысловых акцентов устного нарратива опрашиваемых: на чем они фокусируются, о чем рассказывают подробно и охотно, какие события и этапы отцовства опускаются ими. После интервью респондентам предлагалось ответить на уточняющие вопросы относительно распределения обязанностей в семье, методов воспитания, а также их взглядов на современное отцовство и детство.

3.1. Отсутствующее отцовство

Наличие зарегистрированного брака не гарантировало присутствие отца в семье. Советский мужчина в 1950–1960-е гг. по инерции, сохраняющейся с периода «героической» сталинской маскулинности⁴³⁴, стремился самореализоваться в ударном труде, тяготел к традиционным моделям «воина» и «героя», в 1950–1960-е гг. к этим «сильным» образам добавились новые – образы «покорителя» – космоса, сибирских рек или целинных земель⁴³⁵. Таким образом, командировки и работа вдалеке от дома ничуть не умаляли роли мужчины–семьянина, и даже наоборот, подчеркивали его гражданскую зрелость и мужественность.

⁴³⁴ Чернова Ж.В. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной, СПб., 2007. С. 138–168.

⁴³⁵ Fraser E. L. Military Masculinity and Postwar Recovery in the Soviet Union. Toronto, 2019. P.10–12; Pohl M. Women and Girls in the Virgin Lands // Women in the Khrushchev Era / ed. Melanie Ilić, Susan Reid, Lynne Attwood, Basingstoke, 2004. P.54.

Более очевидной причиной отсутствия отца в семье был развод (или расставание) супругов, при котором ребенок в подавляющем большинстве случаев оказывался с матерью. Сами мужчины воспринимали такой брак как пройденную стадию, а наличие детей вызывало чувство вины. Отцовство мужчины в данном случае отражало эпистемологический разрыв: сложно отрицать их номинальный родительский статус и самоощущение себя отцом, однако в то же время, их опыт и практики с трудом соотносятся с заботой о детях и эмоциональной привязанностью к ним.

Николай Козаков, 29-летний водитель и автомеханик из Нижегородской области, который писал дневник в 1962 г., рассказывает о своем неудачном браке, о рождении дочери и об уходе из семьи: «В сентябре 1959 г. родилась Галька, мой вечный укор. И сейчас, когда я в конце концов понял все, что только можно понять, я разрываюсь от обиды за нее, за дочь. Я расхотелся с Файкой один раз в 1960 г., но, вняв ее увещаниям, а главное — ради дочки, — вернулся. В октябре прошлого года ушел совсем»⁴³⁶. Дочь стала «вечным укором» за опрометчивую женитьбу, однако автор дневника, испытывая вину перед дочерью за то, что она осталась на попечении лишь ее матери и бабушки, не видит возможности исправить ситуацию, поскольку сходить с женой снова он не желает, а чтобы забрать дочь к себе, необходимо соблюдение двух условий: судебного изъятия девочки из дома матери и готовность новой жены воспитывать падчерицу: «Я мечтаю (что, скорее всего, останется прожектором, не более) — жениться на хорошей, порядочной женщине и взять дочку себе. Перед женитьбой поставить условием, что Галька будет с нами. Но для этого, во-первых, надо найти порядочную женщину, а во-вторых, что самое трудное, — добыть Гальку. А от матери ее не отдадут. Разве если она будет вести беспорядочную жизнь, что по ее характеру вполне возможно».

Таким образом, по мнению Николая, его отцовство могло реализоваться лишь в паре с женщиной, которая готова стать матерью для «Гальки», это

⁴³⁶ Дневник Николая Козакова URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221962-01-01%22&diaries=%5B248%5D> (дата обращения: 25.09.2021).

могла быть бывшая жена, «Файка», или будущая супруга. Взять дочь на воспитание самостоятельно, или проводить с ней какое-то время в течение недели Николаем не рассматривается как вариант, более того, в дневнике он отмечает: «Но дочь, дочь... *Если бы она умерла, мне было бы легче. Лучше не было бы ее совсем, чем без отца.* Ведь отец не убит, не умер, не какой-то налетный донжуан — настоящий отец, живой и здоровый! И из-за матери не может жить со своей дочкой». Николай Козаков, несмотря на «рабочую» профессию и высшее образование (заочно закончил филологическое отделение МГУ), не слишком рефлексировал по поводу своего отцовства, и, поскольку его идеал семейной жизни с «Файкой» не состоялся, следовательно, эта дочь изначально «неудачная, испорченная», и в ее существовании для Николая нет смысла. В записи от 18 марта 1962 г., во время пребывания проездом в Москве у родственницы, он знакомится с ее дочерью, и она напоминает ему собственную дочь («Девчонка у Таньки такая славная, такая куколка, просто чудо. Не нагляделся бы. Она мне очень напомнила мою Гальку. Вот и эта тоже без отца растет. Бедные дети»). Автор убежден в том, что эти дети, воспитываемые без «законного» отца, страдают, и даже по отношению к вероятному отчиму Николай настроен скептически: «Как раз тут пришел Танькин сожитель, довольно плюгавый и зеленый субъект, некто Женька. Ее первый муж Борька, хотя и абраша был, но все же человек, а этот так, какой-то...». Впрочем, испытывая жалость к обеим девочкам, Николай, возвращаясь домой, продолжает игнорировать дочь.

Рассказывая про новый жизненный этап, в котором он на данный момент существует (живет вместе с матерью, оставив жену и дочь), Николай отмечает, что только семейная сфера его не радует, но в остальном он доволен жизнью («Так вот с семьей и с любовью. С работой проще»). Работа, связанная с большим количеством поездок и командировок (и включающая в себя понятие «калымить», то есть неформальный заработок) предполагала сожительство и романтические отношения с различными женщинами. Порой автора посещает мысль забрать дочь от матери и бабушки, поскольку, по его мнению, это плохо сказывается на ее воспитании: «На обратном пути зашел

на кухню за пирожками и долго разговаривал с тетей Нюрой Маняковой. Она про Гальку говорила, видела ее в магазине, какая она стала большая и как хорошо говорит. И ходит, говорит, одна. Так мне ее жалко. Бедная девочка! Как бы ее от них забрать. Ну, что ее ожидает? Будет мать с разными мужиками путаться — чему ее научит? Тому же, в чем сама преуспевает...». После встречи с дочерью летом того же года, Николай вновь озвучивает в дневнике желание забрать дочь к себе, но он отдает себе отчет, что заботиться о ней будет его мать, бабушка: «Говорит хорошо, иногда не выговаривает звуки «р» и «ш», но уж больно по-деревенски, «по-ихнему», по-королевски. И моя она, и как не моя, чуждая, «ихняя» слишком, вся пропитана их мелкой мещанской моралью. Если с ними жить, то немедленно брать ее отсюда и, пока еще не сформировался окончательно ее детский характер, ломать, переделывать по-своему. Но один опять-таки я не осилю. С мамой бы если. Или Гальку бы ей отдать». Впрочем, Николай по своему желанию отказывается от общения с дочерью, опасаясь, как он сам пишет, того, что бывшая жена воспримет это как намерение сойтись вновь.

Таким образом, Николай, как родитель, не участвовал в жизни своей дочери, однако, алименты вычитались у него из зарплаты, и автор дневника не был против такого положения дел. В августе–сентябре 1962 г., согласно дневнику, Николай вновь сходитя с «Файкой», и его отношение к дочери меняется от пренебрежительного к заинтересованному: «Хотя было уже время обеда, я не ходил, но когда что-то побежал домой, навстречу мне попала мама и... Галька. (...) Совершенно это все, конечно, напрасно. Галька выросла сильно с тех пор, как я ее последний раз видел — год уже, похудела и что-то мне не понравилась. Она была очень славенькая раньше, а тут что-то какая-то хмурая, насупленная. Я спрашивал все, как ее зовут, да кто она, да откуда пришла, но она как язык проглотила. Однако интересовалась мной, а маме сказала, что пойдет смотреть на мотоцикл»; «Галька сегодня уже стала разговаривать, а потом и совсем «признала» меня, называла «папа» и «отец»...».

Ближе к ноябрю 1962 г. Николай вновь начинается тяготиться возобновившимися отношениями с бывшей женой, и в это же время он окончательно охладевает к дочери: «Ох, скотина! Да хочет, чтобы я жил с ней, скаредой проклятой! Мне уже сейчас и Гальку не жалко нисколько, потому что она, если и дочь мне, то только физически, а идейно она так же далека от меня, как и все это поганое семейство. Но боюсь алиментов. При моем положении, если я и устроюсь на работу, так сколько еще надо времени, чтобы укорениться и все потекло нормально! А за то время, что я не платил, будут взимать 50%. И столько времени, сколько не плочено. Задуют, гады, по миру пустят». Тогда же Николай увольняется с работы, и его раздражает любое посягательство бывшей жены на его кошелек: «Она, оказывается, с Галькой сюда пришла. Пока я печатал, проспал и ужин. Разговаривали мы с ней весьма нелюбезно. А потом, падла, и говорит: «Как ты, думаешь помогать Гальке или нет?» Я вскипел — подавай, мол, на алименты. А куда подавать—то, раз, говорит, не работаешь? Давай, говорит, как—нибудь помогай, я ведь не работаю. А я, говорю, что? Миллионер? Что мне, штаны последние продать?» Жалость к дочери из-за того, что она «растет без отца», и временное сочувствие к «Файке» исчезает, когда автор остается без устойчивого заработка, и с этого момента он начинает заботиться о себе и о своих потенциальных романтических отношениях («Файку мне определенно жалко. Об Гальке и говорить нечего, но себя жалче всех»).

Таким образом, в данном случае модель «отсутствующий отец» являлась личным выбором мужчины, который не желал возвращаться к отношениям с бывшей женой, а иных путей для реализации своего отцовства он не видел (он отверг предложение жены временно поселить у себя дочь, не искал с ней встреч, а алименты вычитались у него из зарплаты, хотя брак еще не был официально расторгнут). Испытывая жалость к детям, не имеющим отца (в том числе, к своей дочери), Николай убежден в том, что его потенциал отцовства может раскрыться лишь в браке с другой женщиной и, возможно, с другими детьми.

Позиция мужчин, находящихся в разводе, в отношении своих детей порой заключалась в желании взять ребенка к себе в новую семью, однако большинство мужчин не были готовы воспитывать детей без помощи женщины. Более того, проводить время с ребенком после развода с женой не было распространенной практикой, судя по письмам и дневникам. Мужчины, которые писали в Комиссию законодательных предположений Совета Национальностей СССР, под «передачей ребенка» подразумевали жизнь ребенка от первого брака в их новой семье, а также освобождение от алиментных выплат: «Ребенка мне не отдала, хотя я у ней его просил. Она посчитала целесообразным получает алименты и она получает их более 1000 руб. в месяц»⁴³⁷; «конечно, бывают редкие случаи, когда отцы сами не хотят жить со своими детьми и воспитывать их – это другое дело, но в большинстве случаев мы мужчины, и желая воспитывать своих детей, лишены этой возможности и права из-за корыстных интересов отдельных «жен»⁴³⁸. Судебная практика того времени, выражавшаяся в передаче детей матери и назначении алиментов отцам была дискриминационной по отношению к мужчинам, однако отражала реалии эпохи: все понимали, что с передачей ребенка отцу воспитывать его будет, с большой вероятностью, мачеха.

Стратегия мужского поведения в семье, с частыми отлучками, изменами и безразличием к детям отражена и в женских дневниках. Антонина Жильцова (Лукьянова), помощник санитарного врача, была замужем за мужчиной, для которого этот брак был вторым, и через 13,5 лет брака он вернулся к своей первой семье, оставив женщину с тремя детьми. Во время проживания с женой и детьми Петр Лукьянов довольно часто пренебрегал отцовскими обязанностями и отлучался из дома на длительное время, без объяснения причин. Антонина писала в дневнике о том, что не чувствует поддержки от мужа, на него нельзя положиться: «Время было уже без пятнадцати девять, а он про детей и не думал чтобы забрать их из яслей.

⁴³⁷ ГА РФ. Ф. 7523 Оп. 45а. Д. 229. Л. 41. (1950)

⁴³⁸ Там же. Л. 133. (1951)

Когда я побежала туда, то они сидят там только двое, как две сиротки. У меня опять на душе тяжелый камень, т.к. он заботлив к детям только при мне, а стоит мне отлучиться, он делает так, как только ему было бы привольно и весело, а о жене и о детях он и не подумает»; «27 ноября он покинул меня, уехал учиться в Омск, на прощанье он людям с таким хвастовством заявил, что пусть она попробует без меня справиться со всеми делами, мне это обидно конечно, но это для меня не проблема, я к трудностям привыкла и вполне справляюсь и с его обязанностями. Трудности мне не по чем»⁴³⁹.

В дневнике, который велся в 1960 г. и 1962 г., а потом, после перерыва, в 1969–1970 гг., Антонина Жильцова зачастую обращается к мужу, рассказывая о своих чувствах по отношению к нему. В первый период автор дневника надеялась, что муж вернется в семью, и все проблемы останутся позади («Позавчера получила от тебя открытку, я и Алик, если бы ты видел радость детей и мою? Нет, ты этого не представляешь. Ты пообещал приехать к Новому году, и я с детьми вечером ходила искать тебе деньги, так как днем мои просьбы не увенчались успехом. Вчера утром, т.е. 22-го декабря я выслала тебе 20 руб. телеграммой. Мы ждем тебя с нетерпением, ты слышишь?»). Однако в 1962 г. она чувствует себя обманутой, понимая, что муж использует семью как предлог для получения денег: «Как дешево ты оценил нас. Сегодня уже в 10 вечера мне сообщили, что если я не вышлю еще 6–7 руб., то ты не приедешь. Я не верю своим ушам, чтобы муж и отец своих детей мог так заявить. Какой же ты подлец. Что ты из меня выжимаешь? Для чего все это ты делаешь? Если ты видишь, что о тебе переживают, любят тебя и ждут, так ты решил вить из меня веревки, как тебе не стыдно? Какой ты неблагодарный, настоящая свинья».

С 1969 г. Антонина находилась с мужем в разводе и подала на алименты, хотя это решение непросто ей далось: «Мне страшно тяжело и стыдно было идти в нарсуд подавать на алименты, но все же пошла и подала. Целый день ходила расстроенная. Но что поделаешь?». Алименты становятся

⁴³⁹ Дневник Антонины Жильцовой URL: <https://prozhitto.org/notes?date=%221960-01-01%22&diaries=%5B836%5D> (дата обращения: 25.09.2021).

единственной формой участия отца в жизни семьи, однако до развода отец не только не помогал семье материально, а, напротив, тратил деньги жены («Он меня обвиняет в том, что я его заставляла работать, вот наглость высшей марки! Он, видите ли, способен жить только на иждивении и к тому же еще пить и гулять»). Спустя год после развода Антонина продолжает обращаться в дневниках к бывшему мужу, уговаривая его вернуться в семью: «Лена – какая–то неуравновешенная, вспыльчивая, в школе тоже ведет себя неважно, уже меня вызывали. Ох! Горе мое, горе! Как же дальше я буду жить? Они почувствовали, что в доме, в семье нет отца и думают, что могут вести себя как угодно. Петька, вернись! Я жду тебя, жду, только ни такого, какой ты был последнее время». Для автора дневника присутствие отца в семье кажется невероятно важным, ведь без него дисциплина детей начинает ухудшаться. Проблемы в поведении детей, судя по ранним записям Антонины, фиксировались и во время пребывания Петра дома, однако теперь ей кажется, что ее вина как матери заключается в том, что она развелась с мужем и лишила детей необходимого «отцовского» воспитания.

Матери, оказавшиеся в схожей ситуации с Антониной Жильцовой, также придерживались мнения, что отцовское присутствие дома гораздо важнее алиментов. Несмотря на противоречивый моральный облик бывших мужей и их неблагоприятные поступки (пьянство, измены, домашнее насилие, уход из семьи), женщины продолжали уповать на возвращение мужа в семью: «В 1946 году он пришел с Красной Армии домой, стали жить, я родила еще трех детей. После этого муж мой сказал мне: у тебя много детей, тебе если присудят буду платить. И вот присудили ему платить, незачем нам его, как говорится, украденная копейка, а детям нужен отец и мать⁴⁴⁰». В этом письме многодетная мать из Иркутска просит правительство «принять строгие меры, чтобы отец и мать не бросали детей а воспитывали их», то есть на государственном уровне воспрепятствовать разводам ради сохранения «полной» семьи.

⁴⁴⁰ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 229. Л. 57–58.

Порой отсутствие отца дома имело под собой объективную причину – по долгу службы мужчине приходилось надолго отлучаться. В дневниках корабельного врача Леонида Балашевича⁴⁴¹ и моряка Николая Ладугина⁴⁴², которые вели дневники находясь в море, прослеживается тоска по дому и радость от писем, полученных из дома: «По дороге читаю жадно письма, полученные на моё имя замполитом. Таким контрастом с суровым и неуютным Севером звучат в сознании тёплые и ласковые слова, маленькие, но такие важные мелочи — у нашей Светки прорезался первый зуб, и она теперь умеет кусаться» (21 июня 1961); «Вчера сразу дал телеграмму Люське, а вот ответа еще не получил. Чего-то темнит. Во сне видел больную Ритуську, уж не заболела ли действительно. И Люська помалкивает, не хочет расстраивать. Купил моим Люське и Ритуське по подарку, а остальные марки поменяли на фунты» (ночь 2 на 3 апреля, 1961).

Николай Ладугин посвящает больше слов в дневнике своим жене и дочери, в том числе он думает о будущем и насущных проблемах: «Уже Ритуське пошел 4-й год. 9-го купили ей в подарок велосипед, а она не достает до педалей, снова слезы! Вообще растет капризной. Все ей подавай. Невольно задумаешься, а что же будет с нею дальше?!»; «Конечно, если поступлю – жить придется впроголодь. Ну, себя-то я прокормлю, а для Ритуськи заработает Люська. Теперь с приходом буду поговаривать, как ей устроиться на работу, да и Ритуську можно будет в садик устроить от пароходства, благо числюсь я как плавсостав». (14 мая 1961 г., ночь 26 на 27 января 1962). По сравнению с Леонидом, мысли и сны о семье преследуют его регулярно, тема разлуки артикулируется в дневниках в виде рефлексии, страхов, воспоминаний и т.д. Тем не менее, сам автор отмечает, что для него первичной является жена, а мысли о дочери дополняют образ жены и семейной жизни с ней: «Вечером снова одно и то же: чай – кино. Фильмы все

⁴⁴¹ Дневник Леонида Балашевича. URL: <https://prozhito.org/notes?diaries=%5B3892%5D> (дата обращения: 30.09.2021).

⁴⁴² Дневник Николая Ладугина. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221961-01-01%22&diaries=%5B2426%5D> (дата обращения: 30.09.2021).

старые, некоторые смотрю уже по третьему разу. И, конечно, скучаю, скучаю о Люське – вернее, тоскую. Конечно, и о Ритуське вспоминаю, но больше о Люське».

Порой отцовство мужчины довольно обыденно, как закономерный ход жизни и как продолжение отношений с женой. В дневнике Эдуарда Майданюка⁴⁴³, который в 1964 г. находился на службе в армии, рождение дочери приводит автора в некоторый ступор, хотя с оттенком радости: «С Худиенко без спроса были в ОВРе (ходили купаться). Пока прогуливали, пришла телеграмма: у меня родилась дочь! Так странно и непривычно сознавать себя папой, а Яну мамой. Ну, ничего, постепенно освоимся и с этим званием». Далее в тексте дневника никак не артикулируется ни разлука с семьей, ни желание увидеть поскорее новорожденную дочь, что, безусловно, не свидетельствует о пренебрежении дочерью и женой, находящейся далеко от него, однако автор не ощущал в себе потребности проговорить и отрефлексировать этот новый аспект своей жизни (в отличие от других отцов, которые вели дневники вдалеке от семьи).

Для сравнения можно проанализировать женский дневник Эрмионии Евлаховой⁴⁴⁴, чей муж также часто был в долгих командировках, не видясь с женой и дочерью (стоит отметить, что этот дневник велся раньше представленных выше, в 1939–1943 гг.) Наблюдая за ростом и развитием своего ребенка, мать отмечает в дневнике, что отец как бы незримо присутствует с ними, и это позитивно отражается на воспитании дочери: «Авторитет отца уже играет большую роль. Не хотела ни за что надевать перчатки во время гулянья. Когда ей сказали, что папа обязательно сказал надевать Реночке перчатки, стала беспрекословно их надевать». О своих эмоциях (тоска по мужу, ожидание его возвращения, страх за него) Эрмиония пишет не так много, однако ее дочь является проводником в мир этих чувств.

⁴⁴³ Дневник Эдуарда Майданюка. URL: <https://prozhito.org/person/4815> (дата обращения: 29.09.2021).

⁴⁴⁴ Дневник Эрмионии Евлаховой. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221939-01-01%22&diaries=%5B2459%5D> (дата обращения: 29.09.2021).

Женщина часто отмечает, как дочь настойчиво ищет портреты отца, «пишет письма», как она слушает рассказы про отца, поет песни на эту же тематику: «Образ отца очень крепко зафиксировался. Знает его по фотографиям, схватывает малейшее сходство с ним в портретах. Пишет ему письма, что составляет одно из самых любимых ее занятий»; «Любит слушать, когда Баба рассказывает ей, как приедет к ней с войны ее папа, привезет ей подарки и пр., глазенки при этом искрятся и блестят — страшно счастлива! «Папа приедет, привезет Инночке подаеcki (что?): паевозик и кукоку. Кафетки привезет!»».

Дневник Эрмионии состоит из заметок, относящихся к наблюдениям за дочерью, ее ростом и развитием, этот дневник был не вполне личным – туда писала и бабушка. Поэтому записей о личных чувствах и переживаниях автора практически нет: цель записей заключалась не в саморефлексии, а в более прикладной области – наблюдении за ребенком. Однако отец в этих заметках возникает не только как символическая фигура – Эрмиония интерпретирует действия дочери через собственное душевное состояние тоски по мужу: «...нашла один портрет, напоминающий ей отца (действительно, она правильно схватила общее. Портрет напоминает его, когда он носил большую шляпу с полями, особенно серую, в Казани (ей было всего полтора года, несмотря на это, образ его очень крепко зафиксировался в ее памяти)». В том же дневнике, но уже написанном рукой бабушки Ирэны, отмечается, что ребенок называет всех мужчин, чей возраст младше дедушки, «папами» (например, она так называет брата матери, своего дядю). Однако для Эрмионии представляется важным выделить отца в семье и писать не про его отсутствие, а про его символическое присутствие, пусть выражающееся в действиях дочери.

Фотография отца в детских руках как характерный формат фиксации памяти детей о родителе, компенсирующий отсутствующего отца, в 1950–1960–х гг. упоминалась и в письмах матерей. Так, в 1953 г. машинистка Осипова писала про бывшего партнера: «...Проживает в одном поселке, помощи с его стороны никакой, тем не менее он не отказывается что дети его.

Старший, например, его видит, даже не подходит к нему, боится, говорит папа зачем ты ушел к чужой тете, а средний показывает на карточку и говорит тоже папа, ну вот какое же будет спокойное настроение, что если дети ежедневно его вспоминают»⁴⁴⁵. Автор делает акцент не на том, что мужчина оставил без материальной поддержки троих детей, а на уходе из семьи и чувствах детей по этому поводу.

Отсутствие отца в семье воспринималось как негативное явление, сказывающееся на развитии и воспитании ребенка, поэтому для многих незамужних женщин желание завести ребенка вступало в противоречие с общепринятыми стандартами «правильной» семьи. Так, Ира Петровская⁴⁴⁶, историк русской культуры, фиксирует в своем дневнике желание иметь ребенка и воспитать его самостоятельно, однако, ее преследует мысль о том, что без мужа это будет «неправильно»: «Взять через год из родильного на воспитание? А что я скажу ему об отце?». Ситуация осложняется тем, что Петровская хочет сына, однако для ее современников мать с сыном, воспитываемым без мужа, является наиболее нежелательным вариантом: «Между прочим, сказала ему, что у меня будет ребёнок без отца. – «А если сын?» – «Воспитаю». – «Сыну нужен отец, тут вы что-то не додумали». В итоге Петровская рождает дочь и воспитывает ее самостоятельно, и, судя по поздним записям в дневнике, ее материнство (которое совпало с защитой кандидатской диссертации) было счастливым временем в ее жизни.

Детские дневники и письма также затрагивают тему «отсутствующего отца». Двенадцатилетняя Елена Шварц пишет в 1960 г. о своем отце, который после развода с ее матерью уехал в Киев: «Недавно я узнала от тёти, что когда она была в Киеве, она узнала о моём папе. И узнала, что он заведует кафедрой в институте. Раньше я никогда не чувствовала любви к нему. А в этом году я поняла всё. Я почувствовала его каждой кровинкой, каждой клеточкой. Однажды на пении я плакала оттого, что его у меня нет. Летом я

⁴⁴⁵ ГА РФ. Ф. 7523.Оп. 45а. Д. 23. Л. 56

⁴⁴⁶Дневник Иры Петровской. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221951-01-01%22&diaries=%5B536%5D> (дата обращения: 21.09.2021).

поеду с мамой на гастроли в Киев, там обязательно увижу его»⁴⁴⁷. Для подростка оказывается крайне важно помнить про своего отца и жить в ожидании встречи с ним, хотя по дневнику не складывается ощущения, что между ними существовали какие-либо контакты ранее.

Противоположный пример можно увидеть в дневнике семнадцатилетней Фаины Трахтенберг⁴⁴⁸. Несмотря на то, что отец жил в другой семье, девушка, хотя и неохотно, поддерживала с ним отношения: «Сейчас была у своего отца, у них были гости. Я как-то решила, что не буду больше к нему ходить, но тут мне нужна чертежная доска, столик, я попросила, он сказал, что доску достанет»; «Да, сегодня была у отца. Его жена тяжело больна (опухоль гипофиза) — лежит в больнице. Она очень хорошая (в отношении меня) тетя. Хорошо, если бы она поправилась. Он мне дал 100 рублей. Буду копить». Но все меняется зимой 1955 г., между ними происходит конфликт, и Фаина оставляет в дневнике следующую запись: «Вот лжец! Это мне урок. Прежде всего, я не знаю, как следует, людей, все вижу если не в розовом, то в розоватом цвете, а зачем мне лгать самой, а то вырасту такой же, как мой «милый родитель». А все-таки это тяжело — потерять отца. Я-то в последние годы считала его за хорошего человека. Думала, что мама все преувеличивает про него, а вышло все иначе». Отец «потерян» для Фаины дважды — когда он ушел в другую семью, и теперь, когда она полностью разочаровалась в нем и сама решила от него отдалиться.

Таким образом, «отсутствующее отцовство» для современников означало жизнь отца вне дома — по причине развода или же из-за долгих отлучек по работе. Связь мужчины со своими детьми во время отъезда напрямую зависела от отношений с женой — если этот брак был счастливым, то отцы стремились поскорее вернуться в семью и прекратить разлуку. В ситуации развода интерес к детям пропадал, и мужчины даже в дневниках

⁴⁴⁷ Дневник Елены Шварц URL: <https://prozhito.org/person/394> (дата обращения: 30.09.2021).

⁴⁴⁸ Дневник Фаины Трахтенберг URL: <https://prozhito.org/person/4892> (дата обращения: 30.09.2021).

обходят тему собственного отцовства, они испытывают вину за то, что не могут исполнять свои родительские функции, но собственные переживания в отношении неудачного брака и нежелания жить с супругой для них оказываются в приоритете. Более того, вариант с периодическими встречами, участием в жизни ребенка и временной помощью матери в воспитании детей рассматривается довольно редко.

3.2. Ситуативное отцовство

Несмотря на декларируемое равноправие женщин и мужчин в СССР, а также многочисленные статьи в периодической печати, призывающие мужчин включиться в воспитание детей и домашний быт, ответственной за домашний уют была по-прежнему женщина. От мужчин не ожидали вовлечения в бытовую рутину *наравне* с женщинами, более того, мужчина который вместо работы на государство выбрал домашний труд и уход за детьми, подвергался насмешкам и общественному порицанию. Так, в статье «Домохозяйка Гриша» рассматривается пример такого мужчины, который, выражаясь современным языком, пытается взять отпуск по уходу за ребенком, однако в этом автор статьи видит проявление тунеядства и позор для советских мужчин.

Следовательно, признавалось допустимой ситуативная помощь мужчин по хозяйству и по уходу за детьми, но, как правило, на вторых ролях – домашние обязанности не были первостепенными для мужчины, даже если женщина вынуждена была много времени отдавать своей работе. Быть матерью и хозяйкой, то есть посвящать свое время детям и дому считалось «естественным предназначением» женщины. В ленинградских радиопередачах для женщин в 1956 г. говорилось: «Диктор: каждой женщине, кем бы она ни была, какому бы делу она не посвятила свою жизнь, всегда хочется быть и хорошей хозяйкой. И это вполне естественно. Ведь как хорошо, когда семья в сборе. Жена накрывает на стол, ставит тарелки с дымящимся

борщом, подает ароматные котлеты...»⁴⁴⁹. Этот пассаж являлся всего лишь подводкой к теме приготовления домашних солений (далее по сюжету передачи муж просит подать ему квашеной капусты) – автор текста программы сознательно заранее распределяет роли в семье, где женщине «хочется быть хорошей хозяйкой» и идти навстречу гастрономическим пожеланиям мужа.

В отделе радиоинформации управления культуры Леноблисполкома сохранились и другие сценарии радиопередач для женщин – беседы медиков и педагогов о воспитании детей, советы по ведению домашнего хозяйства. Так, программа, посвященная воспитанию детей, касалась и вопроса согласованности родительских стратегий: «Трудно повиноваться родителям, которые между собой спорят в присутствии ребенка. Мать говорит: «Боря, помоги мне убрать посуду!» Отец с дивана кричит: «Не смей убирать, это бабье дело!»⁴⁵⁰ Данный пример важен еще и как иллюстрация домашней обстановки – женщина в семье хлопочет на кухне, тогда как мужчина отдыхает. Помимо внушения ребенку патриархальных предрассудков, в тексте передачи отцы используют физические наказания: «Обычно свой ничем не подкрепленный авторитет они пытаются утвердить грубой силой. В таких семьях (а они к сожалению бывают и в наше время) прочно утверждается необходимость наказаний подчас жестоких и грубых. Но побои могут только искалечить душу ребенка»⁴⁵¹. Характерно, что текст этой передачи создавался с расчетом на женскую аудиторию, следовательно, мать была должна не только воспитывать, но и корректировать поведение супруга, потенциально вредоносное для ребенка.

В другой передаче про воспитание детей автор, наоборот, противопоставляет отцовское «правильное» «трудовое» воспитание материнскому: «Иногда папа советовал дочке попробовать самой вытереть пыль на полочке для игрушек или пришить пуговку к кукольному платью, но мама сразу

⁴⁴⁹ ЦГАЛИ. Ф.293 Оп. 4. Д. 13. Л. 82.

⁴⁵⁰ Там же, Л. 92.

⁴⁵¹ Там же.

заступалась за Танечку. Если папа настаивал, то мама принималась плакать и прижав к себе Танечку горько жаловалась, что папа их обоих не любит. Папа замолкал, а скоро и вообще перестал вмешиваться в воспитание дочери»⁴⁵². Аудитории слушательниц транслируется идея, что участие отца в воспитании важно, но вторично по отношению к материнскому, поэтому, если женщина будет вмешиваться и мешать отцу, то хрупкий баланс в семье может быть нарушен. Таким образом, отцовское воспитание может быть как полезным, так и вредным, но оно носит вспомогательный характер, и если развитие ребенка без матери немыслимо, то без отца оно может быть неполноценным. С другой стороны, требования к советским отцам были ниже, чем к советским матерям: присутствие мужчины дома и эпизодическая помощь по хозяйству, а также в воспитании детей, казались современникам необходимым минимумом.

В послевоенное время и до середины 1950-х гг. между отцами, живущими в семье, и отцами «отсутствующими» была не такая большая разница. Несколько женщин, писавших дневники, отмечают, что несмотря на статус жен и матерей, женщины ощущают себя одинокими без поддержки со стороны мужей. Дневники Нины Покровской, Зинаиды Мечтовой и более поздний дневник Антонины Жильцовой свидетельствуют о том, что мужья, формально проживая с семьей, часто пропадают на долгое время и об их передвижениях ничего не известно. Нина Покровская, городская жительница, не знает, куда пропадает ее муж почти на сутки («Костя, как обычно, рано утром ушёл в баню и вернулся домой после часа ночи. Так продолжается уже почти 5 лет. Где он был, я не знаю, а он и не стремится рассказать об этом»⁴⁵³). Зинаида Мечтова, жена шофера, терпела неизвестные отлучки мужа в несколько дней, и даже недель («Сыт, одет, весел, а семья как хочет! <...> Но ведь это бы ещё пусть заслуженно для меня. Но дети, дети! Мои дети! А муж в стороне, точно холостой. <...> Ваня обещался сегодня

⁴⁵² Там же. Л. 139.

⁴⁵³ Дневник Нины Покровской. URL: <https://prozhito.org/person/1533> (дата обращения: 20.09.2021).

приехать, но опять не приехал, хорошо молодцу живётся, как бай живёт, не тужит. Об огороде не болеет — жена с тещей обрабатывают»⁴⁵⁴). Такие отлучки, как отметит Мечтова спустя несколько лет в дневнике, могли доходить до нескольких месяцев: «Сегодня отец тоже поехал в овцесовхоз Каскеленского р-на, где он работал в 55–56 гг., а потом из-за «лапушки» в 45 лет — Ольги-агронома совсем хотел отказаться от семьи, детей, сильно стал пить, отчего в пьяном виде доходил до состояния невменяемости, «чудеса» показывал, удивляя всех в Селекции. Ну а потом месяцев через 5 образумился и опять пришел домой».

Все три автора дневников – образованные женщины, имеющие работу, стабильный заработок, многодетные матери. Зинаида Мечтова – дочь «врага народа», работала сельской учительницей (из-за запрета проживать и работать в городе). Она же единственная из трех авторов, кто не развелся с мужем. Нина Покровская оставляет работу юриста и экономиста, чтобы заниматься литературным трудом. Антонина Жильцова была помощником санитарного врача в Щучинске (КазССР). Согласно их дневниковым записям, обеспечением семьи занимались именно они, семья жила в основном на деньги, которые приносили в дом матери: «Конечно, нет у меня сил купить, например, пианино, предоставить им по комнате. Откуда им взяться, если с 41-го года фактически я одна несу все заботы. Костя что ли делит эти заботы со мной? У него какие-то иные заботы, скользящие мимо меня, семьи и детей» (Нина Покровская, 10 апреля, 1951г.); «А теперь, узнав правду о нем, о семье, задержала его вещи, требует долг. Оказывается, впоследствии он ей сказал: «Я расплачусь за все, вот жена получит 3000 за отпуск, перевезем, все отдам». Какой сюрприз! Он в этом рассчитывает на мою зарплату! Господи, ну почему эти заботы все лежат на мне и на моем отце, а муж в стороне, увлекается романами с доярками, свиарками, кухарками, за один час пропивает по 150 руб., а дети оборваны, дети голодны» (Зинаида Мечтова, 15 мая 1946 г.).

⁴⁵⁴ Дневник Зинаиды Мечтовой. URL: <https://prozhitto.org/person/160> (дата обращения 30.09.2021)

Спустя 13 лет, когда дети подросли и материальное положение семьи немного улучшилось, неизменным в семье Зинаиды Мечтовой осталось то, что ее муж по-прежнему перебивался случайными заработками или был без работы, «добытчиком» в семье все так же оставалась женщина: «Отец все еще не устроился. Живем на мою лишь зарплату. В понедельник заняла в кассе взаимопомощи 400 руб., чтобы добавить к зарплате и купить или костюм, или же пальто. Но вот уже осталось 170 руб. от занятых. С Иной позавчера приехала внучка Галя, чем-то надо гостью угощать. Яиц купила 6 десятков, да молока по 2 литра каждый день беру, да Ине и отцу на поездку 2 раза в неделю. Четверо работаем, а зарплата на расходы семьи одна моя» (3 апреля 1959 г.).

У этих трех женщин наблюдалась схожая проблема: мужья тратили деньги (как свои, так и общие, заработанные женой или другими домочадцами) на выпивку, женщин и досуг. Проблемы с алкоголем, как правило, вели за собой измены, но мужчины продолжали жить в семье: «Он забыл, что он пропил, прогулял с женой Лашина почти половину денег, вырученных за дом, что пропил всё демобилизационное пособие. А вот Костя в такое страшное время, как начало войны и в дни, ещё покрытые тёмной тенью смерти нашего маленького сына Вани, изменил мне, а, значит, и всей нашей семье, с женой товарища своего детства. Эту измену 41-го года я ему не прощаю» (Нина Покровская, 1950 г.) Поведение мужа Покровской не стало лучше с годами: «И так же приходит поздно и большей частью нетрезвый, и так же ворчит и всем недоволен, и так же никакой от него материальной поддержки» (25 октября 1952 г.).

«Я жалею сейчас, что не вела записи эти 7 лет, какие только издевательства мне не пришлось перенести от своего любимого мужа – разгульная его жизнь, пьянки, долги, долги, долги, грубости, оскорбления, психбольница, разыгрывание сумасшедшего, опять больница, а мне ежедневные походы к нему, курорт, а мне заботы, переживания, невзгоды» (Антонина Жильцова, 1969 г.). «Ты жил припеваючи, нашел себе безграмотную бабу, которая потом писала тебе письма. Ты все пропил с себя,

вместо костюма приобрел старый китель и в нем явился, предварительно запросив себе денег на дорогу, а что получал там, что пропил» (Жильцова, 1970 г.).

Отцы возвращались назад в семью после измен, и жены принимали их дома. Эпизодически они продолжали участвовать в воспитании детей и домашнем хозяйстве, а также делиться своим заработком. С другой стороны, Нина Покровская и Антонина Жильцова все же расстались со своими мужьями, хотя по их дневникам не вполне ясно, кто был инициатором развода. Можно предположить, что эти пары много лет жили в ситуации отчуждения, поэтому, хотя разрыв не дался легко, он произошел довольно естественным образом: «Муж? Человек чужой и посторонний. Именно от него льётся на всю семью нестерпимый холод и замораживает не только меня, но и все наши отношения с детьми, и всю семью в целом» (Покровская, 1952 г.).

Антонина Жильцова, имеющая сильную эмоциональную привязанность к бывшему мужу, после развода продолжавшая беседовать с ним на страницах дневника, отмечала, что после развода у нее появилось больше времени на себя и на досуг, у нее появились друзья («И жизнь хороша, и жить хорошо. 5 часов утра, я только что пришла с вокзала, провожали всей компанией Виктора на сессию в Караганду. Ой, как замечательно иметь друзей!»). Алименты от отца дети после развода получали нерегулярно: «От отца так ничего и нет, никак не хочет платить детям, все же он подлец»; «В этот день мы получили первый раз алименты от отца за март месяц, а поздравительную телеграмму получили сегодня. Получила первая Леночка и обрадовалась, что отец все же не забыл. Я сегодня целый день проплакала, обида не проходит. Во мне борются два чувства – одно – чтобы он вернулся, другое – страх за будущее, а вдруг все начнется сначала» (20 марта 1970 г.). Таким образом, несмотря на имеющиеся чувства к мужу и желание, чтобы у детей «был отец», Антонина понимала, что с его возвращением в семье снова начнутся проблемы, в том числе финансового характера.

Мужчинам, проживающим с семьей, по неписаной (советской) традиции полагалось отдавать заработанные деньги жене, чтобы она

распоряжалась ими по своему усмотрению⁴⁵⁵. Поэтому, обнаруживая «утаенные» финансы мужей, женщины воспринимали это как обман и предательство семейных интересов. Антонина Жильцова, не слишком доверявшая мужу, систематически проверяла его карманы и тайники: «Но вот сейчас, когда он спит, проверив карманы, обнаружила 15 руб., о которых он не упомянул, а сколько пропито неизвестно. Вот я еще раз убедилась в его честности и совести, хотя он ежедневно клянется, что он навсегда покончил с ложью, что он честен и правдив перед женой и детьми»; «P.S. сейчас только опять проверила его честность и опять обнаружила 100 рублей припрятанных, где он их взял и для чего завтра будет разговор. Боже мой! Что он делает? Разве он не думает о том, что этим самым ведет семью к катастрофе, хочет обездолжить и осиротить детей. Какой все же он подлец!». Практика «проверок» финансовой честности отцов была отчасти вызвана и невысоким достатком семьи, когда для поддержания финансовой стабильности требовалось совмещать доход жены и мужа, а «утаивание» денег выглядело как «ограбление» своей же семьи.

Нина Покровская зарабатывала достаточно, чтобы обеспечивать детей, более того, в какой-то момент ее зарплата стала выше, чем у мужа: «Но когда я сказала, что Беляев предложил мне на выбор два места, Костя заинтересовался и поднял лицо. А когда я сказала, что согласилась на руководство отделом проверки и что оклад мой будет 1800 рублей, он смутился. Ему было неприятно. Ведь мой заработок будет превышать его. Он хмуро сел читать и больше к этому вопросу мы не возвращались». Мужа отдавал часть зарплаты семье, но это были довольно небольшие деньги: «Костя же даёт 700, 600 рублей, да и из этих денег сколько-то выбирает обратно. Старая мама со своих уроков даёт больше, чем он. Я же отдавала и отдаю весь свой заработок».

Сравнивала финансовую помощь от мужа и от своих родителей и Зинаида Мечтова: «Дед работает с 5 утра до 11 вечера. Помимо основной работы для АлтайТорга, он прирабатывает ежедневно рублей по 30–40, и все

⁴⁵⁵ *Field D. A. Mothers and Fathers and the Problem of Selfishness in the Khrushchev Period // Women in the Khrushchev Era / ed. M. Ilić, S. Reid, L. Attwood. Basingstoke, 2004. P. 102.*

на нашу семью, на внучат, а отец совершенно безучастен». Таким образом, присутствие отца в семье далеко не всегда было гарантией материального благополучия, и даже наоборот, было разорительно для семьи. Мужья Нины Покровской, Зинаиды Мечтовой и Антонины Жильцовой не были маргинальными личностями, у них была работа и стабильный заработок, они были частью рабочего коллектива. Тем не менее, можно предположить, что, наличие семьи в бэкграунде и позволяло этим отцам оставаться частью общества. Не столько они были важны для семьи (из которой они регулярно отлучались), сколько жена и дети были важна для их социального статуса.

Муж Зинаиды Мечтовой, согласно ее дневнику, постоянно попадал в неприятности с работой и долги, по мнению женщины, это было «легкомыслием», свойством его натуры, которую сложно изменить: «Вечером 27-го приехал муж с «сюрпризом» — уволили с работы за использование машины не по назначению, и для чего это делает, для семьи это только губительно. И вот все как-то «ребячество» проявляет, дома только о себе, а о последствиях своих поступков, что они так много огорчений приносят, об этом совершенно не думает. На мельнице — проштрафился, уволили; в автоколонне — та же картина — уволили. Когда конец легкомыслию, когда будет серьезнее — неизвестно. О, несчастье! Нет, содержать семью не может, бессилён, неспособен»; «В течение 11 лет он ничего не купил мне, ни одной вещи ни детям, ни мне. Отсюда можно видеть, что семья ему нужна только для того, чтобы ему было удобно, чтобы кормили, обстирывали, вообще обслуживали его, что он погибнет без семьи, а сам содержать семью совершенно не способен и нет у него стремления к этому». Описывая в дневнике пьянство, измены и грубость мужа, Мечтова тем не менее придерживается позиции, что пока такой мужчина находится в семье, он нужен детям: «Унизит, опозорит, обольет грязью, отовсюду получает любовные письма. С фронта привез целую пачку писем от какой-то украинки-доярки. И вот так в течение всей нашей жизни с ним. Я села ожидать, на душе так тяжело, вспомнились дети, почему они такие несчастные? Кто отнимает у них отца? Я? нет, я хочу, чтобы они

жили с отцом и с матерью, я не хочу калечить их детство, но и так жить нельзя».

Несмотря на частые и долгие отлучки, во время пребывания дома Иван включался в домашние дела и общался с детьми. Однако его помощь носила ситуативный характер, и в основном все делось с указания жены: «Ваня опоздал к поезду, поэтому поездка на ст. Повалиха не осуществилась. После обеда чистили колодец. Арик чистил в колодце, а папка вытаскивал глину. Оба устали, сейчас крепко спят»; «Наконец-то выкупил вёдра, которые заказал жестянщику ещё в июне месяце, уплатил за работу 20 руб. и принёс ребятам кусок мясного пирога, в столовой купил, и 250 руб. денег». Эти эпизоды фиксируются в дневнике с явной симпатией и удовлетворением, Мечтова рассматривает участие мужа в домашних делах как хороший признак. Впрочем, такие моменты возникают не очень часто, более типична для этой семьи другая ситуация: «До 2 ч. дня проверяла тетради, с 2 до полпятого белила, мыла пол ... Ваня дома сидит, курит да отдыхает, не знаю, до которого отпуск себе наметил. Карточку не получил, т.к. не работает и расчет не получает ни в комбинате, ни в питомнике. Картошка кончается, корм для коровы тоже, а он и в ус не дует. Жалуется, ноги замерзли в комнате, наверное, говорит, старость подходит. Два полена распилил, говорит, устал»; «Позавчера, выходной, целый день с 9 утра до 9 вечера стирала, выпаривала бельё, а ночью проверяла дневники и тетради, до 2.30 ночи, до выключения света в электросети, в 5.30 утра встала, готовилась к урокам, а «спутник» спит, спит и дни и ночи». В отличие от мужа, автор дневника, помимо профессиональной деятельности выполняла всю домашнюю работу, на ней лежало и воспитание детей, а также работа на огороде («Сейчас я вынуждена работать в 3 смены, буквально с утра до вечера в школе, а ночью дома, и в выходные с утра до вечера стираю, прибираюсь, шью, починая, тетради проверяю»). На фоне бесконечной занятости Зинаиды Мечтовой вклад Ивана Мечтова выглядит довольно скромным, по крайней мере, его ситуативное участие никак не «разгружает» катастрофическую занятость жены по дому и на работе.

Поведение мужа по отношению к детям не могло не вызывать беспокойство матери, особенно случаи физического насилия как практикуемого отцом метода «воспитания»: «Отец, отец... Иночка проснулась со слезами, очевидно, во сне увидела пряники и запросила, закапризничала. Ваня стал кричать: «Дети, что за дети, чёрт вас надавал», схватил Ину за ручонку, ударил четыре раза по голому тельцу. О, ужас!»; «Отец догнал его, сильно, говорит, ударил по щеке и наматерил. Дома начал сильно бить ремнем по заднице. Славик ручонками закрывается. О! Изверги! И я тут стою. Я стою тут и нет жалости, а теперь вот плачу, плачу, все представляю, как он кричит, изгибается, просит прощения, ручками закрывается, а тот бьет, бьет, бьет, в ярости не знает предела».

С другой стороны, были некоторые специфически мужские работы по дому, выполнявшиеся отцом и сыновьями совместно (такие как чистка колодца и т.д.), что обеспечивало некоторую положительную коммуникацию между ними. Старший сын Аркадий («Ара») пошел по стопам отца и стал шофером, про младшего сына Зинаида Мечтова напишет в дневнике уже в 1961 году, что его поведение в семье сильно напоминает отцовское: «Вчера Славик опять с работы пришёл выпивши порядочно, затеял ссору со мной, отцом, Лидушкой. Обижен, что иногда я советую ему вымыть за собой тарелку с ложкой, а он говорит, это не мужская работа, Лидка должна мыть за мной и вы». Безусловно, в этом поведении очевидно влияние примера отца: «Стали ужинать, а он на кровать разлёгся, грязный, неумытый. Спросила его «Сколько рабочих и служащих у вас на предприятии», а он при детях мне крикнул: «Иди ты к чёрту. Не хочу с тобой говорить»...Я их тащу к культуре, а он примером своего поведения, выражения тащит к обратному. Не умывается, садится за стол с грязными руками, фуражку не снимает, разувается сидя на кровати и обувь надевает».

В дневниках детей и подростков довольно сложно проследить образ отца, живущего в семье. Как правило, подросшие дети общались с родителями совсем немного, лишь под вечер, когда они приходили с работы, однако и у школьников и у взрослых было не так много поводов для общения

и взаимодействия. Зинаида Лыкова⁴⁵⁶, школьница–подросток из Череповца, в своем дневнике жалуется на безразличие своих родителей: «Сегодня вновь убедилась, что мама и папа не интересуются моими делами. Начала им что-то рассказывать и замолчала. А они даже не заметили этого» (1962 г.). Автор дневника – эмоциональная девушка, и ее описания родителей в дневнике являются довольно противоречивыми – особенно это касается отца, которого она любит, но периодически ссорится с ним. Отношения дочери и отца, отмеченные теплотой и заботой, в то же время не были идеальными – одной из вечных конфликтных тем были вопросы обустройства быта, например, приготовление ужина: «Мама пришла с работы поздно, усталая. А тут папа, злощущий, голоднющий! Да уж коли так есть хотел, так и сготовил бы сам что-нибудь! Или на меня надеялся? Так я–то уже переголодалась настолько, что и есть расхотелось, даже забыла про еду».

В семье Лыковых, если судить по дневнику Зинаиды, домашнее хозяйство лежало на матери (которая работала поваром), ей помогала дочь. Шестнадцатилетняя Зинаида, наблюдая за матерью и отцом, делает вывод «от противного» – в ее будущей семье будет равноправие, и ее партнер будет участвовать в домашних делах. Девушку возмущает текущее положение дел в известных ей семьях, включая ее собственную: «*Меня бесят мужики* (выделено Зинаидой – *Е.В.*). Ну почему именно на женщин взвалены все тяжести домашнего хозяйства? Чем мужики лучше нас? Почему женщина, отработав целый день, должна делать всё–всё по дому, а муж ничего и замечать не хочет?! Сужу по Степану Васильевичу (ее отец – *примеч. Е.В.*). Он даже хлеба купить стесняется! Нет, уж если я и выйду замуж, то заранее поставлю условие: всё пополам — и труд, и отдых, и горе, и радости. Мы, женщины, не ишаки, чтобы возить мужчин на своих шеях! В конце концов, у нас равноправие!». В дневнике Зинаида рассказывает о споре со своей подругой, в котором вновь возвращается к волнующей ее теме равноправия женщины и мужчины в быту: «Меня возмущает, что мужики превращаются в

⁴⁵⁶ Дневник Зинаиды Леляновой (Лыковой). URL: <https://prozhito.org/person/959> (дата обращения: 30.09.2021).

барчуков. Они на работе устают — это все обязаны понимать. А женщина, по их мнению, на работе только лясы точит, поэтому ей дома не вредно и поработать». Как можно заметить, девушку беспокоит двойная загруженность женщин на производстве и в быту, тогда как мужчины отказываются участвовать в домашних делах и воспитании детей, ссылаясь на занятость и усталость.

По сравнению с образами отцов в других рассмотренных дневниках отец Зинаиды Лыковой вписывается в допустимые нормы «хорошего отцовства». Эпизоды пьянства довольно редки, надолго из семьи этот мужчина не пропадал, отдавал заработанные деньги семье и выполнял дома «мужскую работу». 28 сентября 1962 г. в дневнике Зинаиды появляется запись о том, как она узнает по слухам, что ее отец не является ее биологическим родителем. На это девушка реагирует довольно спокойно: «Не могу я поверить тому, что говорят про папу. А даже если это и так, что из того? Всё равно папа мне больше, чем родной. И люблю я его наравне с мамой». Несмотря на подозрения, автор дневника не пытается выяснить истину, и новость никак не влияет на ее общение с отцом, с которым она то спорит, то проводит совместный досуг (ходят в кино, беседуют и т.д.).

В семье Лыковых, несмотря на типичные для того времени проблемы бытового гендерного неравенства, сохранялось место для теплоты и заботы: «Ой, папа прямо умилил. Наш милый чурбан, неуклюжий медвежонок в обращении с людьми (и я в него пошла)! Маме, как и обещал, подарил часы «Весна». А мне папа, как он сам рассказывал, долго ничего не мог выбрать. Поэтому купил одеколон «Экстра». Признаться, папка тронул меня своим вниманием. Я хотела его на радостях—то чмокнуть, но он отказался, не любит он нежностей». Сложно судить о воспитательных стратегиях в этой семье, однако стоит отметить, что восприятие Зинаидой своего отца было скорее дружеским и не слишком иерархичным, их отношения выстраивались «на равных», отсюда их частые конфликты и примирения.

Иногда после расставания родителей ребенок жил у отца, однако это было скорее исключением, чем правилом. Лидия Барлас⁴⁵⁷, чьи родители развелись, осталась с матерью, но при этом она продолжала общаться с отцом, литератором Владимиром Барласом, и хотела жить вместе с ним («Мы с папой мечтаем жить вместе. Я не могу пока уйти к папе, потому что желание ребёнка по закону учитывается с 11 лет. А до 11 лет любой суд вернёт меня маме. Пока меня не всегда пускают с папой даже на каникулы»). В своем детском дневнике Лидия описывает дни, проведенные в доме отца; отдыхая в детском лагере Артек, она тоскует по отцу и адресует ему свои записи. В 12 лет Лидия фактически сбегает в семью отца, и это происходит с санкции Владимира Барласа: «Поэтому мы сделаем так: мы поедем на лето с папой, с дедушкой Яковом и бабой Лилей под Ленинград, а оттуда напишем маме письмо, что я к ней уже не вернусь. А пока это секрет ...И вот лето 1956 года. Мне 12 лет. Мы осуществляем свой план. Мама пишет нам отчаянные письма. Мама звонит и ходит в разные организации. К нам ходят какие-то люди и спрашивают, не бьют ли меня. Меня не бьют. Я сама хочу жить с папой». Отношения Лидии с матерью, как это следует и из дневника, и из мемуаров, были менее теплыми и близкими, но особенно это заметно по записям, сделанным уже после «побега» («Москва. Я читаю Тургенева, «Рудин». Я поражена такой фразой: «Впрочем, редкая мать понимает дочь свою».)

Согласно мемуарам Лидии Барлас (Кнориной), отец так уговаривал дочь покинуть мать: «Она не чувствует непосредственно, она оглядывается на окружающих. А считается, что мать должна страдать от разлуки с ребёнком. Вот она и внушит себе, что страдает». Мирра Аспиз (биолог, впоследствии доктор наук и известный ученый), была возмущена поступком бывшего мужа, и пыталась вернуть дочь назад, однако, твердость Лидии (и ее возраст) стали решающим фактором: «Уже в Москве в школе меня уговаривают учителя, подруга Таня Королёва говорит, что не всегда можно

⁴⁵⁷ Дневник Лидии Барлас (Кнориной). URL: <https://prozhito.org/person/1285> (дата обращения: 25.09.2021).

делать всё, что хочется. Но почему? Папа говорит, что жизнь должна давать человеку радость и дело только в нас самих. Человек – хозяин своей судьбы. Я хочу быть хозяином». Как можно заметить, для Лидии этот поступок был связан с обретением внутренней субъектности и становления себя как личности. Более того, взрослая Лидия Кнорина видит неконформистский разрыв с устоявшимися традициями и свою непохожесть на окружающих ее женщин (как подруг, так и мать).

Свою семейную историю по-разному рассказывают Лидия Барлас–подросток и взрослая женщина Лидия Кнорина, но в обоих случаях есть удовлетворение от сделанного выбора. Впрочем, девушка продолжает посещать мать, и даже встречает с ней Новый год: «Вот и пришёл новый, 1959 г. Я встречала его у мамы... Мне кажется, что если я всё равно думаю о папе всегда, то всё равно, где я буду находиться в тот или иной день: ведь под Новый год я мысленно поздравляла папу и желала папе всего хорошего». Отец для девушки–подростка является авторитетом и просто самым важным человеком в жизни, многое в своих дневниковых рассуждениях она подкрепляет цитатами из речи отца, а также она дает отцу прочитать те страницы дневника, которые посвящены ее чувствам к однокласснику: «Сейчас я папе прочитала все места об Игоре, начиная с 4/V. И папа сказал, что Игорь ему нравится. Ура!».

После переезда Лидии в дом отца ее мать продолжает участвовать в жизни дочери, и они довольно часто видятся («Папа следит за моими туалетами. Они в основном поступают от мамы»). Однако, как признается сама Лидия в дневнике, они с матерью не так уж близки (и это взаимно): «Мне кажется, я только привязана к ней, но не люблю её. Во всяком случае, по-моему, я бы могла жить много лет не видя её, ничего не слыша о ней. И кто знает, может она тоже». Владимир Барлас инициирует переход дочери в английскую школу, и вникает во многие детали ее жизни: "Папа занимается со мной английским. Он читает мне «Алису». Но я ничего не усваиваю... Меня переводят в английскую школу. Я должна ходить только в чулках в резиночку. Гладкие можно надевать в театр. Появляются эластичные чулки, и

бабушка уверяет папу, что их надо носить для тепла. Папа сомневается, но сдаётся. В резиночку уже не ходит никто. Папа ещё звонит маме Иры Буц (очень скромная девочка) и спрашивает, разрешают ли ей ходить в эластичных. Только бы их достать! – восклицает Ирина мама»⁴⁵⁸. Вместе с ними, как можно понять, жила бабушка, мать отца, скорее всего она также принимала участие в воспитании и Лидии, и дочери от второго брака, Татьяны.

Сложность изучения дневников мужчин с целью выявления особенностей их родительского поведения и саморепрезентации заключается в том, что этот аспект жизни у многих авторов отражен слабо. Иногда информация о рождении детей или беременности жены возникает спонтанно, и потом автор этой темы не касается вообще. Для людей, ведущих записи в 1950 – 1960–е гг. дневники были способом рефлексии литературного характера, отражением художественного восприятия мира или писательской тренировкой. Так, Зинаида Лелянова писала дневник, потому что ей посоветовала учительница, а филолог и литературовед Борис Егоров писал для потомков и для будущих исследователей: «В наш век не пишут дневников — по разным причинам. Но если история будет существовать (дай Бог!), то дневники дадут чрезвычайно интересный материал для историков... Но, пожалуй, я более интересен как человек, индивидуальность, человек века и в то же время просто человек, неповторимая данность. Переплетение фактов и осмысления — переплетение человека с историей. Ясно, что пишу для истории. Цену себе знаю истинную — пишу не потому, что велик (я очень средний литературовед; человек же, пожалуй, выше среднего), а потому, что если бы каждый писал дневник, историкам было бы из чего выбирать!» Похожий подход был у другого филолога, Ромэна Назирова⁴⁵⁹: «Политика и литература. Все это важнее личной жизни. Это — личная жизнь интеллигента

⁴⁵⁸ Кнорина Л.В. «Воспоминания об отце» Ч.1. URL: <http://lidiaknorina.narod.ru/otets.htm> (дата обращения: 27.10. 2021).

⁴⁵⁹ Дневник Ромэна Назирова. URL: <https://prozhito.org/person/359> (дата обращения: 29.10.2021).

нашего времени: политика и литература, иными словами — текущая история и искусство любых времен». Таким образом, личностный аспект как мотивация для написания дневников зачастую скрывает более будничные, рутинные, «приземленные» факты о жизни (в том числе, семейной) современников.

Профессиональная деятельность находила более полное отражение на страницах мужских дневников, а также в устных воспоминаниях. Более того, зачастую из-за загруженности мужчины не могли проводить много времени с семьей, в том числе с детьми. Игорь Дедков⁴⁶⁰, литературный критик, журналист, видит в грядущем отпуске не только отдых и освобождение от надоевшей работы, но и возможность провести время с сыном: «Начальство подписало нам отпуска. Мы почти счастливы. Надоело все. Надоело страшно. Месяц относительной свободы. Месяц с Володенькой, а потом опять в упряжку, где каждая собака норовит ухватить тебя за холку» (8 июня 1962 г.).

Василий Белокрылов больше переживает за свой брак и думает о жене, и лишь затем упоминает сына: «Газета будет выходить, ее так же будут снимать, а Саша останется без отца, Нина без мужа. Впрочем, я ошибаюсь. Нина будет без мужа год, а потом вновь выйдет замуж»; «Мы живем с ней два года, и она мне ни в чем не верит, она считает себя жертвой, живет со мной потому, что у нас сын, живет затем, что мы зарегистрированы...»; «Сколько еще пройдет дней, дождливых и солнечных, холодных и теплых, пока я увижу свою жену, пока мы увидим вместе с ней нашего сына»⁴⁶¹. Характерно, что воображаемый «новый муж» его жены не называется «новым отцом» для сына.

Белокрылов, у которого все время отнимает журналистская работа, не мог посвящать время сыну, как и его жена, получающая образование.

⁴⁶⁰ Дневник Игоря Дедкова. URL: <https://prozhito.org/person/131> (дата обращения: 30.09.2021).

⁴⁶¹ Дневник Василия Белокрылова. URL: <https://prozhito.org/person/2450> (Дата обращения: 29.09.2021).

Поэтому ребенка передают на воспитание бабушке, автор делает это неохотно, однако оба родителя довольно молоды и заняты другими делами: «Сашу снова взяла теща. Это очень плохо. Перемена мест, режима, новые люди, к которым нужно привыкнуть, — все это отрицательно сказывается на развитии ребенка. Теще я не раз говорил об этом, но разве поймет что-нибудь своенравная женщина!».

Вдали от ребенка из-за работы оказался и Ромэн Назиров, впрочем, он более явно выражает свои чувства и скучает по сыну: «Пятница. Лето прошло. Сегодня мы с Тамусей носили Эдика в консультацию. В 5 месяцев и 5 дней он весит 8 кг 550 грамм, рост его 69 сантиметров. Жалко уезжать от него. Жалко расставаться с женой. Она чудесная девочка. Завтра лечу в Москву» (30 августа 1963 г.); «Ночь с субботы на воскресенье. Тамара пишет, что Эдик уже ходит самостоятельно. Я здесь сижу, колупаю мемуары, роюсь в 60-х годах прошлого века, а там без меня растет сын» (15 февраля 1964 г.).

В случае, когда брак оказывается неудачным, отец, который ранее не имел сильной эмоциональной связи с ребенком или явных родительских чувств, из «присутствующего отца» становился «отсутствующим» – развод, как отмечалось ранее, в большом количестве случаев означал прекращение отношений отцов с детьми. Иногда было и наоборот – мужчина испытывал привязанность и любовь к детям, несмотря на охлаждение отношений с супругой. Игорь Карпусь, школьный учитель, писал в дневнике: «Вторую неделю живу один, лишившись единственной заботы и радости — дочки. Славная девочка: умная, живая, понятливая и невероятно чуткая на все оттенки обращения. Но пробивается и упрямство, и капризы, и двойственность. Убедился в необходимости самого раннего воспитания, ибо привычки возникают и затвердевают не по дням — по часам. В стремлении искоренить дурное бываю неоправданно суров и резок, но не могу сдержаться. Лучше быть неумолимым сейчас»⁴⁶² (14 мая 1976 г.). Будучи педагогом, Игорь Карпусь интересовался воспитанием и развитием дочери,

⁴⁶²Дневник Игоря Карпуся. URL: <https://prozhito.org/person/885> (Дата обращения: 28.09.2021).

однако, по его словам, его брак с женой был обречен с самого начала: «На второй месяц понял, что обманулся. Непростительно то, что боялся сразу прервать постылое сожителство и растянул на четыре года». Судя по всему, после развода жена забрала дочь с себе, и по дневнику не вполне ясно, чье решение это было, и мог ли Карпусь видеться с ребенком после развода: «К — ск. Здесь началась и завершается моя семейная жизнь. О ней ни слова... Как расплата, омерзительная процедура развода и гадости, чинимые ею бессознательно по наущению родителей. Потерял дочь — вот единственное горе» (22 июня 1977 г.). Расставание с дочерью, которую автор хотел самостоятельно развивать и даже придумал некоторую стратегию воспитания, воспринимается как большая потеря.

Несмотря на это, через год Карпусь отмечает в дневнике, что сделал предложение женщине: «Тихвинка. Сделал Н.И. предложение, была растерянной, обескуражена моей внезапной настойчивостью. По другому не могу, остро чувствую, как уходит время. Недоволен собой и ею, она как куколка в коконе, и вылупится ли бабочка — неизвестно. Буду ждать» (25 февраля 1978 г.). Судя по всему, попытка создать семью второй раз не увенчалась успехом, потому что через три месяца он оставляет такую запись: «Никогда больше не сойду с женщиной, это не для меня. Я могу нравиться, могут нравиться мне, но всякий раз, как подумаю: а что мы будем делать потом? — приходит отрезвление. Воспитатель из меня слабый, больше влияю стихийно, всей своей фигурой, и для одних этого достаточно, а там, где требуется ежедневная выверенная тактика, там отступаю. Как легко и просторно с детьми, хотя временами голова гудит от возбуждения... Есть умные женщины, которые сознательно заводят детей и остаются незамужними. Как-то мне призналась в этом Рита. Жаль, что я не женщина». Такие мысли тридцатилетнего мужчины 1970-х гг. довольно нетипичны для дневников 1950–1960-х гг., поскольку автор признается, что ему интересны дети и общение с ними, но отношения с женщинами у него не ладятся (тем красноречивей выглядит запись 1967 г. о том, что у него появился «предмет страсти», семнадцатилетний юноша, в котором он находит «радость

разделенных порывов», и неясно, имеет ли Игорь Карпусь в виду радость от общения со способным учеником или романтические чувства к нему). Более того, признание о том, что он хотел бы воспитывать ребенка самостоятельно, без жены также расходится с общепризнанными стандартами маскулинности того времени. Однако говоря о себе как о воспитателе, «властителе дум» молодежи и примере для подражания для детей, своих и чужих, автор мало касается бытовой стороны вопроса и родительской рутины, а также домашних обязанностей.

Как показало изучение «присутствующих» отцов на примере дневников, интервью и писем, советское отцовство не было инкорпорировано в жизнь мужчины в той же мере, в какой материнство занимало в жизни женщины. Отцы, жившие в семьях с женой, детьми, и, как правило, с бабушкой (со стороны матери), участвовали (или не участвовали) в домашних делах и в воспитании детей в разной мере, но важно заметить, что от них и требовался минимум вклада в быт. Этот минимум, или критерии «хорошего семьянина» варьировались и были довольно размытыми, присутствие в семье подразумевало, что мужчина содержит своих детей и дает жене деньги на «хозяйство».

Существовал определенный спектр отцовских практик: одни мужчины, формально проживая в семье, проводили свое рабочее и свободное время вне нее, другие стремились участвовать в хозяйстве и оказывали серьезную помощь матери. Это две крайние позиции «присутствующего» отцовства, между которыми находятся множество разных комбинаций и поведенческих паттернов – мужчина мог быть незаменимой и неотъемлемой частью психологического и материального благосостояния семьи, мог служить ситуационным помощником жене, а мог являться основной причиной семейных бедствий и материальной нестабильности. Объединяет их то, что в рамках существовавших представлений о семье, распределении домашних обязанностей и воспитании детей от отцов требовалась помощь в семейных делах, но при этом их вовлеченность изначально рассматривалась как ограниченная. Роль отца ограничивалась тем, что он добросовестно отдавал

заработок в «семью», был «второстепенным родителем» и иногда помогал жене «по хозяйству». Советские женщины, работая наравне с мужчинами на производстве, дома получали гораздо большее влияние – прежде всего в вопросах воспитания детей и ответственности за них. Обязанность правильно мотивировать и вовлекать мужчину в бытовую рутину и заботу о детях лежала тоже на женщине.

Апатия, безразличие и эмоциональная холодность отцов по отношению к жене и детям часто являлись симптомом неудачного брака, но могли быть одним из отражений советской гегемонной маскулинности. Авторы мужских дневников предпочитают обходиться без лишних эмоций, рассказывая о таких событиях, как рождение ребенка или уход за новорожденным. Проблема заключалась не в личных качествах: повествуя о любви к жене, например, мужчины были более эмоциональны, тогда как опыт отцовства отражал известную отчужденность, заложенную в семейном статусе разных родителей.

3.3. Индивидуальные родительские стратегии мужчин.

Практики отцов менялись с течением жизни ребенка, точнее, та часть работы, которую делегировали отцам матери детей. Отцовские практики можно систематизировать по нескольким критериям. Во-первых, необходимо выделить функции мужчин в бытовой рутине и определить степень и качество их участия в обязанностях по уходу за детьми и их воспитании. Во-вторых, проследить, как менялось распределение родительских обязанностей по мере взросления ребенка.

Появление ребенка на свет в советской семье означало, как правило, роды жены в роддоме. Практики совместных (партнерских) родов не существовало, более того, отцам запрещалось даже приходить в роддом навещать роженицу. Институционально рождение ребенка происходило под эгидой и надзором государства, рождался новый гражданин и член советского общества, и это событие обставлялось идеологически именно так,

а не как пополнение семьи⁴⁶³. Первыми ребенка видели мать и медработники, а отец и другие родственники познакомились с ребенком лишь после того, как мать и младенца выписывали из родильного дома. Новорожденного ребенка также не сразу передавали на руки матери, приоритетным для него в момент рождения и после было внимание и забота врачей.

Темы беременности супруги, материнства и детского развития зачастую не слишком занимали авторов дневников из-за кажущейся «прозаичности» – влияния стереотипных представлений об этих событиях как не заслуживающих фиксации в дневнике. Рождение ребенка, как правило, воспринималось отцами без лишней патетики, скорее как естественный ход жизни. Респонденты, даже спустя несколько десятилетий после рождения детей, предпочитают оговорку «это было как у всех», хотя по интонации их рассказов эти воспоминания можно трактовать как исключительно положительные, даже «счастливые».

Александр Маслов, адвокат, работающий в Томске, спустя долгое время едет к новорожденному сыну, чтобы его зарегистрировать, хотя до этого в дневнике не было упоминаний о беременности и родах супруги, как и вообще информации о ребенке: «3-го августа я выехал из Томска в Зырянку посмотреть и зарегистрировал сына. Назвали его Виктором. Криклив шибко. Тамара очень нервна и худая. Ребенок ревет и она с ним вместе. И что из всего этого получится, неизвестно» (7 августа 1956 г.)⁴⁶⁴. В дневнике нет каких-либо мыслей и переживаний, связанных с будущим (и настоящим) отцовством, а также особых эмоций по этому поводу. Василий Белокрылов, который стал отцом в 21 год, рассказывает в дневнике о том, как во время родов жены ему посоветовали сходить в кино, и он отправился смотреть «Ивана Бровкина на целине»: «Первые эпизоды Ивана Бровкина мне понравились. Вдруг хорошенькое лицо, принадлежащее молодой женщине, очутилось прямо напротив моего лица. Я вздрогнул от неожиданности.

⁴⁶³ *Gradskova Y. Soviet People with Female Bodies: Performing Beauty and Maternity in Soviet Russia in the mid 1930–1960s: Academic dissertation. Stockholm, 2007. P. 100–106.*

⁴⁶⁴ Дневник Александра Маслова. URL: <https://prozhito.org/person/2437> (Дата обращения: 29.09.2021).

«Поздравляю тебя с сыном», — услышал я шепот клубной кассирши. «Спасибо... Когда?..» — Только что... Там мать...» Я вышел и сразу же увидел радостное лицо тещи»⁴⁶⁵. Поскольку по правилам мужчин не допускали в роддом, и встреча с новорожденным ребенком происходила позже, момент переживания отцовства был растянут во времени и размывался. Через полгода Василий Белокрылов в дневнике расскажет об отчуждении от семьи в буквальном и в переносном смысле. Почти сразу после рождения сына отдают на воспитание бабушке, жена уезжает в другой город на учебу, а автор работает в третьем («Я — в Мамоне, Саша — в Дерезовке, а она — в Острогжске. Молодая, разобщенная семья...»).

Михаил Гробман, художник и поэт, до эмиграции в Израиль в 1971 г., фиксировал в дневнике не только события жизни в московской творческой среде, но и описывал бытовые моменты, связанные с его женой Ириной, а потом и с сыном, Яковом (Янкеле)⁴⁶⁶. Дневник отличает довольно сухое, по большей части, перечисление событий дня, вплоть до упоминания домашних дел и состояния здоровья жены и сына. Так, до рождения сына супруги вдвоем участвовали в бытовой рутине, хотя дом был по большей части на Ирине: «Ирка весь день дома, т.к. день нерабочий. Утром читали в постели стихи Полежаева. Ирка занималась хозяйством, пылесосили комнату. Читали» (7 марта 1967 г.); «Ирка после работы была на рынке и потом дома варила щи и тушенную с мясом картошку. Я сортировал по годам вырезки из журналов» (1 апреля 1967 г.); «Я носил дрова, топил печь, ходил в магазины. Ирка после работы приехала домой» (12 октября 1967 г.). Из-за разницы темпа работы и образа жизни оба супруга вносили свой вклад в домашнее хозяйство.

Автор, в своей манере, довольно сухо говорит о беременности жены и о рождении сына, однако, по его дневниковым записям складывается

⁴⁶⁵ Дневник Василия Белокрылова. URL: <https://prozhito.org/person/2450> (Дата обращения: 29.09.2021).

⁴⁶⁶ Дневник Михаила Гробмана. URL: <https://prozhito.org/person/129> (Дата обращения: 29.09.2021).

ощущение присутствия отца на всех стадиях появления ребенка на свет: «У Ирки впереди ок. 1,5 месяцев декрета. Живот уже виден, ребенок отчаянно колотится» (1 февраля 1967 г.); «Мирно ожидаем с Иркой ребенка. Ходим в магазины, читаем. Срок появления его на свет неизвестен» (21 марта); «В 5 часов 15 минут утра Ирка родила сына Яшу, названного в память моего папы. Мама и Баська ходили в роддом утром, потом я тоже был, отнес апельсинов, обменялись с Иркой письмами. Я читал, разрезал журналы, был дома, еще раз ходил к Ирке в роддом, отнес ей 2 тома Достоевского, но ее не видел. Сидел весь день дома. Убирал в комнате. Читал статьи Философова. Пока не видел Яшу, не ощущаю себя реально отцом, что между нами с Иркой появилось третье лицо, и таким образом абсолютно своих уже не двое, а трое» (27 марта 1967 г.). Искусственно созданное отчуждение отца от детей в первые дни после рождения приводило даже очень любящих и вовлеченных отцов в замешательство, поскольку это событие произошло далеко от них, и родительские переживания попросту не могли закрепиться в их сознании.

О подобном переживании рассказывают и некоторые респонденты: «Она родилась, мы пришли домой, а мы жили с родителями, ну и конечно там маленький ребеночек, мама была рада... ну вот я каких-то чувств таких родительских...месяцев через 6 только у меня появилось, как у мужика, какое-то вот такое...нет, не привык, ну ребенок и ребенок, не то чтобы мое вот...как будто появилось чувство...да, мое, действительно. Она начала улыбаться, и вот здесь вот (дотрагивается до сердца) сближение. А так как будто принесли ребенка, как с улицы...» (Альберт, 81)⁴⁶⁷. У этого мужчины, ставшего отцом в 1960 г., осознание себя отцом произошло через полгода, когда ребенок немного подрос и стал реагировать на родителей.

Другой респондент, Вадим, который стал отцом в 1959 г., также отмечает некоторую прозаичность рождения ребенка, а также начало связанных с этих событием новых хлопот и тревог: «Отцом я стал 24 апреля...А 22 – это день рождения Ленина. И вот какие-то там фильмы смотрели... почувствовала

⁴⁶⁷ Интервью с А.П. (05.07.2020)

Лариса, что у нее схватки начинаются...и мы с ней отправились в роддом.... И там все ждали–ждали, и никак не могла разродиться долго. Поэтому вот 22 прошло, 23 весь день прошел, и только 24. Ну что...испытали облегчение от того, что она наконец родила (*смех*). Ну тогда долго, чуть ли не неделю держали» (Вадим, 85)⁴⁶⁸. На вопрос интервьюера, совпадали ли ожидания с реальностью, он ответил, что ожиданий особых не было, поскольку он, как отец, довольно скоро столкнулся с реальностью.

Вместе с тем для некоторых мужчин рассказ о первой встрече с ребенком очень важен, для их рассказа это смысловой центр: «Я был очень счастлив, что у меня сын родился, поехали мы, она рожала в Кишиневе, она хотела быть с мамой и он у нас записан Кишинев... Я был счастлив, что у меня родился сын ужасно, я таким счастливым по–моему никогда не был. Также я был счастлив, когда у меня родилась дочь, представляете. Иду в родильный дом, я беру на руки пакет (*смех*) и мое сердце пресекает теплота – вот что значит родное существо». (Владислав, 82)⁴⁶⁹. Но зачастую респонденты не помнили, какие чувства и эмоции они пережили в тот день (вне зависимости от рода деятельности и образования опрашиваемых), или же упоминали об этом событии довольно лаконично: «У меня сын родился. Вот и все».

Другой респондент, житель деревни в Мордовии, рассказывал о родах жены: «С Калыша ее увезли в Кемлю рожать. Сказали и ее туда увезли рожать, вот она там и родила. И все. А я в это время работал же на Калыше, шофером. – А ты бабушку приезжал встречать из роддома? – Обязательно я ее приезжал встречать!» (Николай, 86)⁴⁷⁰. Не все отцы могли встретить из роддома жену, один из респондентов, переводчик французского при посольстве, во время рождения дочери находился с дипмиссией в Дамаске. В итоге не он отправился на встречу с дочерью в Москву, а его жена с ребенком поехала к нему: «Ребенка даже привезли потом... с большой куклой приехала в Дамаск. Я увидел ее с большой куклой, подошел к ней, а она от

⁴⁶⁸ Интервью с В.А. (09.01.2020)

⁴⁶⁹ Интервью с В.Г. (01.10.2020)

⁴⁷⁰ Интервью с Н.П. (05.05.2021)

меня убежала, испугалась (*смеется*) – А сколько ей было лет? – Да мало было, да только ходить начала, поддерживали ее, сколько точно я не могу сказать, ну может месяцев 10 было» (Игорь, 85)⁴⁷¹.

Михаил Гробман с педантичностью фиксирует на страницах дневника события, связанные с семьей, отводя им даже больше места, чем рассказам о богемной жизни, что свидетельствовало о большой роли дома и семьи в его жизни. После рождения сына Гробман подробно, изо дня в день, оставляет записи о сыне, о жене и о себе. Личная рефлексия отодвигается на задний план (но не исчезает совсем), однако нельзя назвать эти записи «дневником наблюдения за ребенком», поскольку автор в соответствии со своим мировоззрением пишет обо всех вещах, которые его волнуют. Пока он живет вместе с ребенком, он вовлекается в процесс заботы о нем, как и другие члены семьи – мать и бабушка. Впрочем, сам Михаил Гробман отмечает, что большую часть забот о ребенке взяла на себя молодая мать: «Мы с Ирккой весь день вокруг Янкеле. Кормим, одеваем, гуляем. В основном, конечно, Ирка». С другой стороны, автор подробно рассказывает о своем вкладе в уход за новорожденным сыном.

Судя по записям первых месяцев после рождения ребенка, Гробман был ответственным за стирку и глажку детских пеленок: «Я стираю пеленки, играли с Женькой в карты, он проиграл – должен был гладить 10 пеленок» (5 апреля 1967 г.); «Получил в ЗАГСе свидетельство о рождении Якова Гробмана. Был на Озерковской, стирал и гладил пеленки, Яшенька спал, Ирка ходила в консультацию на кварцевое облучение» (7 апреля 1967 г.); «Янкеле стал плакать, я его три раза перепеленывал, он три раза какал, пришла Ирка и все урегулировала. Я стирал пеленки» (10 апреля 1967 г.); «Ирка ходила в поликлинику, я гладил пеленки, качал Яшеньку» (19 апреля 1967 г.).

Стирка детского белья, которой в первый год жизни ребенка действительно довольно много, отмечается некоторыми отцами как часть их домашних обязанностей. Респондент Вадим подробно рассказывает про все

⁴⁷¹ Интервью с И. Е. (02.05.2021)

сложности, которые сопровождают эту процедуру: «Тогда же никаких приспособлений не было. Поэтому подгузники, пеленки, и все это стиралось вручную... ну обычно за день это все собиралось, и такой приходишь с работы и приходится сушить–стирать...нет, сначала стирать, потому что ребеночек маленький, и это все и марлю отстирываешь и пеленки, потом пеленки, поскольку это все развешивается потом, поскольку это первый ребенок, то с ним все это утюгом гладится...» (Вадим, 85).

Стирка была частью рутины советских родителей, в которую, видимо, были вовлечены и бабушки. Судя по всему, стирка (и глажение) пеленок не требовала особых знаний и ответственности, поэтому эту работу поручали отцу. Впрочем, это справедливо далеко не для всех отцов 1950–1960–х гг. Городские респонденты вспоминают про стирку чаще, чем их современники, жившие в деревне, но, в то же время, участие в этой практике зависело как от наличия свободного времени у мужчины, так и от степени его готовности помогать семье. Один респондент, вспоминая непростые коммунальные условия жизни в уральском промышленном городе–миллионнике, мимоходом упомянул: «Надо было носить воду, 6–7 ведер норма, 10, если жена или теща решала стирать...»⁴⁷². Другой респондент, инженер, живший в Коломне в конце 1950–1960–х гг., вспомнил о существовании стиральной машинки у них дома: «Я как–то сам не помню, стирал я там или нет...стиральная машина в своем доме, не было проблем с этим – В 60–е была? – В 60–е была...только не отжимала, валики такие были... а так и машинка была, и телевизоры уже были, у нас только появились, папа хорошо зарабатывал и материально обеспечены были нормально». Таким образом, технические средства в его семье решили проблему загруженности родителей ребенка стиркой (хотя, возможно, респондент все–таки ошибается со временем).

⁴⁷² Интервью с Р.П. (10.03.2020)

Автор небольшого дневника 1966 г., озаглавленного «Как мы проводили время без мамы»⁴⁷³, Михаил Андреев, мастер на АТЗ (Алтайский тракторный завод) г. Рубцовска во время туристической поездки жены остался с двухлетней дочерью дома и вел ежедневные записи. Андреев фиксировал распорядок дня, что он делал, как себя чувствует дочка, сколько денег было потрачено за день. На сайте «Прожито» этот дневник публиковался под тэгом «дневник наблюдения за ребенком», что действительно отчасти так, поскольку в данном случае отец каждый день отмечает состояние здоровья и настроение дочери, однако неизвестно, являлись ли эти наблюдения частью других, которые вела мать и какую роль она играла в вовлечении мужа в процесс составления записей. Скрупулезная запись ежедневных финансовых расходов показывает, что целей при написании текста было несколько, в том числе и рефлексия самой ситуации: мужчина остается с ребенком и обязан выполнять те функции и действия, которые традиционно предписываются матери. Несмотря на прикладной характер дневника, автор делится своими эмоциями: усталостью, раздражением и ожиданием возвращения жены («Когда же Зина приедет, я уже устал, а еще 11 дней. Даже письмо не хочется писать, нет настроения»).

Стирка также входила в обязанности этого отца, но наряду с другими – вести хозяйство и заботиться о дочери («Убрал постель, все перестирал. Ух! Скоро уже Зина приедет. Хотя бы один день не варить и т.д.»; «Уснула в 2:30 встала в 5. Я перегладил все ее хозяйство»). Безусловно, ситуация выглядит для того времени (и для самого автора) довольно экстремальной, но нельзя не отметить, что ряд навыков и умений в быту существовали в арсенале Михаила Андреева и раньше, во время отсутствия супруги он смог их проявить, и, судя по дневнику, довольно успешно. Например, приготовление (даже простых блюд) было нетипичным даже для очень вовлеченных отцов, респонденты практически не упоминают о своих практиках и кулинарных

⁴⁷³ Дневник Михаила Андреева. URL: <https://prozhitto.org/person/1954> (дата обращения: 20.08.2021). Автор выражает благодарность Мише Мельниченко за помощь в поиске «родительских дневников» и «дневников воспитания».

успехах, однако такой навык был у Михаила Андреева: «Света наелась и уснула в 2:40, а я сейчас все постираю да буду варить борщ. Встала Света в 5:40, покушала досыта борща с мясом». Из записей видно, что отец старался как мог разнообразить меню для дочери, хотя его выбор был ограничен не только быстрыми и практичными блюдами, но и особенностями питания детей: «В 12:00 пришли домой, сварили лапшу молочную, после поиграли, вымыли пол»; «Сделал фаршированную лапшу. Света поела и кисель тоже»; «Покушали каши рисовой, молока, печенья с вареньем», «Встала в 8:00 сварил кашу манную. Поела хорошо»; «Сейчас жарю картошку будем кушать». Автор с гордостью отмечает, какой хороший у девочки аппетит, и насколько дочери понравились его блюда, которые ничем не хуже тех, что готовит мать (отсюда постоянные уточнения «наелась досыта», «наелась хорошо», «аппетитно покушала. Мы здоровы!»).

Сведения о здоровье Светланы также являются неотъемлемой частью ежедневных записей: «В 6 пошли на прогулку. Пришли в 9 часов. Попила молока, печенья с вареньем. Уснула в 11 часов. Сегодня Свете 2 года и 2 месяца. Света здоровенькая». Очевидно, что самым большим страхом Михаила Андреева была болезнь Светланы в отсутствие жены, поэтому он старается фиксировать в дневнике любые изменения в самочувствии дочери. Когда, ближе к приезду матери, Светлана немного приболела, отец обратился в поликлинику, пытался лечить ее самостоятельно: «Даю ей лекарство, пою молоком теплым с медом»; «У Светланки за правым ушком что-то заболело. В понедельник пойду к врачу».

У Михаила Гробмана был свободный распорядок дня, в отличие от его супруги, поэтому первую половину дня отец проводил с ребенком, а вторую, соответственно, мать. Этот автор дневника также выполняет практически те же родительские обязанности, но, в отличие от Михаила Андреева, он кормит ребенка тем, что приготовила мать ребенка: «Ирка сегодня первый день работает, после рождения Янкеле. Итак, с нынешнего дня Янечка до 4 ч. дня на моем попечении. Сегодня он поднял меня в 9 ч. утра, я накормил его кашей, оставленной Ирккой в подушке, поиграл и, замотав, отправил спать на

улицу в коляске» (14 февраля 1969 г.). Далее такой распорядок дня какое-то время будет повторяться, однако у Михаила Гробмана вскоре появляются дела по работе, и на помощь матери приходит бабушка.

Уборка, как и другая относительно простая работа по дому, также поручалась отцам, однако гораздо реже, чем стирка/глажка пеленок. Михаил Андреев был вынужден заниматься уборкой, но в совокупности с другими обязанностями это сильно утомляет его: «Света играет, а я мою пол... Прошло всего 4 дня. Еще 16. Кошмар!»; «Домой зашли в 1:00, Света играет, а я почистил ведро с содой и наждачной бумагой и сделал генеральную уборку. Все блестит. Вскипятил молоко, сварил кашу манную». Упоминание об уборке как части бытовых обязанностей отцов, помогающих матерям, встречается и в дневнике Михаила Гробмана («Затем поел, убрал в комнате, вымыл везде пол»), а также в письме мужчины, несогласного с передачей детей после развода матери («Я не считался ни со временем, ни с родом работы, все силы отдавал дому: производил уборку в комнате, мыл полы, вытирал пыль, ухаживал за цветами, возил вещи в стирку, привозил, развешивал и снимал белье, сидел с больными детьми...»⁴⁷⁴). Мужчины сообщают о проделанной уборке не как о рутине, а, скорее, как о некотором личном достижении, отсюда большая эмоциональность и гордость собой («все блестит»), чем, например, в женских дневниках.

Еще одной сферой, связанной с заботой о ребенке отцов, была прогулка и посещение «молочной кухни». («Утром с Янкеле в коляске я ездил за кефиром на молочную кухню. Он спал»; «Мы с Ирккой встаем рано, я иду на молочную кухню за Яшкиной подкормкой, и весь дальнейший день проходит около Янкеле»; «Сегодня Янкеле исполнилось 4 месяца. Утром я ходил за прикормом для Янкеле. Потом мы с Янкеле ходили на пенициллиновый укол, он всплакнул, но ненадолго, и мы с ним ездили (он в коляске) на пруд и по Текстильщикам, он спал»). Михаил Гробман совмещает «приятное с

⁴⁷⁴ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 448. Л. 296–303.

полезным», то есть прогулку и необходимость доставать молочные продукты для ребенка.

Вадим рассказывал о том, что ему приходилось преодолеть долгий путь, прежде чем он мог добраться до молочной кухни: «Можно было доехать и обычно – от Калужской до заставы доедешь, и там диетический магазин был. Диетический магазин, пошел в отдел заказов и на работу, потом обратно с работы идешь... забираешь заказы – Питание? – Да питание, детские смеси попозже появляются, молока у мамы много было, кормила нормально, вот, а когда мы вернулись, Оля стала вставать, а по ночам перестала спать, и с осени и до следующей весны она начинала рыдать, ее надо было укачивать»⁴⁷⁵. Респондент обращал внимание на тот факт, что эта обязанность не была обременительной, и ради здоровья дочери он был готов делать небольшой крюк.

Другой отец (Альберт, 81) утверждает, что у них в городе не было молочной кухни, но он вспоминал, что молока в продаже было достаточно, из него «ребенку варили там кашку манную». Проблема с разделением труда у них в семье и приготовлением еды решилась при участии домашней кухни: «... когда сюда (в Троицк – *примеч. Е.В*) переехали, домашнюю кухню... готовили там, продавались такие кастрюльки – три штуки и приносил домой, и таким образом готовили»⁴⁷⁶. Но далеко не все респонденты пользовались молочной кухней – у жителей провинции и сельской местности такой возможности не было, однако, например, в семье Николая была корова, кроме того они покупали молоко у соседей («Коров–то много было, у нас своя же корова была...»)⁴⁷⁷.

Важно отметить, что Михаил Гробман и Вадим, а также ряд других респондентов имели относительно свободный график – они были художниками или учеными, поэтому работали дома, могли проводить значительное количество времени с ребенком и были вовлечены в

⁴⁷⁵ Интервью с В.А. (09.01.2020)

⁴⁷⁶ Интервью с А.П. (05.07.2020)

⁴⁷⁷ Интервью с Н.П. (05.05.2021)

выполнение домашних обязанностей (кроме того, осознавали свою ответственность за семью). Мужчины, которые должны были ежедневно ходить на работу и возвращались вечером, безусловно, проводили с ребенком совсем небольшое количество времени. Поэтому их восприятие младенчества и детства существенно отличались от восприятия тех отцов, которые могли гулять с детьми днем, кормили, купали и выполняли уборку.

Михаил Андреев во время отсутствия жены находился дома с дочерью, но даже без необходимости ходить на работу (как у многих советских матерей), мужчина чувствует усталость, в том числе эмоциональную: «Все дни однообразные. Если бы я не писал, наверное бы и дни потерял, запутался»; «Мама сегодня выедет домой. Скоро приедет. А у меня уже сил нет, вымотался до конца». Автор считает дни до приезда жены, жалуется дневнику, что писем от нее нет, испытывает раздражение, что «матери до дочери дела нет», он чувствует себя покинутым наедине с ребенком. Такой родительский опыт, безусловно, не прошел зря, но с другой стороны, практика длительного отсутствия жены скорее была исключением. В других жизненных историях отцов не удалось обнаружить опытов, аналогичных опыту Андреева. Как правило, при отсутствии матери ребенок оставался на попечении бабушек или других родственников.

Бабушки (как правило, это были матери жен) принимали участие в заботе о маленьких детях, а потом и в воспитании дошкольников и школьников⁴⁷⁸. Их помощь матерям иногда была ситуативной, но порой они становились полноправными «родителями», поскольку матери и отцы детей были заняты на работе и времени на детей у них оставалось не так много (вечер будней и выходные). Бабушки же зачастую были уже пенсионерками, кроме того, согласно общепринятым представлениям, женщинам после выхода на пенсию предписывалась роль «бабушки», помогающей своей семье, детям и внукам.

⁴⁷⁸ *Semenova V., Thompson P. Family models and transgenerational influences: grandparents, parents and children in Moscow and Leningrad from the Soviet to the market era // On Living Through Soviet Russia / Ed. D. Bertaux, P. Thompson, A. Rotkirch. New York, 2004. P.118–143.*

В сценарии радиопередачи для женщин 1956 г., посвященной государственным пенсиям, отмечалось: «От всего сердца одобряют новый Закон о государственных пенсиях наши женщины–матери. Теперь они знают, что старость у них обеспечена, значит можно будет больше времени и сил отдать воспитанию внуков»⁴⁷⁹. Выход на пенсию для женщин означал освобождение от работы на производстве, но не снимал с них долга заботы о семье, скорее наоборот, освободившееся свободное время им предписывалось тратить на внуков (а не на себя и на свои интересы).

С точки зрения матерей, помощь бабушек по домашнему хозяйству была серьезной и необходимой поддержкой, позволявшей матерям хотя бы ненадолго отдохнуть от «двойной нагрузки». Однако отцы помощь бабушки (тещи) зачастую воспринимали как «вмешательство», к тому же нежелательное. Так, по мнению респондента Вадима, бабушка нарушала единую стратегию воспитания ребенка: «В этом смысле бабушка, так сказать, это дело портила. ... Раз она считает, что своих детей воспитала, то...». Его теща не участвовала в ежедневной рутине, связанной с ребенком, однако «навязывала» свои методы воспитания, которые нередко расходились с принципами родителей и были, как считал респондент, довольно «старомодными». Поэтому молодые родители принимают решение жить отдельно, отдают дочь в детский сад, и проблема разногласий в тактиках воспитания таким образом постепенно сглаживается.

Отцы, менее вовлеченные в процесс заботы о детях и домашние дела, помощь со стороны тещи воспринимали скорее позитивно или нейтрально. Это было связано с тем, что мужчины большую часть времени проводили на работе, и какие–то аспекты домашнего быта ускользали от их внимания (тем более в рассказе спустя 50–60 лет): «Мама говорит, может я вам готовлю, вам не нравится, может, вы будете это самое сами готовить, и вот Тамаре захотелось самой похозяйничать, а мне–то все равно, я не разбирал...»⁴⁸⁰.

⁴⁷⁹ ЦГАЛИ. Ф. 293. Оп. 4. Д. 13. Л. 28.

⁴⁸⁰ Интервью с А.Н. (09.09.2020)

Другой респондент, отмечая загруженность родителей в то время, тем не менее отдавал должное своей теще и ее поддержке: «Моя теща ребенком занималась очень много, потому что я работал как сумасшедший, и жена, поэтому бабушка решала кучу проблем, связанных с сохранением здоровья ребенка. Она переехала к нам». Переезд бабушки в семью после рождения ребенка был также довольно распространенной практикой, однако не все респонденты помнили, участвовала ли их теща в воспитании детей.

Часть семей в 1950–1960-е гг. жила с родителями жены, но кто-то жил вместе с другими родственниками, которые и помогали им с ребенком. Так, Вадиму и Ларисе значительную помощь оказала сестра жены, медсестра по образованию («...вот сейчас устраивают для беременных подготовку, тогда, конечно, всего этого не было, но с другой стороны Алка-сестра, вот она была опытнее»). Молодые родители не высыпались из-за того, что укачивали ребенка «по очереди», и уставали настолько, что Вадим вспоминает эпизод со своего дня рождения: «Такое воспоминание, у меня в мае рождение, а она (дочь – *примеч. Е.В.*) до этого мне спать не давала, и когда были гости на рождении, и я там слушал рассказы тестя, как он с парашютом прыгал, и меня как не то чтобы укачало, но я пошел, лег и проспал до утра»⁴⁸¹. Альберт проживал вместе с другими родственниками, поэтому заботы о дочери делились всеми взрослыми, немного распределяя нагрузку: «Ну так она дома, она бегала-прыгала маленькая, мы гуляли с ней...еще с нами мой брат жил, неженат был и сестра... она у нас одна была маленькая – И много взрослых? – Ну да». Владимиру повезло меньше, и с родительскими обязанностями ему и его жене приходилось справляться самостоятельно: «Вам кто-то помогал? – Нет! – Родители, родственники?... – Нет-с, сами, вдвоем, вот никого не было. Но ничего, выкарабкались» (Владимир, 78)⁴⁸².

Декретный отпуск женщин в СССР был небольшой – 56 дней до родов и 56 дней после родов, поэтому вопрос о том, кто будет заботиться о ребенке,

⁴⁸¹ Интервью с В.А. (09.01.2020)

⁴⁸² Интервью с В.П. (25.02.2020)

пока родители на работе, был актуален для советских родителей. Опрошенные вспоминали, как они выстраивали свои расписания дня специально таким образом, чтобы успевать уделять время ребенку, в том числе «посменно». Супружеские пары научных работников подстраивали свои рабочие графики так, чтобы забирать ребенка из детского сада или же оставаться с ребенком дома по очереди. Иван вспоминал: «Ну там можно было какой-то отпуск, за свой счет, но получилось так фактически ей (жене – *примеч. ЕВ*) пришлось уйти с работы, вернее на другую перейти. Потому что так... Она пошла вдруг в преподаватели, она работала в Университете на нашей кафедре, где мы кончали, вот, а потом физику преподавала всю жизнь, ну там вроде более свободный распорядок.... В основном выбирали время так, чтобы, допустим, она вечером прилетала, я с утра, или наоборот, она утренние ведет, но с вечерниками у нее было в основном... Да-да, когда одни уже стали жить, старались также друг друга не перекрывать». (Иван, 83)⁴⁸³. В семье историка была примерно такая же ситуация: «Из садика я забирал вечером, мы же историки, у нас свободный рабочий день и поэтому я часто забирал. Потому что у супруги был рабочий день, каждый день у нее ежедневная с 9 до 6. А забирал я сам. Пока она не перешла на научную работу»⁴⁸⁴ (Владимир, 78). Соответственно, переход жены на работу со свободным графиком немного освободил респондента от родительских обязанностей.

Другой научный сотрудник отмечал, что из-за того, что его график был свободным, а у жены нет, вне яслей и детского сада с сыном больше времени проводил именно он: «Жена работала, она быстро ушла на работу, потом ясли, детский сад. Ну я из детского сада забирал пораньше, жена позже кончала... хотя я тоже до 6 работал...Под присмотром был, фактически находился, поскольку относительно свободный режим у меня». Обращает на себя внимание тот факт, что такое распределение было заложено под

⁴⁸³ Интервью с И.А. (15.02.2020)

⁴⁸⁴ Интервью с В.П. (25.02.2020)

влиянием обстоятельств, а не в силу представлений о равенстве родительского вклада в воспитание детей. Отцовское участие было обусловлено практическими соображениями, у женщины, проживающей и работающей в Москве, не всегда была возможность оставаться с ребенком дома, поэтому родители 1960–1970-х гг. делили обязанности по мере возможностей.

В семьях, в значительной степени зависящих от заработка мужчины, расклад был другим: отец работал, а мать проводила время с детьми, но при этом зачастую тоже работала, но меньше по времени. Игорь, работая переводчиком сначала в Дамаске, потом в Праге, проводил время с дочерью только по выходным, а с ребенком находились мать и няня: «Мама, конечно, с дочерью была...Были выходные, конечно, просто гуляли по Дамаску...а потом, это было в Праге, даже бегали наперегонки. Она споткнулась и ключицу сломала»⁴⁸⁵. В сельской семье, где отец работал шофером, забота о детях также лежала на матери, но по другой причине – денег не хватало даже на детский сад. На вопрос интервьюера, с кем в таком случае они оставляли детей, Николай отвечал: «Нет, ни с кем, одни...бабушка (т.е. его жена, Раиса, которая работала дворником – *примеч. Е.В*) с утра пораньше на работу пойдет, подметет, и целый день дома с ними»⁴⁸⁶. Зарботок матери был меньше, чем у отца, поэтому рациональным решением было оставить детей и домашнее хозяйство на нее.

В интервью отцов зачастую можно заметить артикуляцию своей роли в семье как «добытчика». Владимир, рассказывая о своих родительских практиках, отдельно подчеркивает материальную нестабильность своей семьи и проблемы с ее обеспечением, которые ему приходилось решать: «Добывал деньги разными способами...Ну мы все проблемы решили, хотя денег не хватало...хотя потом у меня левые заработки появились...ну не меньше чем официальные, по крайней мере. За счет публикаций, тогда платили. И даже ухитрились – но это попозже – увозить ребенка на юг. У

⁴⁸⁵ Интервью с И. Е. (02.05.2021)

⁴⁸⁶ Интервью с Н.П. (05.05.2021)

жены на работе давали путевки недорогие, мы ездили под Одессу». Другой отец, «работая как проклятый», добывал не только деньги для семьи, но и дефицитную детскую одежду, которой в его городе не было: «Так как мне надо было часто ездить в командировки в Москву по всяким ученым делам и прочая, то первая задачка для меня и друзей – обежать все магазины и купить то, что нужно ребенку, одежду и тому подобное...». Оба эти рассказа были частью устного нарратива мужчин (интервьюер не задавала вопросов про это, респонденты сами затронули эту тему).

Дети школьного возраста считались более самостоятельными, поэтому такого пристального внимания, как в первые годы жизни, они не требовали. Однако общественный дискурс 1950–1960-х гг. настаивал на важной роли наставника и воспитателя, которую должен играть отец (особенно это важно для сыновей). Проблема заключалась в том, что школьники приходили домой днем, а родители с работы – вечером, поэтому существовало представление о том, что дети были совсем одни дома и им было нечем заняться. Один респондент был решительно против таких обвинений, и в своем рассказе стремился подчеркнуть, что он очень много времени посвящал своей дочери: «Она как-то быстро начала расти, сердце отставало от роста, и мы начали беспокоиться, то есть было какое-то обследование, то ли в школе проходили... начал я ездить, директор подключился тоже, где-то вот сюда в Десну, в Москву возили... у нее рост опережал. Но она не была брошенная»⁴⁸⁷.

Другой респондент также стремился акцентировать внимание на том, что его сын не был предоставлен сам себе: «Во дворе он футбол не гонял и на речку купаться не ходил, в отличие от ... следили за здоровьем детей больше» (Владимир, 78)⁴⁸⁸. Детство 1960–1970-х гг. противопоставляется военному и послевоенному детству, когда росли сами опрашиваемые («Нет, он не был себе предоставлен... и по-моему, в такое время такого уже не было, вот когда я жил, что хотели то и делали, мы были совершенно самостоятельными, куда

⁴⁸⁷ Интервью с А.П. (05.07.2020)

⁴⁸⁸ Интервью с В.П. (25.02.2020)

нас только не носило, чем мы только не занимались, а тогда нет, тогда было с этим делом спокойнее»). Вадим также сравнивал свое отцовство и то, как его воспитывали родители: «Я пошел в школу с сестрой, это была война, мы были сами по себе, родители, может, спрашивали, покажи как и чего, но в принципе сидеть и следить, как ты выписываешь... Но какая-то помощь с уроками обязательно была...не то, чтобы сидишь и все за нее делаешь, но обязательно вот так что»⁴⁸⁹.

Можно заметить, что в семьях, где родители уделяли достаточно времени детям, с их школьными домашними заданиями им также помогали, хотя респонденты подчеркивали, что это была не помощь, а некий родительский контроль. У отцов (да и у матерей) вечером было не так много свободного времени, чтобы посвятить его подготовке домашнего задания, более того, существовавший дискурс воспитания детей осуждал чрезмерное участие родителей, поскольку это делало школьников «ленивыми и несамостоятельными». И хотя в 1950–1960-е гг. транслировалась позиция, что «балуют и делают барчуками» детей именно матери, отцы тоже практиковали совместную подготовку школьных домашних заданий с детьми и не рассматривали эту практику как что-то неправильное или недостойное: «А вы помогали с уроками? – Вот и не помню, по-моему, нет... А, может быть в первом классе что-то такое, знаете, а в целом нет, упаси боже, а я даже не интересовался, нет иногда спрашивал, «А что вы проходите?», он рассказывал, а я удивлялся, так что нечего особого не было»⁴⁹⁰. Можно заметить две тенденции в родительском повествовании: желание уделять детям больше времени, чем это было принято в поколении их отцов, но вместе с тем боязнь «избаловать» ребенка чрезмерной опекой.

Практически всем респондентам был задан вопрос о том, как они участвовали в школьной жизни ребенка, ходили ли они на родительские собрания. Те отцы, у которых сохранились воспоминания, отвечали, что

⁴⁸⁹ Интервью с В.А. (09.01.2020)

⁴⁹⁰ Интервью с В.П. (25.02.2020)

ходили (несмотря на то, что иногда их дети или их супруги позже опровергали их слова). Посещение родительских собраний не было делом только матерей или только отцов, обычно туда ходили те, у кого было время и желание: «Жена ходила на собрания...однажды, но я сходил, но что-то наскандалил по какому-то поводу...а в принципе на собрания не ходил» (Владимир, 78); «Ну тоже, кто... В основном в школу Лариса ходила, иногда я, когда она не может, я пойду, когда я, сейчас уже не помню. Точно никаких проблем не было, училась нормально...» (Вадим, 85). В то же время Альберт вспоминает, что ходить на собрания было его обязанностью, более того, у него были связи со школьным руководством, которым он, как сотрудник НИИ, предоставлял «бартерные» услуги: «В школу я ходил на собрания, я уж не помню, ходила ли Тамарка на собрания или нет...я с замдиректора работал, директор школы мы с ним познакомились как-то, и я с ним машинами то бумаги, то в институте для склада мы передавали приборы, это самое, списывали... очень хорошие были отношения». Отец в данном случае не только вовлечен в школьные дела как активный родитель, но и налаживал отношения и связи со школьной администрацией, проявляя дипломатичность и изобретательность.

Отец Лидии Барлас, судя по ее мемуарам, интересовался школьными оценками дочери и посещал родительские собрания («Папе страшно сказать, когда я получаю не пятёрки. Он расстраивается. Он выясняет, почему. Он ходит на все собрания и помимо них часто приходит в школу беседовать с учителями»⁴⁹¹). Судя по всему, отец Лидии был серьезно озабочен ее образованием, но его роль как отца больше исчерпывалась наставничеством и личным авторитетным примером для дочери-подростка.

Будущий карьерный путь детей был обусловлен их индивидуальными склонностями (способностями), условиями жизни, а также личной позицией родителей. Практически все респонденты стремились подчеркнуть, что они никак не заставляли детей подчиниться своей воле, напротив, их миссия

⁴⁹¹ Дневник Лидии Барлас (Кнориной). URL: <https://prozhito.org/person/1285> (дата обращения: 25.09.2021).

заклучалась в предоставлении свободы выбора профессии. Характерно, что эта часть рассказа о детях у части опрошенных получилась самой содержательной, хотя некоторые отцы вообще не упоминают этот сюжет в своих воспоминаниях. Так, инженер из Коломны отмечал, что он первым заговорил с дочерью о ее профориентации и был готов поддержать ее выбор: «Она увлеклась чеканкой...и ей это понравилось, и я с ней начал говорить, вот 7 или 8 класс она заканчивала, и вот мы значит с ней серьезно поговорили, вот сейчас уже 8 класс, надо уже как-то определиться, чем ты будешь заниматься в будущем, вот давай куда-то, или математика тебя интересуется, кем ты хочешь быть, юристом или врачом, то ли еще что-то что тебе нравится, и она говорит мне вот нравится чеканка, искусство. Я бросил все, сел в машину и повез ее, институт текстильный там какой-то был, потом еще был... в общем, все что в округе было, я объездил, училище 1905 г., она ходила, смотрела, я разговаривал с преподавателями, нет, ничего. А потом я привез ее в Абрамцево, она тоже походила, хочу сюда. На какой факультет – на «Художник по металлу». Я думаю, по металлу, ковать там что-то будет? Директор хороший мужик, познакомились с ним»⁴⁹². Как и в случае со школьными родительскими собраниями, отец выступает в роли родителя, который действует как «мягкая сила» – он коммуницирует с преподавателями, выстраивает неформальные горизонтальные отношения с «нужными людьми», и все это он делает ради дочери.

Другой респондент также предоставил сыну право выбора жизненного пути, но, в отличие от Альберта, он поощрял различные интересы ребенка, как он сам говорил «один из важнейших педагогических приемов не давить, а подталкивать, подталкивать потихонечку». Такая стратегия подкреплялась конкретными действиями со стороны отца, стремящегося всесторонне развить сына: «Я старался занять спортом, поставил его на лыжи, занимался фехтованием... Но у него результаты были хорошие по физике. Но у него были выдающиеся музыкальные способности (...) «Пап купи мне гитару» –

⁴⁹² Интервью с А.П. (05.07.2020)

Я купил ему гитару, – «Пап, купи мне флейту» –, я говорю, пожалуйста, я купил ему флейту, он освоил флейту». Респондент артикулирует, что он лишь следовал воле и желаниям ребенка, несколько раз повторяет, что «минимально» занимался с ребенком уроками, и никак не мог повлиять на его дальнейший выбор физического факультета МГУ («Но я ему взял, конечно, учителей, они его готовили и по физике и по математике... Я ужасно волновался... а он: папа я пойду на физический, потому что физический больше нужен чем ... Да, мы иногда задачи решали вместе, в общем–то да, в основном учился он сам, учился нормально, но у него результаты были хорошие по физике и математике... Я его совершенно не толкал, я минимально занимался с ним»).

Декларация намерений отца в данном случае немного расходится с его поступками, хотя, без сомнения, он точно не хотел, чтобы его сын пошел по его стопам (как историк), и очень рассчитывал на его поступление на физический факультет и выбор в пользу профессии, связанной с физикой. Согласно его воспоминаниям, «... где–то на 3 курсе он говорит, «Папа, я хочу бросить МГУ и хочу поступить в Гнесенку на гитару. Я говорю, «Павлик», – а когда он поступил, я был счастлив до невозможности, я бегал в МГУ смотреть эти результаты экзаменов, они на стенке вывешивают первый экзамен был по математике, это бойня обычно половина уничтожается, и когда я побежал увидел его фамилию, я был доволен–поступил, я был ужасно счастлив, – я говорю, Павлик, ты получи диплом, осталось два года, и потом иди на музыку свою. Нет, говорит, папа, только через мой труп»⁴⁹³ (Владислав, 82). Отцовские чувства и эмоции, вместе с тревогой за будущее сына, впрочем, не были выказаны взрослому сыну в виде претензий или критики, и в конечном счете, все разрешилось благополучно, с точки зрения респондента: сын, закончив физический факультет, переехал в США, и там осознал, что не готов начать профессионально заниматься музыкой. Данным кейсом респондент стремился проиллюстрировать, что его воспитательная стратегия, заключалась в «подталкивании», или, иными словами, в «мягкой силе», отец в данной

⁴⁹³ Интервью с В.Я. (10.10.2020)

модели выступает как старший и опытный наставник, который с уважением относится к мнению своего сына.

Вопрос о воспитательных стратегиях, задававшийся респондентам, далеко не всегда встречал ответную реакцию собеседников, скорее наоборот, часть отцов 1960–1970-х гг. затруднялись на него ответить конкретно. В качестве образца воспитания часто называлось собственное детство, а также «естественный порядок вещей» («все шло своим чередом», «да мы как-то не задумывались»). Более того, по материалам интервью можно заметить некоторое единодушие и отрицание пользы каких-либо родительских пособий и инструкций – книг, статей или радиопередач по воспитанию детей. Семьи других ровесников или сверстников также не указываются в качестве примера для подражания или как некий источник для обмена мнениями или опытом. Вот как поясняет свои воспитательные принципы Вадим: «Как меня воспитывали, так я в общем и считал, а так вот за чем мы следили, я во всяком случае, чтобы единодушие было у родителей. Чтоб один поддерживал...ты можешь быть не согласен, но ты свое несогласие выскажешь после, чтобы ребенка не смущать...Да, не при ребенке... если мать сказала нельзя, значит нельзя». Важность согласованности действий родителей в воспитании детей подчеркивается и Владиславом: «Главное в воспитании – это собственный пример. Второе – это хорошие отношения между супругами. Если между супругами нормальные отношения, ну не бывает такого, чтобы все было безбрежно, но отношения должны быть нормальными, и они накладывают своей отпечаток на детей. У нас были нормальные, достаточно нормальные отношения». Многие респонденты стремились подчеркнуть, что их модель воспитания соответствовала нормам воспитания того времени.

Таким образом, опыт отцовства включал в себя определенные родительские практики, варьирувавшиеся в зависимости от таких факторов, как социальное положение и место жительства, профессия мужчины и его занятость, степень вовлеченности матери в общественную жизнь или карьеру, а также наличие бабушек и других родственников, помогающих в воспитании детей. Отцовское участие в жизни ребенка на ранних этапах его жизни

зависело от необходимости какой-либо помощи матери, нагрузка увеличивалась, если родители самостоятельно заботились о ребенке, не обращаясь к сторонней помощи. Как правило, степень вовлеченности отцов не была обусловлена социальным дискурсом – в каждой семье этот вопрос решали по-своему, и некоторые мужчины были вынуждены помогать матери, которая довольно быстро возвращалась на производство, а ясли и детский не были безусловным выбором каждой семьи. Существовал ряд практик, который считался подходящим в большей степени отцам (например, стирка и глажение детского белья), как правило эти занятия не требовали особых навыков или ответственности.

Основной миссией мужчин в семье оставалась функция «добытчика», которая могла трансформироваться из материального обеспечения семьи в «добытчика» продуктов с молочной кухни или дефицитных детских товаров. Однако четкого разделения обязанностей на «женские» и «мужские» не существовало, система распределения домашней работы и заботы о детях была довольно гибкой и решалась ситуативно (особенно если семья состояла лишь из супружеской пары и детей). При необходимости и в нужных обстоятельствах отцы справлялись (и довольно успешно) с обязанностями, маркируемых как «женские» (например, приготовление еды или полноценная забота о ребенке весь день). Следовательно, даже если разделение родительских обязанностей существовало, то оно было большей частью прагматичным, рациональным и флюидным.

Для детей школьного возраста и старше отцы отождествляли свою роль с образом наставника и воспитателя, который своим авторитетом и внушением направляет ребенка на правильный жизненный путь. Стоит отметить, что в личном опыте практически не прослеживается гендерно-ориентированное воспитание, при котором особое внимание отцов и их специфический «мужской опыт» обращены к сыновьям. Мужчины подчеркивают, что не делали существенных различий в воспитании дочерей и сыновей, и о будущем дочерей отцы заботились довольно серьезно, поддерживая их решения, связанные с выбором места обучения и дальнейшей карьеры.

Выводы. По результатам анализа дневников, а также интервью можно выделить основные формы мужского родительства: отсутствующее отцовство, ситуативное отцовство и вовлеченное отцовство. «Отсутствующее отцовство» как форма взаимоотношений мужчин с детьми была характерна не только для семей, из которых ушел муж и отец, но и для тех, где отец долгое время жил вне семьи из-за работы. Мужчины, покинувшие семью, как правило, предпочитали стратегии самооправдания или самообвинения, при этом воспринимая прошлую семью как «ошибку» и были открыты к новым отношениям и созданию новой семьи. Дети зачастую не вписывались в картину мира «отсутствующего отца»: после развода общение с ними сводилось на нет, но и находясь в формальном браке, мужчины не воспринимали роль отца как роль, отличную от роли мужа.

«Ситуативное отцовство», как правило, подразумевало присутствие отца дома, однако его забота о ребенке исчерпывалась помощью матери в воспитании детей. Основной своей миссией такие семейные мужчины видели материальное обеспечение семьи, и эта функция играла замещающую роль и освобождала от выполнения домашних обязанностей, в том числе, и по воспитанию детей.

«Вовлеченное отцовство» в советском варианте в большинстве случаев означало не равномерное распределение нагрузки по воспитанию на мать и отца, а скорее помощь мужчин женщинам в выполнении домашних обязанностей и воспитании детей тогда, когда мужчина не соответствовал роли «добытчика» или же у него был свободный график, и он мог уделять больше времени детям. В данной семейной модели нередко присутствует фигура бабушки (как правило, матери жены), чье участие в домашнем хозяйстве и воспитании детей позволяет скорректировать нагрузку на родителей.

Заключение

Представления о советском отцовстве, тесно связанные с представлениями о гендерных ролях в семье, родительстве и супружестве, менялись на протяжении 1950–1960–х гг. на разных дискурсивных уровнях: нормативном и общественном, личностном и культурном. Для эпохи «оттепели» отцовство стало символом неразрешенных нормативных и социальных проблем, и, одновременно, способом их решения. Противоречия на законодательном уровне в определении категории отцовства, а также общественные ожидания мужчин–родителей заставляли искать пути преодоления этих проблем.

Сочетание инструментов компаративистского и контекстуального анализа нормативных документов, брачно–семейных кодексов и их проектов показало, что на протяжении 1940 – 1960–х гг. в нормативном дискурсе сосуществовало несколько концепций отцовства: юридическое, биологическое и социальное. В послевоенное время юридическая концепция отцовства закрепляется законодательно – стать отцом формально можно было лишь в зарегистрированном браке. Отцовство являлось крайне узкой нормативной категорией – мужчина считался отцом лишь в том случае, если до рождения детей удалось зарегистрировать брак с их матерью или же пройти процедуру усыновления. Однако к концу 1960–х гг. «юридическая» концепция отцовства была признана неактуальной. В сознании юристов и тех, кто принимал участие в разработке и утверждении нового семейного кодекса, биологическая и социальная концепция отцовства противостояли друг другу и одновременно сосуществовали. Итогом стало принятие компромиссной эклектичной модели, которая включала в себя черты и биологического, и социального отцовства.

Социальные представления об отцовстве находились в противоречии с юридическими нормами и являлись частью повседневного дискурса, выразившегося в обсуждении проблем нового брачно–семейного кодекса, воспитания подрастающего поколения и морального облика советских

граждан. Мужское родительство определялось современниками шире, чем это было в законах, но советское общество 1950–1960-х гг. было далеко от единогласия в этом вопросе. Сами мужчины позиционировали себя отцами лишь в той семье, с которой они проживали на данный момент. Можно выделить «гуманистический» и «традиционный» («патриархальный») дискурсы. «Патриархальный» дискурс руководствовался традиционными представлениями о роли мужчины как «добытчика» и гаранта социальной защищенности, без которого семья не может существовать. «Гуманистический» дискурс использовал морально–этические аргументы, такие как личная ответственность родителей и их вовлеченность в домашний быт и воспитание, а также детоцентристскую риторику и идеи о том, что отцовство является важной и необходимой составляющей жизни каждого мужчины. И «патриархальный», и «гуманистический» дискурсы в данном случае были созвучны друг другу в одном – присутствие отца в семье жизненно важно. Однако среди авторов статей и среди авторов писем концепция отцовства была, как правило, эклектичной и конструировалась из составляющих как «патриархальной», так и «гуманистической» модели. Доминирующей концепции отцовства в 1950–1960-е гг. не существовало, представления об отцовской роли менялись.

Отцовство было острой темой еще и потому, что обсуждение выходило за рамки дискуссий о семейном праве, чаще всего это были темы, связанные с определением норм и аномалий послесталинского общества. На протяжении 1950–1960-х гг. общественные суждения меняются: от обвинения женщин в создании «неполной семьи» и предложений решить проблемы в семейной сфере запрещением разводов до требований изменения законодательства и критики установленных норм и сложившихся стереотипов в отношении семейных гендерных ролей. Публицистические статьи также меняют тональность, освещение проблемы «безотцовщины» и отсутствия записи имени отца в метриках переходит из морально–этического русла в юридическую плоскость. Ответственность мужчин перед детьми начинает рассматриваться комплексно, не только как юридическая и материальная обязанность, но и как общественный долг по воспитанию граждан

коммунистического будущего. С другой стороны, стоит учитывать, что гуманистический подход и требования изменения действующего законодательства коснулись не всех граждан – в дискурсе 1950–х гг. (и отчасти в 1960–е гг.) по–прежнему присутствовала консервативная риторика, апеллирующая к сохранению уже существующих семей и практике отказа записи отца в метрике ребенка, родившегося вне зарегистрированного брака.

«Позитивная модель» советского отцовства зачастую конструировалась, отталкиваясь от девиантного отцовства, образ которого значительной частью был представлен в виде «отцов–подлецов». Образ жизни таких отцов не был сопряжен с отклоняющимся социальным поведением, однако для современников их поведение («свободный образ жизни», «жизнь в свое удовольствие») вызывало неприятие и резкую критику. «Отцы–подлецы» не нарушали закон, однако они пренебрегали негласными правилами, которые предполагали развитое чувство долга в гражданах и преобладание общественных интересов над личными. Однако при порицании акцент ставился не столько на безответственном отцовстве (которое ухудшает качество жизни матери и ребенка), сколько на моральном облике такого мужчины, который живет по своим правилам, он чуждый элемент для советского общества. Такая модель маскулинности (устойчивое материальное положение, наличие связей на стороне и отсутствие эмоциональной привязанности к детям), больше похожая на мачистскую модель, вызывала раздражение граждан, так как этот образ жизни существенно отличался от того, как предписывалось вести себя «советскому человеку». С другой стороны, такие девиантные проявления как бытовой алкоголизм или домашнее насилие больше интересовали общественность в контексте «дурного примера» отцов, моральный облик мужчины в данном случае отходил на второй план.

Общественные ожидания в отношении отцов и «отцовского воспитания» расширяются и множатся: считаться «хорошим» отцом становится все сложнее, а попасть в категорию «плохого отца» – проще. Этот процесс, характерный для послевоенного мира, был обусловлен тенденциями

модернизации, женской эмансипации, второй волны феминизма и развитием культуры детства. СССР не оставался в стороне от общемировых паттернов, однако в советском обществе сохранялась своя специфика, обусловленная, в том числе, идеологической заданностью «коммунистического проекта» 1950 – 1960-х гг.

Современники были убеждены, что институт отцовства важен для общества, однако мало внимания уделялось позитивным моментам отцовства как особому формату коммуникации между отцами и детьми. Сами мужчины 1950–1960-х гг. (большой частью семейные и с детьми) ощущали на себе возрастающие требования к родительству и воспитанию детей – по сравнению со своими собственными родителями, им предписывалось уделять больше времени своей семье. Автономизация частной жизни и уменьшение среднего размера семей также способствовало сближению отцов и детей, совместное времяпрепровождение стало восприниматься как важный элемент воспитания и социализации ребенка. В связи с этим возникает особый вариант «вовлеченного отцовства» в советском варианте, когда отцы получали больше возможностей находиться с ребенком и наблюдать его рост и развитие. При этом роль матери по-прежнему оставалась доминирующей и определяющей.

При многообразии форм и практик отцовства можно выделить три основные модели личного опыта отцов: отсутствующее отцовство, ситуативное отцовство и вовлеченное отцовство. «Отсутствующее отцовство» подразумевало нахождение отца вне семьи долгое время, иногда по работе/службе, но чаще всего – из-за развода супругов. Такая модель отцовских практик подразумевала противоречие на семантическом уровне, поскольку номинально мужчины оставались родителями, однако их жизнь и опыт не соотносилась с эмоциональной вовлеченностью в жизнь семьи и привязанностью к детям. Для «оставленной» семьи отсутствие отца воспринималось достаточно однозначно – как явление, имеющие негативные последствия для психологического состояния женщины и развития детей. Мужчины, покинувшие семью, могли испытывать чувство вины, но в

качестве оправдания ссылались на «ошибку» выбора или самоценность собственной личной жизни. «Ситуативное отцовство» включало в себя модель поведения мужчины, который жил со своей семьей (или, по крайней мере, часто присутствовал дома), но его участие в домашних делах и воспитании детей носило эпизодический, второстепенный характер. Требования к советским отцам были ниже, чем к советским матерям, отцовство не было инкорпорировано в жизнь мужчины в той же мере, как материнство в жизнь женщины. Для «хорошего семьянина» достаточной считалась роль «добытчика» и ситуативного помощника. Степень «ситуативности» существовала в различных комбинациях и варьировалась: отцы в семье могли быть как незаменимой и неотъемлемой частью психологического и материального благосостояния семьи, так и причиной социальной и экономической нестабильности домохозяйства.

Таким образом, представления об отцовстве, циркулирующие в советском обществе 1950–1960-х гг., отражали достаточно широкий спектр мнений и одновременно фокусировались на комплексе проблем, значимых для формирования семейной политики и актуальных трендов эволюции советского социума.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные источники

1.1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), г. Москва

Ф. 385. Верховный Совет РСФСР. Оп. 26. Д. 330, 333, 334, 335.

Ф. 5446. Совет министров СССР. Оп. 90. Д. 975.

Ф. 7523. Верховный Совет СССР. Оп. 41. Д. 32.; Оп. 45. Д. 71, 218, 267, 272, 295, 445, 446, 447, 448, 455, 456, 458, 459; Оп. 45а. Д. 23, 229, 231, 232.

Ф. 9514. Юридическая комиссия при Совете министров СССР. Оп. 1. Д. 13, 71.

1.2. Российский государственный архив литературы и искусства

(РГАЛИ), г. Москва

Ф. 634. Редакция "Литературной газеты". Оп. 4. Д. 1509; Оп. 5. Д. 236, 488.

1.3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС. Оп. 57. Д. 57, 58

1.4. Центральный государственный архив литературы и искусства

(ЦГАЛИ), г. Санкт–Петербург

Ф. 293 Государственная телерадиокомпания "Петербург– 5 канал". Санкт–Петербург. Оп. 4. Д. 13.

II. Опубликованные источники

2.1. Документы и материалы

Декрет 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М.,

1942. С. 161–163.

Декрет о расторжении брака от 19.12.1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 150–151.

Донесение ГорОНО Исполкома Моссовета в Отдел школ ЦК КПСС о факте самоубийства ученика девятого класса московской школы // Личный архив А.Н. Яковлева [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор 2001–2016. URL: <http://alexanderyakovlev.org/personal–archive/lifedoc–doc/1025126/1025334> (дата обращения 16.03.2021).

Заведующий Отделом школ ЦК КПСС В.Н. Дербинов — ЦК КПСС о расследовании самоубийства ученика Г[...]ва // Личный архив А.Н. Яковлева [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор 2001–2016. URL: <http://alexanderyakovlev.org/personal–archive/lifedoc–doc/1025126/1025337> (дата обращения 16.03.2021).

Заместитель заведующего Отделом школ ЦК КПСС И.К. Страхов — ЦК КПСС о факте убийства ученика 10–го класса школы № 554 города Москвы // Личный архив А.Н. Яковлева [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор 2001–2016. URL: <http://alexanderyakovlev.org/personal–archive/lifedoc–doc/1025126/1025276> (дата обращения 16.03.2021).

Закон об утверждении кодекса о браке и семье РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. №32.

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном и опекуном праве (КЗАГС) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942. С. 1045–1074. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С.161–163.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1045–1074.

Семашко Н. Против алиментной эпидемии, или на алименты надейся, а сам не плошай. М.: Охрана материнства и младенчества, 1927.

Справочник женщины–работницы: Права женщины по советскому законодательству / М. С. Румянцева, А. И. Пергамент, Г. М. Громова. М. : Профиздат, 1963.

Проект основ законодательства «О браке и семье». М., 1949. 30 с.

Указ Президиума Верховного Совета от 14 марта 1945 года «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 15.

2.2. Материалы периодической печати

Александров А. Двенадцать пуговиц и два крючка. // Литературная газета. 1956. № 122. С. 2.

Альщик Л. Бывший отец. // Литературная газета. 1964. № 44. С. 2.

АрдаMATский В. Рассказ про человека и инструкцию. // Крокодил. 1955. № 22. С. 6.

Атаров Н. Уважайте маленьких! // Литературная газета. 1965. № 28. С. 4.

Блинков И. Любопытные человечки // Работница. 1966. № 1. С. 24–25.

Вигдорова Ф. Высокий пост // Литературная газета. 1955. № 12. С. 2.

В интересах детей // Литературная газета. 1956. № 90. С. 2.

Волк И. Не называя фамилии // Литературная газета, 1956, № 49. С.2.

Высоцкая О. С кем хочет остаться ребенок? // Литературная газета. 1959. № 72. С. 4.

Дневник матери // Работница. 1968. № 8. С.28.

Долинина Н. За третье лицо! // Литературная газета. 1960. № 63. С. 6

Долматовская Г. Личное дело // Литературная газета. 1964. № 19. С. 2.

Долинина Н. Невмешательство // Литературная газета. 1955. № 102. С. 2.

Дробиз Г. Мой папа–писатель // Литературная газета. 1967. № 9. С. 16.

Елисеева В. Подростки // Литературная газета. 1958. № 79. С. 2.

Миرونкин А. Жизнь и загсовский брак // Известия. 1962. № 13. 14 января.

С. 3.

Михайлов В. Как вырастают тунейдцы // Литературная газета. 1953. № 148.

С.2.

Маршак С.Я., Сперанский Г.С., Шостакович Д.Д., Эренбург И. Г. Это отвергнуто жизнью // Литературная газета. 1956. № 120. С. 2.

Могилецкая К., Дембицкая А., Новичкова К., Арефьева Е. Еще о детской метрике // Литературная газета. 1957. № 99. С. 2.

Мелибеев П. Живое дело или «шестой урок»? // Литературная газета. 1954. № 36. С.2.

Молчание – не золото! // Литературная газета. 1962. № 10. С. 2.

Карибовская В. Хилые деревце // Литературная газета. 1955. № 119. С. 2.

Кашин Л. По букве закона // Литературная газета. 1964. № 31. С. 2.

Кеплер А. Сапогом в душу // Литературная газета. 1962. № 17. С. 2.

Ключарева И. Прав ли отец? // Работница. 1963. № 1. С. 24.

Ковалева Е. Улучшить законодательство о браке, семье и опеке //

Социалистическая законность. 1956. № 12. С. 38–39

Костяшкин Э. Не ремнем, а словом // Работница. 1963. № 3. С. 14–15.

Коваленко С. Родные руки // Работница. 1954. № 5. С. 25–26.

Кокосов Л. Про люсиного папу // Литературная газета. 1955. № 150. С. 2.

Люблинский П.И. Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет // Право и жизнь. Кн.8. М., 1927. С. 32.

Надеждина Н. Подумаешь, кошка! // Работница. 1960. № 5. С. 22.

Неручаев И. Тяжкий просчет // Литературная газета. 1955. № 135. С. 2.

Немцов В. Женатые дети // Литературная газета. 1960. № 119. С. 2.

Нейман Е. От имени матери // Литературная газета. 1955. № 43. С. 2.

Общество родителей // Литературная газета. 1954. № 103. С. 2.

Николаева Л. Бездетные отцы // Работница. 1968. № 11. С. 22–23.

О детских метриках и разводах // Литературная газета. 1958. № 13. С. 2.

Они не одиночки! // Работница. 1957. № 1. С. 15.

От имени сына // Литературная газета. 1954. № 103. С. 2.

- Панфилова Т.* Права ли мать Юры? // *Работница*. 1954. № 2. С. 22.
- Панфилова Т.* Учительница сказала... // *Работница*. 1963. № 11. С. 14–15.
- Панфилова Т.* О солнце, лете и серьезных вещах // *Работница*. 1964. № 5. С. 28–29.
- Познякова Л.* Может ли женщина быть главой семьи? // *Работница*. 1958. №10. С. 23.
- Подход к детям // *Работница*. 1957. № 3. С. 27.
- Протопопова А.* Молодая мать // *Литературная газета*. 1955. № 153. С. 2.
- Протопопова А.* Нет, это не личный вопрос // *Литературная газета*. 1963. № 19. С. 2.
- Пушкин А.Г.* Папа мама и я: письмо в редакцию // *Литературная газета*. 1957. № 118. С. 2.
- Ржевская Е.* Мальчишке четырнадцать лет // *Литературная газета*. 1967. № 29. С. 10.
- Родители живы, дети–сироты // *Литературная газета*. 1958. № 88. С. 2.
- Румянцев Н.* Судебная практика по делам о взыскании на содержание по ст. 42 Кодекса законов о браке, семье и опеке // *Социалистическая законность*. 1954. № 3. С. 56.
- Рысс Е.* Происшествие в шестом классе // *Литературная газета*. 1955. № 6. С.2.
- Свердлов Г.М.* Справедливо ли это? (Ответ читательнице) // *Правда*. 1964. № 88. С. 2.
- Соколов В.* Слушается дело о разводе // *Литературная газета*. 1953. №. 134. С. 2.
- Сонин М.* Снова об алиментах 1968? Да! // *Литературная газета*. 1967. № 4. С. 2.
- Серебровская Е.* Жизнь вносит поправку // *Литературная газета*. 1954. № 7. С. 2.
- Серебровская Е.* Еще раз о метриках // *Литературная газета*. 1956. № 67. С. 2.
- Стрелкова И.* Переростки // *Работница*. 1958. № 4. С. 23–24.
- Чернев И.* Следы семейщины // *Литературная газета*. 1956. № 112. С. 2.

Салов С. Применение ст. 42.3. кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР // Социалистическая законность. № 7. 1956. С. 20.

Седунов К. Охрана прав и законных интересов детей и их родителей // Социалистическая законность. 1953. № 3. Март. С. 44–51

Серебряков К. Верните Дусю в школу // Литературная газета. 1959. № 150. С.2.

Сухомлинский В. Нравственное иждивенчество – откуда оно? // Литературная газета. 1965. № 66. С. 2.

Успенская Е. У вас дома // Литературная газета. 1960. № 146. С. 2.

Урланис Б. Берегите мужчин! // Литературная газета. 1968. № 30. С. 2.

Феофанов Ю. Папа, мама и я // Литературная газета. 1957. № 114. С. 2

Фишман Л.И. По поводу нового Кодекса законов о браке // Право и жизнь. Кн.3. М. 1927. С.4

Чужой, совсем чужой...// Работница. 1964. № 6. С. 28.

2.3. Дневники и мемуары

Дневник Александра Маслова. URL: <https://prozhito.org/person/2437>. Дата обращения: 29.09.2021.

Дневник Антонины Жильцовой. URL: <https://prozhito.org/person/826>. Дата обращения: 25.09.2021.

Дневник Василия Белокрылова. URL: <https://prozhito.org/person/2450>. Дата обращения: 29.09.2021.

Дневник Зинаиды Мечтовой. URL: <https://prozhito.org/person/160>. Дата обращения 30. 09.2012.

Дневник Елены Шварц. URL: <https://prozhito.org/person/394>. Дата обращения: 30.09.2021.

Дневник Игоря Дедкова. URL: <https://prozhito.org/person/131>. Дата обращения: 30.09.2021.

Дневник Игоря Карпусь. URL: <https://prozhito.org/person/885>. Дата обращения: 28.09.2021.

Дневник Иры Петровской. URL: <https://prozhito.org/person/528>. Дата обращения: 21.09.2021.

Дневник Лидии Барлас (Кнориной). URL: <https://prozhito.org/person/1285>. Дата обращения: 25.09.2021.

Л.В. Кнорина «Воспоминания об отце». Ч.1. URL: <http://lidiaknorina.narod.ru/otets.htm>. Дата обращения: 27.10. 2021.

Дневник Михаила Андреева. URL: <https://prozhito.org/person/1954>. Дата обращения: 20.08.2021.

Дневник Михаила Гробмана. URL: <https://prozhito.org/person/129>. Дата обращения: 29.09.2021.

Дневник Николая Козакова. URL: <https://prozhito.org/person/257>. Дата обращения: 25.09.2021.

Дневник Николая Ладугина. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221961-01-01%22&diaries=%5B2426%5D>. Дата обращения: 30.09.2021.

Дневник Нины Покровской. URL: <https://prozhito.org/person/1533>. Дата обращения: 20.09.2021.

Дневник Леонида Балашевича. URL: <https://prozhito.org/person/3882>. Дата обращения: 30.09.2021.

Дневник Ромэна Назирова. URL: <https://prozhito.org/person/359>. Дата обращения: 29.10.2021.

Дневник Фаины Трахтенберг. URL: <https://prozhito.org/person/4892>. Дата обращения: 30.09.2021.

Дневник Эдуарда Майданюка. URL: <https://prozhito.org/person/4815>. Дата обращения: 29.09.2021.

Дневник Эрмионии Евлаховой. URL: <https://prozhito.org/person/2449>. Дата обращения: 29.09.2021.

III. Литература

1. *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф К, 2009. 303 с.
2. *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1940–1950–е гг. // *Население России в XX веке: Ист. очерки.* М.: РОССПЭН, 2000–. Т.2. С. 218–242.
3. *Араловец Н.А.* Дети в семьях России. Вторая половина XX в.: Демографический аспект // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* Т. 15. №. 1–1. 2013. С. 128–132.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia–Центр; Медиум, 1995. 323 с.
5. *Большакова О.В.* История России в гендерном измерении: Современная зарубежная историография: Аналитический обзор. Москва : РАН ИНИОН, 2010. 122 с.
6. *Бурдьё П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.
7. *Ван дер Лоо Х., Райн ван В.* Модернизация. Проект и парадокс // *Ab Imperio.* 2002. № 1.
8. *Вербицкая О.М.* Сельская семья на этапе социально–экономических трансформаций 1985–2002 гг. М. : ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 408 с.
9. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М. Изд. дом Гос. ун–та – Высшей школы экономики. 2010. 434 с.
10. *Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / под ред. Р. Коннелл; [пер. с англ. Т. Барчуновой].* М.,: НЛЮ, 2015. 425 с.
11. *Гендерное общество / под ред. М. Киммела; [пер. с англ. О. А. Оберемко, И. Н. Тартаковской].* М.,: РОССПЭН, 2006. 458 с.
12. *Голод С. И.* Семья и брак: историко–социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. С. 58–59.

13. *Гилмор Д.* Становление мужественности: культурные концепты маскулинности / Пер. с англ. А. А. Казанкова. М.: РОССПЭН, 2005.
14. *Денисова Л. Н.* Судьба русской крестьянки в XX веке : брак, семья, быт М.: Памятники ист. мысли; РОССПЭН, 2007. 476 с.
15. *Димке Д. В.* Возникновение разномыслия в советской педагогике конца 1950 – начала 1960-х годов как результат изменения советской законодательной системы // Разномыслие в СССР и России (1945–2008): Сб. статей / Под ред. Б. М. Фирсова. СПб.: Из-во Европейского университета в Санкт–Петербурге, 2010. С. 238–260.
16. *Звонарева А. Е.* Советское отцовство: становление, конструирование и трансформация практик. Иваново, 2014. 149 с.
17. *Звонарева А. Е.* Образ отца в позднесоветской журнальной периодике (вторая половина 50–х – 80–е годы XX века) // Женщина в российском обществе. 2009. № 1. С. 64–73.
18. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(Н)ственности / ред. Ушакин С. М.: НЛО. 2002. С. 432–451.
19. *Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А.* 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие / Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина. СПб. : Изд–во Европейского университета в Санкт–Петербурге, 2015. 768 с.
20. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок / Под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб.: Изд–во Европейского университета в Санкт–Петербурге, 2007.
21. *Зезина М. Р.* Социальная защита детей–сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127–136.
22. *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М., 1999.

23. *Иванова Г.М.* На пороге "государства всеобщего благосостояния". Социальная политика в СССР (середина 1950–х – начало 1970–х годов). М.: ИРИ РАН, 2011. 284 с.
24. *Иванова Г.М.* Советская школа в 1950–1960–е годы. М.: Фонд "Московское время", 2018. 432 с.
25. *Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж.* Дискурс–анализ. Теория и метод. Пер. с англ. 2–е изд., Харьков: Изд–во "Гуманитарный Центр", 2008. 352 с.
26. *Клецина И.С.* Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // *Женщина в российском обществе.* 2009. № 3. С. 29–41.
27. *Козлова Н. Н., Сандомирская И. И.* "Я так хочу назвать кино". "Наивное письмо": опыт лингво–социологического чтения. М., Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996.
28. *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005.
29. *Кимерлинг А. С.* «Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии»: письма во власть в послевоенные годы // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: История России. 2013. № 2. С. 5–15.
30. *Кон И.С.* Гендер и маскулинность, сыновья и отцы // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2012. Т. 15. № 1. С. 48–64.
31. *Кон И.С.* Мальчик – отец мужчины. М. : Время, 2009. 702 с.
32. *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
33. *Лебина Н.Б.* Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. 2–е изд. М. : НЛЮ, 2017. 204 с.
34. *Лебина Н.Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950 – 1960–е годы. СПб.: Крига; Победа, 2015.

35. *Лейбович О.Л.* Исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях 1936–1938 годов // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2015. № 3(30). С. 160–168.
36. *Мицюк Н. А.* Проблема материнства в современных зарубежных исторических исследованиях // Вестник Тверского государственного университета. Серия История. 2015. №. 2. С. 124–134.
37. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2000–. Т. 1: 1900–1939 гг. М., 2000. 700 с.
38. «О муже(N)ственности»: Сб. статей / под ред. *С. Ушакина*. М.: НЛЮ, 2002.
39. *Олсон Л., Адоньева С.* Миры русской деревенской женщины: традиция, трансгрессия, компромисс. М.: НЛЮ, 2016. 440 с.
40. Острова утопии : Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980–е) / *И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов* [и др.]. М. : Редакция журнала «Новое литературное обозрение». 2015. 720 с.
41. После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985) : сборник статей / под ред. *А. Пинского*. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 454 с.
42. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // НЛЮ. 2012. № 5. С. 8–23.
43. *Пушкарева Н. Л., Белова А. В., Мицюк Н. А.* Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М. : НЛЮ. 2021. 504 с.
44. *Рейли Д.Д.* Советские бэйби–бумеры: послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране / [пер. с англ. Т. Эйдельман]. М.: НЛЮ. 2015. 539 с.

45. *Ромашова М.В.* Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. 2013. № 2.
46. *Семья, дом и узы родства в истории / Ред. Т. Зоколл, О. Кошелева, Ю. Шлюмбом.* СПб., 2004.
47. *Семейные узы: модели для сборки. Сб. статей. Кн.1. /Сост. и ред. С. Ушакин.* М. НЛО, 2004.
48. *Смеюха В.В.* Женские журналы в СССР 1945–1991 гг.: типология, проблематика, образная трансформация // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 55–67.
49. *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.
50. *Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 : / под ред. Е. Р. Ярской–Смирновой, П. В. Романова.* М. : Вариант, 2008. 373 с.
51. *Темкина А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.
52. *Томпсон П.* *Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М., Весь мир,* 2003. 368 с.
53. *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / [пер. с англ. Л. Ю. Пантиной] ; М.: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»; РОССПЭН, 2011. 373 с.
54. *Харахордин О.В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб., 2002.
55. *Хильдермайер М.* Российский «Долгий XIX век»: «Особый путь» европейской модернизации? // *Ab Imperio.* № 1. 2002. С. 100.
56. *Чернова Ж.В.* Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: Коллективная

- монография/ Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138–168.
57. *Чернова Ж.В.* Отцовство и модели семейной политики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 4(24). С. 81–86.
58. *Чернова Ж.В.* Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 1. С. 103–122.
59. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение/ предисл. А. Беляева; М.: НЛЮ. 2014. 664 с.
60. *Alexopoulos G.* Victim Talk: Defense Testimony and Denunciation Under Stalin // *Law & Social Inquiry*. 1999. № 24. P. 637–654.
61. *Alexopoulos G.* The ritual lament: A narrative of appeal in the 1920s and 1930s. // *Russian History*. 24(1/2).1997 P. 117–129.
62. *Andrews, J.T.* Founding fathers/iconic Soviets: Public identity, Soviet mythology, and the fashioning of science heroes in Soviet times // *Writing the Stalin*. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 177–195.
63. *Antokolskaia M.V.* Development of Family Law in Western and Eastern Europe: Common Origins, Common Driving Forces, Common Tendencies // *Journal of Family History*. 2003. № 1. Vol. 28. P. 52–69.
64. *Bucher G.* Stalinist Families: Motherhood, Fatherhood, and Building the New Soviet Person // *The Making of Russian History: Society, Culture, and the Politics of Modern Russia*, ed. J. Steinberg, R. Wade. Bloomington. IN, 2009. P. 129–152.
65. *Carlback H.* Lone Motherhood in Soviet Russia in the Mid–20th Century–In a European Context / *And they lived happily ever after : norms and everyday practices of family and parent–hood in Russia and Central Europe* / ed. H. Carlback, Y. Gradska, Zh. Kravchenko. Central European University Press Budapest–New York. 2012. P. 29–31.

66. *Clark K.* The Soviet Novel: History as Ritual. 3rd ed. Bloomington: Indiana University Press, 2001.
67. *Chernova Zh.* The Model of "Soviet" Fatherhood// Russian Studies in History, Vol.51(2), 2012. P. 35–62.
68. *Chouliaraki L., Fairclough N.* Discourse in Late Modernity – Rethinking Critical Discourse Analysis. Edinburgh: Edinburgh University Press.1999.
69. *Cohn Ed. D.* “Sex and the Married Communist: Family Troubles, Marital Infidelity, and Party Discipline in the Postwar Ussr, 1945–64.” The Russian Review. vol. 68, no. 3. 2009. P. 429–450.
70. *Connell R.W.* Masculinities. Berkeley. University of California Press, 1995.
71. *Healey D.* “Comrades, Queers, and ‘Oddballs’: Sodomy, Masculinity, and Gendered Violence in Leningrad Province of the 1950s.” Journal of the History of Sexuality. vol. 21. no. 3. 2012. P. 496–522.
72. *Hoffmann D.* Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity 1917–1941. Cornell University Press, 2003. 264 p.
73. *Hosking G.* Trust and Distrust in the USSR: An Overview // The Slavonic and East European Review. 2013. Vol. 91. № 1. P. 1–25.
74. *Gal S., Kligman G.* The Politics of Gender after Socialism: A Comparative–Historical Essay. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000.
75. Gender in Russian history and culture / Ed. L. Edmondson. – Basingstoke (Hants.) New York. Palgrave, 2001. 223 p.
76. Gender and National Identity in Twentieth–Century Russian Culture. De Kalb: Northern Illinois University Press, 2006. 267 p.
77. *Gilmour J. , Clements B.E.* If You Want to Be Like Me, Train!?: the Contradictions of Soviet Masculinity// Russian masculinities in history and culture / Ed. by Barbara Evans Clements [et al.]. Basingstoke (Hants.). New York. Palgrave, 2002. P. 210–222.
78. *Gorlizki Y.* Delegalization in Russia: Soviet Comrades' Courts in Retrospect.//The American Journal of Comparative Law. vol. 46.no. 3. 1998. P. 403–425.

79. *Gorlizki Y.* Structures of Trust after Stalin // *The Slavonic and East European Review*. 2013. Vol. 91. № 1 (special issue «Trust and Distrust in the USSR»). P. 119–146.
80. *Gorlizki Y.* Too Much Trust: Regional Party Leaders and Local Political Networks under Brezhnev // *Slavic Review*. 2010. № 69. P. 676–700.
81. *Gradskova Y.* Soviet People with Female Bodies: Performing Beauty and Maternity in Soviet Russia in the mid 1930–1960s: Academic dissertation. Stockholm, 2007.
82. *Dumančić M.* Men Out of Focus: The Soviet Masculinity Crisis in the Long Sixties. University of Toronto Press, 2021. 344 p.
83. Female social control in the late Soviet village: Comrades' courts as a nexus of official and customary justice (based on field materials from Northwestern Russia) // *Everyday Life in Russian History: Quotidian Studies in Honor of Daniel Kaiser*. G. Marker, J. Neuberger, M. Poe, S. Rupp, eds. Bloomington. Slavica Publishers, 2010. P. 283–304.
84. *Field D.* Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia, New York, NY: Peter Lang Publishing, Inc., 2007. 149 p.
85. *Fitzpatrick Sh.* Supplicants and Citizens: Public Letter–Writing in Soviet Russia in the 1930s // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. № 1. P. 78–105.
86. *Fraser E. L.* Military Masculinity and Postwar Recovery in the Soviet Union. Toronto : University of Toronto Press, 2019. 272 p.
87. *Ilic M., Reid S., Attwood L.* Women in the Khrushchev era. *Studies in Russian and East European History and Society*. London: Palgrave Macmillan, 2004. 254 p.
88. *Issouпова O.* From Duty to Pleasure: Motherhood in Soviet and Post–Soviet Russia // *Gender, State, and Society in Soviet and Post–Soviet Russia*, ed. Sarah Ashwin. London; New York. Routledge, 2000. P. 30–54.
89. *Kaganovsky L.* How the Soviet Man was Unmade: Cultural Fantasy and Male Subjectivity Under Stalin. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2008.

90. *Kharkhordin O.* The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices. Berkeley, CA: University of California Press, 1999. 288 p.
91. *Kaminsky L.* “Utopian Visions of Family Life in the Stalin–Era Soviet Union.” *Central European History*. vol. 44. no. 1. 2011. P. 63–91.
92. *Kozlov D., Gilburd E.* The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s. University of Toronto Press, 2013.
93. *Koenker D. P.* Fathers against Sons/Sons against Fathers: The Problem of Generations in the Early Soviet Workplace // *The Journal of Modern History* Vol. 73. №. 4. P. 781–810.
94. *La Pierre B.* Hooligans in Khrushchev’s Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance During the Thaw. The University of Wisconsin Press, 2013. 136 p.
95. *Mazierska E.* Masculinities in Polish, Czech and Slovak Cinema: Black Peters and Men of Marble. New York: Berghahn Books, 2008.
96. *McCallum C.E.* The Fate of the New Man: Representing and Reconstructing Masculinity in Soviet Visual Culture, 1945–1965. Cornell University Press, 2018.
97. *McCallum C.E.* The Return: Postwar Masculinity and the Domestic Space in Stalinist Visual Culture, 1945–53. // *The Russian Review*, 2015. №74. P. 117–143.
98. *Muravyeva M.* Bytovukha: Family Violence in Soviet Russia // *Aspasia*. 2014. Vol. 8. P. 90–124.
99. *Nakachi M.* “A postwar sexual liberation? The Gendered Experience of the Soviet Union's Great Patriotic War// *Cahiers Du Monde Russe*. vol. 52, no. 2/3. 2011. P. 423–440.
100. *Nakachi M.* Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language // *East European Politics and Societies*. 2006. № 1. Vol. 20. P. 45–46.

101. *Neumann M.* “Youth, It's Your Turn!”: Generations and the Fate of the Russian Revolution (1917–1932) // *Journal of Social History*. Vol. 46. 2012. P. 273–304.
102. *On Living Through Soviet Russia* / ed. D. Bertaux, P. Thompson, A. Rotkirch. Routledge, New York. 2004.
103. *Randall A.* “Abortion will deprive you of happiness!”: Soviet reproductive politics in the post–Stalin era // *Women’s History*. 2011. Vol. 23(3). P. 13–38.
104. *Randall A.* Soviet and Russian Masculinities: Rethinking Soviet Fatherhood after Stalin and Renewing Virility in the Russian Nation under Putin // *The Journal of Modern History* № 92. 2020. P. 859–898.
105. *Russian masculinities in history and culture* / Ed. by Barbara Evans Clements – Basingstoke (Hants.) New York. Palgrave, 2002.
106. *Utrata J.* *Women Without Men. Single Mothers and Family Change in the New Russia*. New York. Cornell University Press, 2015. 288 p.